

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Вольное экономическое общество России
Уральское отделение Вольного экономического общества России

Уральский государственный экономический университет

Урал — XXI ВЕК: МАКРОРЕГИОН НЕОИНДУСТРИАЛЬНОГО И ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ

Материалы
III Международной научно-практической конференции

(Екатеринбург, 15–16 октября 2018 г.)

Том 1

Екатеринбург
Издательство Уральского государственного
экономического университета
2018

УДК 332.14(470.5)
ББК 65.9(235.55)2
У68

Ответственные за выпуск:

доктор экономических наук,
ректор Уральского государственного экономического университета
Я. П. Силин

доктор экономических наук, проректор по научной работе
Уральского государственного экономического университета
Е. Б. Дворядкина

Редакционная коллегия:

доктор географических наук, профессор *Е. Г. Анимица* (председатель);
доктор экономических наук, профессор *В. Ж. Дубровский*;
кандидат экономических наук, доцент *А. Ю. Коковихин*;
доктор экономических наук, профессор *М. С. Марамыгин*

Ответственные секретари секций:

Е. В. Зубкова, Н. А. Истомина, Н. В. Сбродова, Н. Ю. Ярошевич

У68

Урал — XXI век: макрорегион неоиндустриального и инновационного развития [Текст] : материалы III Междунар. науч.-практ. конф. (Екатеринбург, 15–16 октября 2018 г.) : [в 2 т.] / [отв. за вып. : Я. П. Силин, Е. Б. Дворядкина] ; М-во науки и высш. образования Рос. Федерации, Вольное экон. о-во России, Урал. отд-ние Вольного экон. о-ва России, Урал. гос. экон. ун-т. — Екатеринбург : Изд-во Урал. гос. экон. ун-та, 2018. — Т. 1. — 238 с.

В предлагаемых читателю материалах III Международной научно-практической конференции, посвященной проблемам неоиндустриального и инновационного развития Уральского макрорегиона, на основе комплексного подхода излагаются процессы современного развития экономики Урала. Под одной обложкой сборника собраны и рассмотрены в сжатом виде особенности Уральского макрорегиона как пространства для развития экономического и социального взаимодействия, оцениваются промышленно-технологические ресурсы для инновационного прорыва в пространстве макрорегиона, раскрываются социально-экономическая политика и управленческие технологии в эпоху формирования цифровой экономики, исследуются финансово-правовые процессы в период становления нового инновационного общества.

Предназначено для научных и практических работников, аспирантов, магистрантов, специалистов и широкого круга читателей, интересующихся вопросами развития региональной экономики и управления.

УДК 332.14(470.5)
ББК 65.9(235.55)2

© Авторы, указанные в содержании, 2018
© Уральский государственный
экономический университет, 2018

ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО УЧАСТНИКАМ КОНФЕРЕНЦИИ

«Нет удобнейшего средства к приращению во всяком государстве народного благосостояния как стараться приводить экономию в лучшее состояние» (из Устава Императорского Вольного экономического общества).

Вольное экономическое общество России (ВЭО России) — первый институт гражданского общества страны, старейшая общественная организация Европы и мира, созданная более 250 лет назад (в 1765 г.).

Являясь первым институтом гражданского общества в нашей стране, ВЭО России выработало главные правила для всех последующих общественных организаций — сотрудничать с государством, но оставаться независимым, объединять специалистов разных взглядов и предоставлять им возможность свободно высказывать свои идеи, совместными усилиями искать пути улучшения жизни в стране. Эти правила актуальны и сегодня.

Уникальность и притягательность Вольного экономического общества России заключается в том, что благодаря преемственности поколений до наших дней дошла практически в неизменном виде его изначальная идеология — объединять интеллектуальную элиту страны для решения самых важных социально-экономических проблем государства.

Благодаря ВЭО России незримой нитью преемственности связаны многие поколения деятелей отечественной науки и культуры, политиков и предпринимателей, просветителей и меценатов.

В разные годы видную роль в судьбе Вольного экономического общества России играли Н. Ф. Анненский, Ф. Ф. Беллинсгаузен, С. Ю. Витте, граф Р. И. Воронцов, С. Гмелин, В. В. Докучаев, А. Ф. Керенский, В. Г. Короленко, И. Ф. Крузенштерн, Н. Н. Миклухо-Маклай, Д. И. Менделеев, Н. С. Мордвинов, А. А. Нартов, сенатор А. В. Олсуфьев, князь Г. Г. Орлов, А. Н. Радищев, П. П. Семенов-Тянь-Шанский, М. М. Сперанский, П. А. Столыпин, А. С. Строганов, А. Б. Струве, Л. Н. Толстой, Леонард Эйлер и многие другие известные всему миру деятели отечественной науки и культуры. Новейшая история

Вольного экономического общества связана с именами таких выдающихся ученых и общественных деятелей современной России, как Л. И. Абалкин, А. Г. Аганбегян, С. Д. Бодрунов, С. Ю. Глазьев, Р. С. Гринберг, Н. Н. Гриценко, В. И. Гришин, М. Г. Делягин, Я. Н. Дубенецкий, А. А. Дынкин, М. В. Ершов, В. В. Ивантер, С. В. Калашников, С. П. Капица, А. Н. Клепач, В. Н. Красильников, А. Л. Кудрин, Е. Б. Ленчук, А. В. Мурычев, А. Д. Некипелов, Д. Е. Сорокин, О. Н. Сосковец, В. С. Павлов, Г. Х. Попов, Н. Я. Петраков, Б. Н. Порфирьев, Е. М. Примаков, Ю. В. Росляк, С. Н. Рябухин, С. В. Степашин, Е. С. Строев, Г. А. Тосунян, Г. Н. Цаголов, М. В. Шмаков, Н. П. Шмелев, В. И. Щербаков, А. Н. Шохин, В. С. Черномырдин, М. А. Эскиндаров, Ю. В. Якутин, Е. Г. Ясин и др.

Появление межрегионального аспекта в деятельности Вольного экономического общества России — это стратегическое направление развития и тренд времени (сегодня существуют только межрегиональная организация Ленинградской области и города Санкт-Петербурга и Уральское отделение Вольного экономического общества России).

Межрегиональная общественная организация «Уральское отделение Вольного экономического общества России» является высокопрофессиональным сообществом, в состав которого входят представители науки, бизнеса и власти Уральского макрорегиона. Организация в пределах своей компетенции сотрудничает со всеми заинтересованными коммерческими, общественными и научными организациями, органами законодательной и исполнительной власти, зарубежными и международными организациями, иными юридическими и физическими лицами.

Деятельность Вольного экономического общества на Урале связана с именами таких видных уральских ученых, как Е. Г. Анимица, И. А. Баев, В. С. Бочко, Н. Г. Веселов, А. Д. Выварец, А. А. Голиков, В. М. Готглобер, В. В. Запарий, В. П. Иваницкий, Л. А. Коновалов, А. А. Мальцев, Е. В. Попов, Г. С. Празднов, Г. А. Пруденский, В. И. Олигин-Нестеров, А. С. Осинцев, В. П. Радукин, О. А. Романова, М. А. Сергеев, А. Я. Сычев, А. И. Татаркин, А. К. Ташев, В. П. Чичканов и др.

Весомый вклад в социально-экономическое развитие столицы Урала — Екатеринбурга — внес Сергей Юльевич Витте,

русский государственный деятель, почетный гражданин города Екатеринбурга (звание присвоено в 1896 г.), министр путей сообщения (в 1892 г.), министр финансов (в 1892–1903 гг.), председатель Комитета министров (в 1903–1906 гг.), председатель Совета министров (в 1905–1906 гг.).

С. Ю. Витте содействовал развитию «первой российской индустриализации» 1890-х годов, нацеливая организацию промышленного производства во внутренних регионах России, в первую очередь в пределах горнозаводского Урала.

В 1967 г. вышла знаменитая теоретическая работа Джона Кеннета Гэлбрейта «Новое индустриальное общество», в которой исследованы основные тенденции развития экономики второй половины XX века, а также выдвинута концепция индустриального общества и техноструктуры. В 2010 г. Джеймс Гэлбрейт отредактировал издание произведений отца для серии «Библиотека Америки»: «Гэлбрейт: возвращение».

Одним из преемников исследований индустриального развития экономики является Сергей Дмитриевич Бодрунов, президент Вольного экономического общества России, президент Международного Союза экономистов, директор Института нового индустриального развития им. С. Ю. Витте, доктор экономических наук, профессор. С его именем тесно связано появление новых перспективных направлений научной мысли, нацеленных на всестороннее изучение и анализ современных социально-экономических процессов, разработку стратегии реиндустриализации экономики России, концепции нового индустриального общества второй генерации и нооиндустриального развития общества. Среди его важнейших трудов: «Концепция нового индустриального развития России» (2013 г.), «Формирование стратегии реиндустриализации России» (2013 г.), «Грядущее. Новое индустриальное общество: перезагрузка» (2016 г.), «Новая индустриальная революция и проблемы неравенства» (совместно с Дж. К. Гэлбрейтом, 2017 г.), «Ноономика» (2018 г.) и др.

Урал всегда был и остается опорным краем державы. Именно здесь появились одни из первых крупных промышленных производств в Российской империи, сформировалась Уральская горнозаводская цивилизация, были построены сотни и тысячи производств в период индустриализации 1930-х годов. Регион,

в котором концентрация промышленного производства превышает российский уровень в четыре раза, имеет стратегическое значение для страны, а его крупнейшие предприятия — Уральская горно-металлургическая компания, Магнитогорский металлургический комбинат, Уралвагонзавод и другие, особенно предприятия оборонно-промышленного комплекса, являются фундаментом экономики страны.

Экономические преобразования в пределах макрорегиона выделяются неповторимостью не только в зависимости от времени, но и от количественных и качественных характеристик пространства, ибо они со своими уникальными факторами и условиями ускоряют, тормозят или искривляют протекание этих преобразований.

Системный анализ статистических показателей за время современных реформ свидетельствует, что Уральскому макрорегиону удалось сохранить свой «генетический код» — индустриальную модель с ядром производства средств производства.

Стратегические приоритеты новой индустриализации Уральского макрорегиона заложены в следующих ключевых направлениях: оборонно-промышленный комплекс; производство беспилотных летательных аппаратов; атомная промышленность; производство робототехники; информационные технологии; аддитивные технологии; производство наноматериалов; производство металлоконструкций для освоения Арктики, которые базируются на новейших технологиях пятого и шестого технологических укладов, способных изменить конфигурацию экономического ландшафта Урала.

На протяжении многих десятилетий высшие учебные заведения Урала находятся в русле современных трендов индустриального и инновационного развития. Одним из ключевых вузов в изучении указанного направления является Уральский государственный экономический университет. Третий год на площадке университета проводится Международная научно-практическая конференция, посвященная анализу и динамике изучения данных вопросов. В 2018 г. в конференции под названием «Урал — XXI век: макрорегион неоиндустриального и инновационного развития» предусмотрена работа ряда секций, в частности: «Урал — XXI век: пространство для неоиндустриального

и инновационного развития», «Финансово-правовые процессы в период становления нового инновационного общества», «Социально-экономическая политика и управленческие технологии в эпоху цифровой экономики», «Стратегические приоритеты формирования потребительского рынка Уральского макрорегиона».

В рамках направлений секций будут решаться задачи: развития технологического перевооружения промышленности для новой индустриализации; создания новых пространственно-экономических форм развития промышленного Урала: территорий опережающего развития, особых экономических зон; формирования и реализации новой модели экономического развития Урала, его регионов и др.

В конференции примут участие: президент Вольного экономического общества России, президент Международного Союза экономистов, директор Института нового индустриального развития им. С. Ю. Витте, доктор экономических наук, профессор Сергей Дмитриевич Бодрунов, известный американский экономист, профессор Джеймс Кеннет Гэлбрейт, а также представители Уральского отделения Вольного экономического общества России, Уральского отделения Российской академии наук, власти и бизнеса Уральского региона.

Считаю, что проведение таких конференций способствует социально-экономическому развитию Урала!

Желаю участникам конференции успехов в научных исследованиях и практической деятельности на благо России!

Яков Петрович Силин,
ректор Уральского государственного экономического университета,
член президиума Вольного экономического общества России,
президент Уральского отделения Вольного экономического общества России,
доктор экономических наук, профессор

Урал — XXI век: пространство для неоиндустриального и инновационного развития

Е. С. Барзгова

Уральский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ, г. Екатеринбург,

О. И. Попова

Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург

Подготовка профессионала в вузе как инновационный процесс

Аннотация. Инновационный процесс в сфере образования — это обновление и изменение концепций образования, содержания учебных программ, методов и методик, способов обучения и воспитания. В направлениях инноваций можно отметить смену спроса на профессии, появление рисков коммуникации между рынком профессионального труда и системой высшего образования. Возникает проблема образовательного взаимодействия между преподавателем высшей школы и студентом. Необходим ролевой переход преподавателя от «учителя» к «наставнику», «тьютеру». Цифровизация учебного процесса ставит вопрос о формировании у студентов новых компетенций вне стен вуза. Все эти вопросы остро стоят применительно к инновационным процессам в российских вузах.

Ключевые слова: высшее образование; онлайн-образование; цифровизация учебного процесса; гуманитарное образование; гуманитарные компетенции; инновационные процессы в образовании.

Профессии: традиции и современность. Значение профессионального разделения труда в свое время наиболее точно было описано Э. Дюркгеймом. Оно прорисовалось из углубления специализации в сфере по преимуществу интеллектуального труда в процессе производства. Процесс имел количественные (тысячи профессий в производстве) и качественные (повышение производительности труда) последствия. Усложнение процесса производства во второй половине XX века за счет его интеллектуализации в свою очередь усложнило содержание и структуру собственно профессионального труда, в котором в настоящее время наблюдается тенденция к интеграции, дополняющая специализацию. В XXI веке эксперты фиксируют увеличение числа так называемых гибридных профессий, соединяющих компетенции ранее обособленных профессий [3]. Интересна закономерность: гибридные специализации ранее возникли в науке, что послужило поводом для открытий, отмеченных многими Нобелевскими премиями, и сигналом к изменениям в высшем образовании.

Рынок профессионального труда и система высшего образования: риски коммуникации. Социальная коммуникация способна обес-

печить управляемость и контролируемость процесса взаимодействия системы высшего образования и рынка профессионального труда. Коммуникация позволяет предвидеть и смирить последствия неравномерности развития двух рассматриваемых систем, выстроив согласованность их функционирования за счет модернизации содержания высшего образования в его приближении к запросам рынка труда.

Трансформация российской экономики рубежа XX–XXI веков, состоявшая в системном внедрении рыночных принципов хозяйствования, способствовала, во-первых, расширению сегмента новых профессий на рынке труда, и, во-вторых, открытию соответствующих специализаций в вузах. Качество профессионального образования в те годы было сложно проверить не только потребителям услуг, но и контролирующим органам. Западная высшая школа могла наработать систему образовательных программ по профессиональной подготовке «новых профессионалов» эволюционным путем, следуя за спросом на рынке труда, реагировать на его сигналы, вводя новые специальности, меняя образовательные акценты, но главное — выстроить образовательные программы в систему, обеспечивающую целостное качество компетентности выпускников, актуально востребованных рынком труда. Что касается отечественных вузов, то они вынуждены были адаптироваться к запросам рынка труда «на марше», что проявилось в стихийности процесса, его инерционности и в силу этого — в повышении рисков функционирования как отдельных вузов, так и всей системы. Вузы, во-первых, своевременно не улавливали сигналы рынка труда, и, во-вторых, даже уловив их, не могли в силу инерционности режима развития организационно адекватным образом реагировать на них.

В качестве иллюстрации отмеченных рисков мы выбрали подсистему гуманитарного образования. На рынке труда сложилась парадоксальная ситуация: с одной стороны, падает спрос на традиционные профессии, которым продолжают обучать в вузах, но с другой — в границах «новых (рыночных) профессий» сформировался спрос на гуманитарные компетенции в многосоставной компетентностной структуре. Гуманитарные компетенции оказались имплантированными в должностную деятельность профессионалов технического, экономического и других ранее узкоспециальных профилей. Это означало необходимость изменений в вузовской подготовке этих специалистов, т. е. признание гуманитарных компетенций в качестве необходимого компонента образовательных стандартов и учебных планов. Данное нововведение, по нашему мнению, способствовало бы формированию специалиста, подготовленного к решению не только технологических, но и организационных и аналитических задач. Данная гипотеза была подвергнута экспертной оценке в 2016 г. [1]. В качестве экспертов вы-

ступили представители бизнеса, промышленности, банковской сферы и специалисты государственного и муниципального управления Екатеринбурга. Выводы, сделанные экспертами, таковы:

- структура профессий в банковской и ИТ-сферах, востребованных на рынке труда, по мнению большинства экспертов, включает компетенции, которые традиционно формировались в гуманитарном образовании;

- узкопрофессиональное образование теряет свою ценность;

- новая индустриализация предъявляет к системе профессионального образования требование организации гибридной подготовки специалистов с широким мировоззренческим, социологическим, экономическим, экологическим, психологическим, культурологическим кругозором, что повышает их потенциал в любой профессиональной деятельности и способствует более успешной корпоративной работе организаций.

В рамках анализа выделились компетенции, которые, согласно государственным образовательным стандартам, в настоящее время формируются при изучении предметов гуманитарного и социально-экономического цикла на первых курсах российских вузов. Риск их недостаточной глубины, отмеченный экспертами, кроется, на наш взгляд, во внутренней изоляции специальных и неспециальных предметов в профильном вузовском обучении. Изоляция проистекает из организационного и психологического стереотипов. Организационный стереотип сложился в формировании так называемых общих кафедр вуза — культурологии, социологии, психологии, иностранных языков и т. д. И преподаватели, и студенты являются жертвами традиции, сложившейся в логике развитого индустриализма — деления на технарей, естественников и гуманитариев. Проникновение гуманитарной и естественно-научной подготовки на неспециальные факультеты рассматривалось в качестве дополнения, обеспечивающего не профессионализм по получаемому профилю, а общекультурный статус специалиста — интеллигента. В этих условиях преподаватели общих кафедр воспринимались коллегами и студентами лишь формально в качестве членов единой выпускающей специалиста команды. Положение меняется в условиях современной технологической революции, которая способствует формированию запроса на специалиста структуры *mix*, системообразующим элементом которой выступает потенциал креативности. Авторы доклада «Будущее образования: глобальная повестка» таким образом характеризуют процесс смены структуры занятости в период до 2030 г.: «Новое ремесленничество переосмысляет проблему разделения труда — специализация в сфере материального производства вторична, но есть глубокая специализация в сфере интеллектуаль-

ного и творческого труда»¹. Гуманитарная подготовка, о которой шла речь в нашем опросе, становится элементом профессиональной подготовки, связанной и интеллектуально углубляющей специальную. Что касается психологического стереотипа, то он сложился в 1960-е годы. На это обращал внимание Ч. Сноу в тогдашнем бестселлере с красноречивым названием — «Две культуры» [4], имея в виду искусственность и недальновидность изоляции культур гуманитариев и «технарей». Все признавали и несколько романтизировали раскол «физиков и лириков» в ту уже отдаленную от нас эпоху. Технологический переворот рубежа XX–XXI веков обнаружил его рискогенность, причем не только человеческого, но и экономического плана. Всесторонность профессионального капитала специалиста стала условием не только личностной эффективности, но и успеха команды. Всесторонность требует, на наш взгляд, соответствующего моделирования в организации профессионального образования, т. е. в построении структуры преподавательского состава на основе принципа единства. Формирование профессионализма подразумевает единую проектно-деятельностную направленность обучения при разделении предметных путей его достижения в условиях сотрудничества всей команды преподавателей и студентов.

Ролевой переход в образовательном взаимодействии в вузе XXI века. В более ранних работах мы писали о феномене ролевого перехода в образовательном взаимодействии в вузе [2]. Он понимается как изменение запроса студентов на содержание взаимодействия с преподавателем. На младших курсах обучающиеся, пришедшие из школы, неосознанно стремятся продолжить общение с учителем, т. е. предлагают преподавателю роль наставника по новой жизни. На средних курсах идеальным представляется коллегиальное общение, в котором преподавателю предлагается проявиться в роли профессионала. И на выпускном курсе преподаватель переходит на роль педагога-консультанта. Таким образом, ранее мы связывали ролевой переход с взрослением студента и стадией образовательного процесса. В контексте данной статьи считаем уместным рассмотреть ролевой переход в связи с инновациями, вошедшими в повседневность сегодняшнего вузовского обучения.

Гибридизация профессий неизбежно должна привести к изменениям в составе и отношениях преподавателей, в организационной структуре вузов. Подготовка современного специалиста требует постоянного сотрудничества преподавателей, традиционно представля-

¹ Будущее образования: глобальная повестка. — URL : <http://www.edustandart.ru/wp-content/uploads/2015/11/Budushhee-globalnogo-obrazovaniya.pdf> (дата обращения: 06.09.2018).

ющих различные интеллектуальные сферы. Это сотрудничество неизбежно ломает границы еще недавно изолированных факультетов и кафедр. В центр образовательного процесса ставятся студенты, которых нужно качественно подготовить к исполнению сплава компетенций, составляющих современную профессию. К «центру» направлены усилия преподавателей вуза и приглашенных экспертов по реализации данной задачи. Креативность и инновационность преподавательской задачи определяет уникальный состав команды, ее подвижность и временность. Содержанием ее работы является разработка модели будущего специалиста и проекта по ее реализации, ведение учебного процесса в соответствии с проектом и постепенное по ходу профессионализации деятельности включение студентов в команду. Администраторы вуза в новой ситуации ответственны за подбор креативных команд, способных осуществлять названные задачи.

Цифровизация образования. Онлайн-образование радикально меняет процесс и становится серьезным вызовом высшей школе, касающимся его содержания и организации. Образование выходит за пределы учебных аудиторий, лабораторий, библиотек. Идет запрос на новые компетенции выпускника вуза, которые приобретаются за стенами учебных заведений, что ведет к кардинальному изменению рынка труда. Недаром в Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ сразу после заседания президентского совета по цифровой экономике поставили задачу внедрить в образовательные программы изучение технологии блокчейна и всего, что связано с этой технологией применительно к менеджменту и управлению — вплоть до создания специализированной кафедры¹. Это послужит причиной для последующей реорганизации образовательного процесса, во многом основанной на использовании технологий искусственного интеллекта. Главной функцией обучения, образования становится «научить учиться», быть готовым к переменам, к работе с более сложными проектами, заимствованию передовых, в том числе зарубежных, практик, расширению кругозора, отслеживанию тенденций в других отраслях и профессиях. Более того, цифровая компетентность выпускников университетов должна превышать существующую номенклатуру компетенций, чтобы работать на опережение ситуации.

Цифровые технологии радикально меняют содержание преподаваемых дисциплин и форму их подачи. Это не только ставшие уже рутинной электронные презентации или использование видео. Возможны прямые подключения к электронным базам данных, новостям, прохо-

¹ *Главный* тренд российского образования — цифровизация. — URL : <http://www.ug.ru/article/1029> (дата обращения: 06.09.2018).

дящим форумам. В проведении практических занятий возможно применение социальных сетей. С использованием «Скайпа», мессенджеров возможно участие в занятии ведущего специалиста, эксперта. Издательства, специализирующиеся на учебной литературе, все больше переходят на электронные версии учебников и учебных пособий [5].

Университеты и отдельные преподаватели активно выходят на рынок MOOK (MOOC — Massive open online courses) — уже сложившейся международной формы дистанционного образования с открытым доступом в Интернете. Один только такой проект Coursera, основанный профессорами Стэнфорда Э. Ыном и Д. Коллер, охватывает в настоящее время почти 25 млн пользователей, которым предлагается более 2 тыс. курсов по 160 специализациям от полутора сотен образовательных учреждений. Поскольку проект сотрудничает с университетами (среди которых есть элитные), слушатели, пройдя курсы и сдав тесты и экзамены, получают полноценные сертификаты. Технической платформой является как сайт Coursera, так и мобильное приложение для iPhone и Android. С 2009 г. запущен сайт Academic Earth, на котором размещены видеолекции профессоров МТИ, Беркли, Гарварда, Принстона, Стэнфорда, Йеля по экономике, политологии, математике, физике, химии, истории, философии, литературе, психологии и т. д. — вплоть до теологии.

Успешно работает и российская национальная платформа открытого образования (НПОО). Так, с 2016 г. по всем курсам Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» на НПОО пользователи (после прохождения тестирования с идентификацией личности) могут получить подтвержденный сертификат — фактический аналог академической справки, который может быть принят к перезачету другими вузами. Процедура подтверждения сертификата платная — ее стоимость в 2017 г. составила 1 000 р. Если у слушателя нет цели получить сертификат, то он может пройти курс бесплатно.

Развитие бесплатного онлайн-образования топовых университетов мирового уровня является серьезным вызовом региональным вузам. Однако если грамотно совмещать форматы образования онлайн и оффлайн, то региональные вузы могут предлагать и реализовывать качественные, а то и уникальные образовательные программы.

Библиографический список

1. Барзгова Е. С., Попова О. И. К вопросу о будущем гуманитарного образования: анализ сигналов рынка (анализ результатов пилотажного исследования в Екатеринбурге — 2016) // Вестник социально-гуманитарного образования и науки. — 2017. — № 4. — С. 5–11.

2. Баразгова Е. С., Попова О. И., Хитрин К. Л. Ролевой переход в системе профессионального образования // Дискуссия. — 2016. — № 1(64). — С. 78–85.

3. Баразгова Е. С., Хитрин К. Л. Профессии: актуальный анализ социологических представлений // Вестник Поволжского института управления. — 2015. — № 2(47). — С. 68–76.

4. Сноу Ч. П. Портреты и размышления // Две культуры и научная революция. — М. : Прогресс, 1985. — С. 195–226.

5. Тульчинский Г. Л. Цифровая трансформация образования: вызовы высшей школе // Философские науки. — 2017. — № 6. — С. 121–136.

Е. Б. Дворядкина, Е. И. Кайбичева

Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург

Новые индустриальные города в процессах урбанизации Большого Урала¹

Аннотация. Переход к новому технологическому укладу, модернизация промышленного производства в стране сопровождаются изменениями в характере развития и функционирования городов, чью экономическую основу составляет промышленность. В России формируется новый тип городов, для обозначения которого предлагается использовать термин «новый индустриальный город». Цель исследования заключается в изучении роли подобных типов городов в процессах урбанизации. В статье представлена характеристика современных урбанизационных процессов в регионах Большого Урала. С помощью расчетов показателей, характеризующих уровень урбанизации (урбанизированности) территории, показано, что новые индустриальные города, представленные в основном административными центрами соответствующих субъектов РФ и обеспечивающие прирост городского населения макрорегиона, являются подлинными «локомотивами» урбанизационных процессов в узком и широком понимании последних.

Ключевые слова: урбанизация; город; новый индустриальный город; Большой Урал; новая индустриализация.

Возникновение и развитие городов в России, в какую бы историческую эпоху ни происходило, было связано с потребностями государства, будь то военная защита вновь осваиваемых территорий, их торгово-экономическое «включение» в состав страны или необходимость управления огромными пространствами. В советские годы «побудительным мотивом» урбанизации стала необходимость реализации программы индустриализации страны, итогом которой стали не только предприятия-гиганты (комбинаты), но и города при них. В современных условиях рыночной экономики процессы городского развития,

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-010-00789А «Разработка методического инструментария исследования экономики нового индустриального города в условиях трансформации пространственной организации экономической деятельности».

будучи не столь масштабными и впечатляющими по сравнению с социалистической эпохой, что вполне естественно, продолжают.

Новая индустриализация, ставшая одним из векторов государственной экономической политики, выражающаяся в подъеме промышленного производства, его качественном обновлении и поддержке новейших отраслей, ведет и к изменению городов. По мнению авторов, в настоящее время в России наряду с другими странами идет процесс формирования особого типа города, который мы можем назвать новым индустриальным. Это «особый функциональный тип постиндустриального города, экономика которого базируется на сочетании различных видов экономической деятельности при сохранении (или доминировании) и развитии промышленного производства (в том числе, пятого и шестого технологического укладов) на основе принципов новой индустриализации при становлении новых форм организации экономической деятельности» [5, с. 93].

В рамках настоящей статьи авторы ставят себе цель рассмотреть значение новых индустриальных городов в урбанизационных процессах современного Большого Урала. Для этого необходимо кратко остановиться на основных вехах урбанизации на Урале и определиться с тем, какие уральские города стоит считать новыми индустриальными.

Урбанизация Большого Урала: история и современность

Урбанизационные процессы в пространстве Большого Урала имеют длительную историю. Современные исследователи предлагают различную их периодизацию. Л. Н. Мазур, говоря об урбанизации сельской местности на Урале, вычленяет три стадии: начальный этап (вплоть до конца 1930-х годов), стадия сжатия (1940–1980-е годы), тенденция децентрализации (1990-е годы) [10, с. 124–125]. Р. Г. Буканова в своих исследованиях в историческом процессе градообразования применительно к Южному Уралу выделяет 15 периодов, начиная с последней четверти XVI века и заканчивая современностью [3, с. 48]. Более общую картину урбанизационных процессов России предлагают Т. Г. Нефедова и А. И. Трейвиш [11]. Следует упомянуть и о ставших классикой стадиях урбанизации Дж. Джиббса [14], которые в той или иной степени применимы и к регионам Большого Урала.

Вместе с тем ход урбанизации на рассматриваемых территориях имел свою специфику.

1. Тесная связь урбанизации с потребностями промышленного освоения края, что нашло отражение в отраслевой специализации и функциях создаваемых городов, ориентированных на извлечение и (или) переработку полезных ископаемых.

2. Формирование сети горнозаводских поселений, которые не имели юридического статуса города, в силу существования особых

ограничений. «В частности, не могли стать городами частные владения (таковым, например, в XVIII веке был Белорецкий завод — по всем признакам, в том числе по численности населения, — настоящий город, но официально он им не был), хотя, например, многими современниками горнозаводские поселки воспринимались как настоящие города» [8, с. 131–132]. Только в 1734 г. для характеристики подобных поселений в проекте Горного устава В. Н. Татищева появился термин «горный город».

3. Использование административного подхода в процессах градообразования, что привело к четкой дифференциации уральских городов на «истинные» и «мнимые» [9, с. 301].

4. Бурное городское строительство в довоенное и военное время, усиленное эвакуацией предприятий и населения из западных регионов страны. Так, в годы первых двух пятилеток (1928–1935 гг.) на территории Большого Урала появилось сразу пять новых городов с численностью населения свыше 100 тыс. чел. (по 2 — в Челябинской и Свердловской областях, 1 — в Пермской области (в настоящее время — Пермский край) [13, с. 14]). В период с 1941 по 1945 г. только на территории Свердловской области возникло 8 новых городов и 16 поселков городского типа [1].

Специфика урбанизации на Урале проявляется и сегодня. Динамика численности городского населения России отличается от регионов Большого Урала (рис. 1). Тренд на сокращение численности городского населения на территории Большого Урала прервался позже, чем в России, лишь в 2013 г. При этом изменение показателя было обусловлено миграционным и естественным приростом городского населения в Свердловской, Челябинской областях, Пермской крае и Удмуртской Республике.

Если рассматривать уровень урбанизации, определяемый по доле городского населения в его общей численности, то можно отметить, что в двух регионах Большого Урала (Свердловской и Челябинской областях) показатель значительно выше среднероссийского значения (84,6 и 82,6 % соответственно против 74,3 %). Это объясняется тем, что Свердловская и Челябинская области относятся к регионам традиционно-промышленного типа с высокой степенью концентрации горнозаводских городов [4]. Более интересную картину дает показатель плотности городского населения. Средняя по России плотность городского населения на 1 января 2017 г. составила 6,7 чел. на 1 000 км². В целом по регионам Большого Урала наблюдается значение показателя — 16,7 чел. на 1 000 км². Максимальную величину (32,7 чел. на 1 000 км²) демонстрирует Челябинская область, минимальную (7,4 чел. на 1 000 км²) — Курганская область. Иными словами, можно отметить,

что территориальная интенсивность урбанизации в регионах Большого Урала выше, чем в среднем по России.

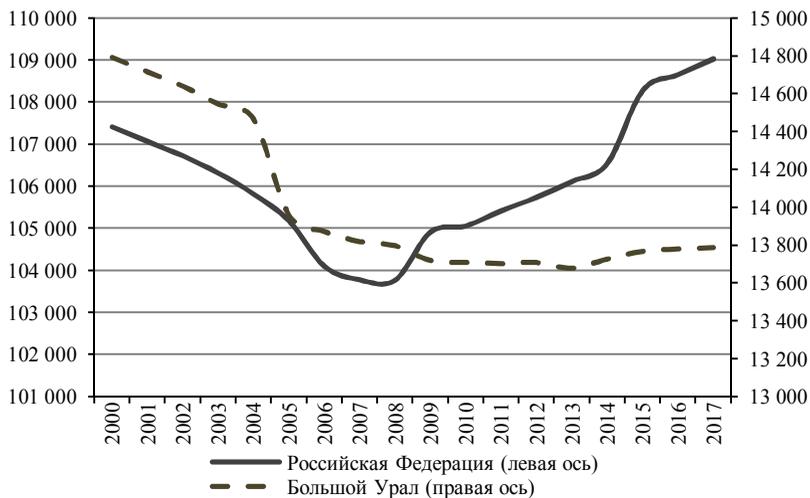

Рис. 1. Численность городского населения России и Большого Урала, тыс. чел. [6; 7]

Новые индустриальные города Большого Урала и урбанизация

Выделение новых индустриальных городов из совокупности последних представляет весьма нетривиальную задачу, аналогов решения которой в научной литературе пока не выработано. Авторы, используя собственную методику, основанную на применении статистических методов и экспертных оценок, сформировали перечень новых индустриальных городов Большого Урала: Уфа (Республика Башкортостан), Пермь (Пермский край), Екатеринбург и Верхняя Пышма (Свердловская область), Челябинск (Челябинская область), Ижевск (Удмуртская Республика)¹.

Стоит обратить внимание на то, что к новым индустриальным относятся в большинстве своем крупные и крупнейшие города. Во многом это является следствием предыдущих этапов развития, а также адаптивности этих городов и их способности «выжить» в непро-

¹ Город Ижевск по числовым параметрам не подходит под критерии нового индустриального города, но по своим качественным характеристикам может считаться таковым.

стые времена перехода к рыночной экономике, в том числе, путем использования административного ресурса, которым обладают региональные центры.

Если обратиться к истории указанных городов, то можно отметить, что Пермь, Екатеринбург, Ижевск были основаны в качестве поселков при заводах, что и определило их хозяйственный профиль на годы вперед. По сей день эти города остаются крупными промышленными центрами не только Урала, но и в всей страны.

История Уфы и Челябинска — пример истории города-крепости, назначение которого состояло в военной защите окрестных земель. В настоящее время эти города выступают центрами промышленного производства своих регионов.

Для оценки значения новых индустриальных городов в современных урбанизационных процессах Большого Урала воспользуемся следующими показателями:

- доля численности населения новых индустриальных городов в численности городского населения регионов Большого Урала;
- вклад новых индустриальных городов в динамику численности городского населения регионов Большого Урала.

Отметим, что представленный набор показателей не является исчерпывающим. Стоит согласиться с точкой зрения видных отечественных географов (И. В. Зорина, И. В. Канцеговской, Ю. Л. Пивоварова, В. Г. Давидовича и др.): «Идеальный, универсальный показатель такого феномена, как урбанизация, вообще едва ли мыслим...» [12, с. 270].

Наши расчеты показывают, что в настоящее время новые индустриальные города концентрируют 40,1 % городского населения Большого Урала¹. Если рассматривать процесс урбанизации в традиционном смысле, т. е. как «количественный рост городов, как приток населения из деревни в город, как сосредоточение производства в городских поселениях» [2, с. 140], то можно отметить, что динамика этого процесса во многом обусловлена изменением численности проживающих в новых индустриальных городах (рис. 2). При этом подавляющее большинство иных городов (за исключением, может быть, крупных) показывает отрицательную динамику числа жителей. Так, рост новых индустриальных городов на 32,7 тыс. чел. в 2016–2017 гг. на фоне действия остальных факторов обеспечил увеличение численности городского населения Большого Урала на 7,0 тыс. чел.

¹ При этом данную цифру можно считать заниженной, поскольку далеко не все население, фактически проживающее в том или ином городе, фиксируется официальной статистикой.

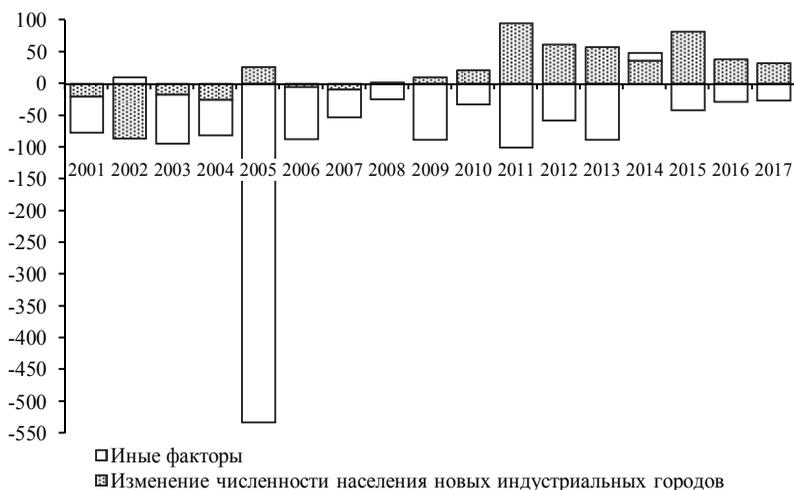

Рис. 2. Вклад новых промышленных городов в изменение численности городского населения Большого Урала в 2001–2017 гг., % к итогу

Иными словами, в регионах Большого Урала идет процесс концентрации населения в наиболее сильных и крепких в экономическом отношении городах, к числу которых относятся, в том числе, новые промышленные. Ситуация во многом связана с ухудшением социально-экономической обстановки в небольших городах (проблема моногородов остается весьма актуальной для регионов Большого Урала) и сельской местности.

В заключение кратко остановимся на основных выводах исследования.

Во-первых, урбанизационные процессы на Урале издавна были связаны с потребностями государства в развитии промышленного производства, что предопределило ключевую роль городов, которая сохраняется и поныне.

Во-вторых, урбанизация регионов Большого Урала в настоящее время продолжается и характеризуется увеличивающейся концентрацией населения в крупных и крупнейших городах.

В-третьих, новые промышленные города, представленные преимущественно административными центрами регионов, во многом определяют динамику численности городского населения Большого Урала и выступают «двигателями» урбанизационных процессов, в том числе, в широком их понимании (как распространения соответствующей культуры и образа жизни).

Библиографический список

1. *Анимица Е. Г.* Города Среднего Урала. — Свердловск : Средне-Уральское книж. изд-во, 1975. — 304 с.
2. *Анимица Е. Г., Власова Н. Ю.* Градоведение : учеб. пособие. — Екатеринбург : Изд-во Урал. гос. экон. ун-та, 2010. — 433 с.
3. *Буканова Р. Г.* Актуальные проблемы южноуральского городоведения // Проблемы востоковедения. — 2016. — № 1(71). — С. 41–48.
4. *Дворяджина Е. Б., Голошейкин Е. В.* Традиционно-промышленный регион в территориальной структуре национальной экономики. — Екатеринбург : Изд-во Урал. гос. экон. ун-та, 2012. — 170 с.
5. *Дворяджина Е. Б., Кайбичева Е. И.* Новый индустриальный город как категория региональной науки и градоведения: теоретическое обоснование // Вестник Нижегородского государственного инженерно-экономического института. — 2018. — № 5(84). — С. 86–97.
6. *Демографический ежегодник России. 2007* : стат. сб. / Росстат. — М., 2007. — 551 с.
7. *Демографический ежегодник России. 2017*: стат. сб. / Росстат. — М., 2017. — 263 с.
8. *Кучумов И. В.* Теория «истинных городов» и процесс урбанизации на Южном Урале // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. — 2015. — № 12, ч. 2. — С. 131–133.
9. *Мазур Л. Н.* На пути к городскому сообществу: предпосылки и особенности урбанизации в России в конце XVIII — первой половине XIX века // Проблемы истории России. — 2011. — Вып. 9: Россия и Запад в переходную эпоху от средневековья к новому времени. — С. 286–305.
10. *Мазур Л. Н.* Урбанизация сельской местности на Среднем Урале в XX веке // II Емельяновские чтения : материалы Всерос. науч.-практ. конф. (Курган, 11–12 мая 2007 г.). — Курган : Изд-во Курганского ун-та, 2007. — С. 124–125.
11. *Нефедова Т. Г., Трейвиш А. И.* Теория «дифференциальной урбанизации» и иерархия городов в России на рубеже XXI века // Проблемы урбанизации на рубеже веков : сб. — Смоленск : Ойкумена, 2002. — С. 71–86.
12. *Полян П. М.* Территориальные структуры — урбанизация — расселение: теоретические подходы и методы изучения. — М. : Новый хронограф, 2014. — 785 с.
13. *РСФСР за 50 лет* : стат. сб. / ЦСУ РСФСР. — М. : Статистика, 1967. — 257 с.
14. *Gibbs J.* The evolution of population concentration // Economic Geography. — 1963. — № 2. — P. 119–129.

И. П. Довбий

Южно-Уральский государственный университет
(национальный исследовательский университет), г. Челябинск

Финансовое обеспечение инвестиций в промышленность: наследие прошлого и неопределенность будущего Урала

Аннотация. В числе финансовых вызовов и угроз, стоящих перед национальной промышленностью в целом, и особенно в старопромышленных регионах Урала, следует назвать: санкции, имеющие следствием ограничение доступа к иностранному инвестиционному и финансовому капиталу и новейшему технологическому оборудованию; конъюнктуру мирового рынка, приводящую к сокращению доходов бюджета, бизнеса, домохозяйств и снижению ресурсной базы финансово-кредитных институтов, финансирующих промышленные предприятия. Факторами нестабильности в части перспектив развития промышленных предприятий остаются конъюнктура мировых финансовых рынков и высокая неопределенность проводимой монетарной политики Банка России, определяющей инвестиционную активность экономических субъектов, доступность и стоимость финансовых ресурсов. По показателям кредитоемкости экономики Россия должна догнать ведущие страны мира и выбраться из «ямы» накапливающегося финансового недопроизводства и недокредитования, зависимости от поставок иностранного оборудования и технологий.

Ключевые слова: промышленность; инвестиции; финансовое обеспечение инвестиций; кредитоемкость.

По данным Института экономики роста им. П. А. Столыпина, доля России в мировой экономике за 2014–2016 гг. сократилась с 2,9 до 1,7 %¹. Именно поэтому системно значимым фактором ведения бизнеса становится экономическая определенность. Однако властью и бизнесом экономическая определенность понимается по-разному: для Правительства РФ и Банка России важны низкая инфляция, стабильность бюджета, реформа институтов, улучшение бизнес-климата; для бизнеса — стабильность и ответ Правительства на вопросы: «Каковы несырьевые источники экономического роста? Каковы планы стимулирования развития? Имеется ли команда, ответственная за его реализацию?». Опасения крупного промышленного бизнеса понятны, поскольку внедрение инновационных технологий и модернизацию производства сдерживает ограниченность собственных финансовых ресурсов и недоступность достаточно «длинных» и дешевых инвестиционных кредитов.

Проводимая Банком России монетарная политика денежной рестрикции обосновывается тем, что крупные вливания в экономику, в частности в промышленность, будут способствовать инфляции и девальвации рубля. Между тем практика денежных вливаний в экономику свидетельствует об обратном: в 2016 г. в связи со страховыми вы-

¹ *Стратегия* Роста. Среднесрочная программа социально-экономического развития России до 2025 г. — URL : https://admoblkaluga.ru/upload/mineconom/news/2017/presentation_titov.pdf.

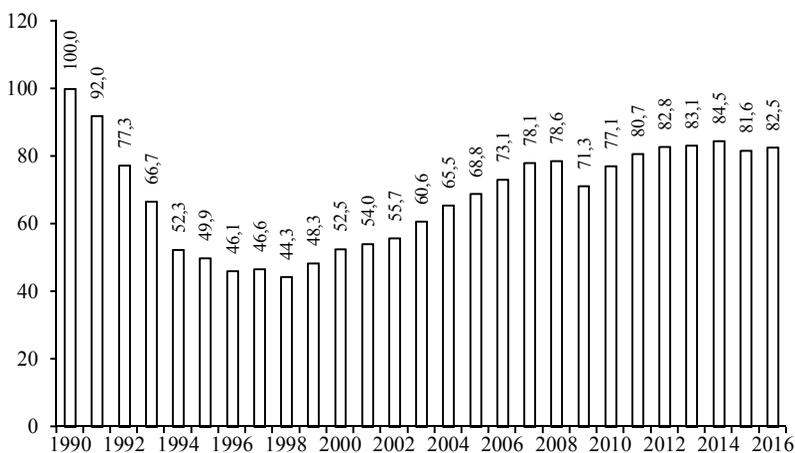
платами вкладчикам банков 568,4 млрд р.¹ инфляционного всплеска не последовало, а инфляция за 2016 г. составила 5,4 %; в 2018 г. инвестиции на сумму свыше 196 млрд р. в объекты спортивной инфраструктуры при подготовке к Чемпионату мира по футболу также не повлияли на уровень инфляции.

Российская экономика остается недоинвестированной в части обновления основного капитала, что замедляет процессы технологического обновления, особенно в обрабатывающей промышленности. Соотношение величины инвестиций к ВВП в России является едва ли ни самым низким, составив в 2016 г. всего 18 %. Финансирование опережающего развития национальной экономики предполагает как минимум удвоение кредитоемкости экономики. Между тем мировая практика знает примеры осуществления «экономических рывков», когда страны имели повышенную норму накопления и соотношение «кредиты/ВВП». В Японии норма накопления в период 1960–2000 гг. превышала 25 %, достигая в отдельные периоды 35 %. В Южной Корее данный показатель превысил 25 % в 1970 г. и с тех пор не опускался ниже 28 %, на некоторых этапах показывая значения свыше 37 %. Китай нарастил норму накопления с 28,8 % в 1980 г. до 46,1 % в 2010 г., лидируя среди стран, осуществивших «экономический рывок». Аналогичная концентрация ресурсов наблюдалась и в Малайзии, Сингапуре, Индии. Лидером кредитного финансирования инвестиций является Гюоконг, где соотношение «кредиты/ВВП» с начала 1990-х годов превышает 130 % и к 2010 г. «достигло 199 %. Впечатляющих размахов кредитования достигла в 2010 г. по данному показателю экономика Китая (172,3 %) и Южной Кореи (103,2 %). В России отношение «кредиты/ВВП» составляло в 2010 г. 48 %, при этом на долю банковских кредитов в инвестициях приходилось всего 8,2 %. Следует отдельно сказать о ключевой ставке центральных банков мира: ставка Банка Японии составляет 0,1 %, Европейского Центрального банка — 0,0 %, Банка Англии — 0,5 %, ФРС США — 2,25 %. Ставка Банка России — 7,25 %, что не способствует предложению денег в экономике. Снижение денежной массы критически сказывается на валовом внутреннем продукте. За 2007–2015 гг. прирост денежной базы в Швейцарии составил 11,5 раза, США — 4,6 раза, Японии — 3,4 раза, Китае — 3,2 раза, в странах зоны евро — 1,5 раза. В России рост составил 0,7 раза — фактически денежная масса «сжималась»².

¹ Состоялось заседание Совета директоров АСВ. — URL : https://www.asv.org.ru/agency/for_press/pr/459741.

² Доклад Рабочей группы Государственного совета Российской Федерации «О развитии промышленного потенциала субъектов Российской Федерации». — URL : <http://assoc-sodfr.ru/wp-content/uploads/2017/12/docladorazvit.pdf>.

Дальнейшее снижение темпов роста денежной массы, по мнению С. Ю. Глазьева, может привести к новому системному кризису российской экономики¹. Следует констатировать, что годами накапливающиеся финансовое недопроизводство и недокредитование становятся тормозом развития производительных сил. Структура экономики во многом определяет уровень ее развития, а структурные изменения, если деловая активность смещается в новые сектора, непосредственно влияют на экономический рост. В различных странах на долю промышленности в ВВП приходится от 25 до 40 %. Нарращение промышленного потенциала наблюдается в Индии, Китае, Бразилии, ЮАР, демонстрирующих существенный рост национальных экономик [3]. Однако в России до сих пор не преодолено беспрецедентное падение национальной экономики с начала реформ 1990-х годов, в частности промышленного производства: до 44,3 % в 1998 г. от уровня 1990 г. (см. рисунок).

Динамика промышленного производства в Российской Федерации, % к 1990 г.²

Результатом экономических реформ 1990-х годов стала утрата целых секторов промышленного производства, зачастую без способности к воспроизводству, прежде всего в старопромышленных регионах

¹ Глазьев С. Ю. Доклад на Московском экономическом форуме 30 марта 2017 г. — URL : me-forum.ru/upload/iblock/fb0/fb05bb2b656b4b562bb6cac363b54778.pdf.

² Составлено по: Федеральная служба государственной статистики. — URL : <http://www.gks.ru>.

Урала. Институциональный демонтаж повлек изменение системы экономических интересов, в которой государство существенно утратило свои позиции. Постепенное осуществление с начала 2000-х годов контрциклической политики и использование средств прямого и косвенного воздействия на экономику позволили государству стать крупнейшим собственником финансовых и материальных активов и превратиться в крупного экономического агента, располагающего соответствующим потенциалом и административными возможностями для запуска процесса расширенного воспроизводства¹.

И государство, и частный бизнес присутствуют в такой важнейшей подсистеме экономики, как промышленность. Согласно данным статистики, доля государства (органов государственной и муниципальной власти) в уставном капитале (фонде) промышленных предприятий в России² возросла с 12,6 % (2000 г.) до 35,1 % (2015 г.), доля коммерческих организаций соответственно с 50,8 до 57,3 %; существенно сократилась доля финансово-кредитных организаций с 9,1 % (2000 г.) до 3,5 % (2015 г.) и физических лиц с 15,7 до 2,0 % соответственно. Следует отметить наличие взаимного и перекрестного владения акциями, наделяющего собственников экономической властью различных уровней в зависимости от объема прав собственности. Многоступенчатая взаимозависимость и взаимоподчиненность способствуют созданию крупных корпораций и финансово-промышленных групп, обладающих колоссальным влиянием на экономическую политику.

В числе ключевых вопросов финансирования структурной перестройки национальной экономики и развития промышленности, прежде всего обрабатывающей, выделяется проблема накопленных диспропорций в уровнях доходности между деятельностью в финансовом и реальном секторах экономики. Различие в рентабельности банковского сектора и обрабатывающей промышленности в 2012 г. составляло 3,1 %, но в 2015 и 2016 гг. разрыв равнялся уже 11,9 %. Даже понижение ставок по кредитам в 2017 г. не позволило им спуститься ниже рентабельности практически всех отраслей обрабатывающей промышленности: низкорентабельные предприятия остаются не в состоянии обслуживать банковские кредиты. В числе причин низкой рентабельности промышленных предприятий, по нашему мнению, следует назвать несовершенство государственной налогово-кредитной политики, не способствующей формированию доступа к «длинным» и дешевым деньгам. Ставка кредитования российского промышленного сектора значительно превышает условия финансирования предприятий

¹ Более подробно: [2].

² Без субъектов малого предпринимательства.

Китая, Индии и США. Выход из мирового финансового кризиса сопровождался в этих странах снижением процентной ставки, что позволило быстро преодолеть последствия кризиса.

Особенно остро стоят проблемы инвестиционного обновления промышленности перед Уралом, ранее «опорным краем Державы». Доля Уральского федерального округа в совокупном потенциале Российской Федерации за 2015–2016 гг. характеризуется такими удельными показателями: площадь территории — 10,6 %, численность населения — 8,4 %, стоимость основных фондов в экономике — 18,3 %, инвестиции в основной капитал — 18,7 %, объем инновационной продукции — 8,3 %, налоговые поступления в бюджетную систему Российской Федерации — 21,8 %, производство электроэнергии — 17,4%. Однако эффективность функционирования обрабатывающей промышленности региона, рассчитываемая по динамике пяти унифицированных показателей (уровень производительности труда, фондоотдача, инвестиционное обеспечение занятых, инвестиционный потенциал производства добавленной стоимости и возможность обновления основных фондов), оставляет желать лучшего (см. таблицу).

По эффективности обрабатывающей промышленности из регионов Уральского федерального округа в первую десятку вошла только Тюменская область, занявшая первое место по показателям инвестиционного обеспечения занятых в обрабатывающей промышленности и инвестиционного потенциала производства добавленной стоимости.

В рейтинге состояния инвестиционного климата, рассчитанного Агентством стратегических инициатив, Тюменская область поднялась с шестого (2017 г.) на первое (2018 г.) место, Свердловская область соответственно с 33-го на 20-е место; Челябинская область не вошла в число регионов с благоприятным инвестиционным климатом¹, об этом свидетельствует и статистика по кредитованию. По данным Банка России, совокупный объем кредитов, выданных нефинансовым организациям по УрФО за период с 1 января 2015 г. по 1 января 2018 г., снизился на 26,7 % (с 215,4 до 159,1 млрд р.). Для сравнения: по Центральному федеральному округу данные показатели выросли на 8 % (с 18,0 до 19,5 трлн р. соответственно). Из общего объема кредитов, выданных в макрорегионе, на Свердловскую область пришлось 46,6 % (на 1 января 2015 г.) и 50,9 % (на 1 января 2018 г.), на Тюменскую — 35,2 и 25,8 %, Челябинскую — 17,3 и 21,9 % соответственно².

¹ Национальный рейтинг состояния инвестиционного климата в субъектах РФ. — URL : <https://asi.ru/investclimate/rating>.

² Аналитическая система экономических показателей регионов. — URL : <http://www.cbr.ru/region/olap>.

Эффективность функционирования обрабатывающей промышленности в 2015 г.

Субъект Российской Федерации	ВРП на 1 занятого в ОП, тыс. р.		ВРП/ОФ, к./р.		Объем инвестиций в основной капитал на 1 занятого, тыс. р.		Инвестиции ОП/ОФ, %		Инвестиции ОП/ВРП, %		Сумма мест	Рейтинг
	значение	место в РФ	значение	место в РФ	значение	место в РФ	значение	место в РФ	значение	место в РФ		
Российская Федерация	1 125,88		73,37		232,24		15,13		20,63			
Центральный федеральный округ	1 321,24		96,88		140,02		10,27		10,60			
Северо-Западный федеральный округ	1 407,39		74,09		206,98		10,90		14,71			
Южный федеральный округ	864,35		84,05									
Северо-Кавказский федеральный округ	447,61		49,86		76,63		8,54		17,12			
Приволжский федеральный округ	943,48		60,60		246,56		15,84		26,13			
Уральский федеральный округ	1 216,60		49,52		198,16		8,07		16,29			
Курганская область	691,92	51	75,39	36	39,42	68	4,29	75	5,70	74	304	68
Свердловская область	1 250,53	15	66,62	50	151,30	33	8,06	51	12,10	53	202	43
Тюменская область (без Ханты-Мансийского автономного округа — Югры и Ямало-Ненецкого автономного округа)	1 749,74	7	56,26	62	869,89	1	27,97	5	49,72	1	76	4
Челябинская область	1 075,98	23	70,50	43	144,61	38	9,47	41	13,44	45	190	35
Сибирский федеральный округ	1 236,66		90,30		Н/д		Н/д		Н/д			
Дальневосточный федеральный округ	738,77		54,27		209,24		15,37		28,32			

Примечание. Доклад Рабочей группы Государственного совета Российской Федерации «О развитии промышленного потенциала субъектов Российской Федерации». — URL : <http://assoc-sodr.ru/wp-content/uploads/2017/12/docladorazvit.pdf>.

ВРП — валовой региональный продукт; ОП — обрабатывающая промышленность; ОФ — основные фонды.

Сложившаяся в макрорегионе ситуация с финансовым обеспечением инвестиций в основной капитал отражает накопившиеся проблемы, характерные для многих регионов и страны в целом.

Наряду с недофинансированием следует указать на критическую зависимость обрабатывающей промышленности от состояния мировой экономики. В связи с введением против России экономических санкций политика импортозамещения стала приобретать новые черты, хотя отказаться от покупки инструментов, комплектующих и материалов из США и Западной Европы пока невозможно даже оборонному комплексу России. Президентский Указ «Об утверждении перечня сведений, отнесенных к государственной тайне» обязал засекречивать информацию о внешней торговле товарами двойного назначения и оружием. В таможенной статистике такая продукция учитывается с секретным кодом классификации SS. Если проанализировать американский импорт в нашу страну, то он практически на одну треть состоит из товаров SS. По данным сайта Forbs, в 2014 г. объем засекреченных поставок из США составлял 5 330 млн дол., к 2017 г. он сократился до 3546 млн дол., составив порядка 7 % национального оборонного бюджета России. Существенное (в абсолютных цифрах) падение обусловлено общими тенденциями сокращения внешней торговли, однако доля SS-продукции в импорте из США уменьшилась лишь на 0,4 %, составив самую значительную позицию среди прочих товарных групп¹.

Большая часть секторов национальной экономики остается критически зависимой от поставок иностранного оборудования и технологий. Например, в 2000 г. в Россию ввозилось машин, оборудования и транспортных средств на сумму 10 млрд дол., в 2013 г. — уже 150 млрд дол. (начиная с 2014 г. в связи с введением санкций структура импорта трансформировалась). Сильнейшая зависимость Российской Федерации от импорта промышленного оборудования связана с существенным сокращением объемов производства собственного технологического оборудования [1].

Объективная реальность свидетельствует о том, что, несмотря на конфронтацию, кооперация остается неизбежностью. Европейский союз является крупнейшим экономическим партнером, на долю которого в 2017 г. пришлось 42 % общего товарооборота РФ. Несмотря на девальвацию рубля и санкции, Западная Европа сохранила лидирующую

¹ Лобунов И. Изоляция власти: как создание нового оружия Путина зависит от зарубежных поставок. — URL : http://www.forbes.ru/biznes/358543-izolyaciya-vlasti-kak-sozdanie-novogo-oruzhiya-putina-zavisit-ot-zarubezhnyh-postavok?utm_source=ok.ru&utm_medium=social&utm_campaign=targetings-forbes&utm_content=news.

щие позиции среди поставщиков машин и оборудования для российских предприятий (77 % закупок в 2011 г. и 71 % — в 2018 г.). Отечественные поставщики, занимая второе место, фактически не улучшили за это время своих позиций. Зато доля предприятий, закупавших американское и японское оборудование, снизилась с 33 до 22 %. Китайские же и индийские поставщики выиграли — рост с 19 до 35 %. Доля поставщиков из стран СНГ упала, прежде всего, из-за сворачивания торговли с Украиной.

Напрашивается вывод: несмотря на вызовы и угрозы, предприятиям обрабатывающей промышленности Урала необходимо наращивать технологические компетенции. Это предполагает, наряду с созданием условий для модернизации предприятий на основе наилучших доступных производственных технологий, в том числе цифровых, увеличение предложения дешевых и «длинных» кредитов, стимулирование венчурных инвестиций в приоритетные технологические сферы за счет расширения участия российских и зарубежных инвесторов.

В соответствии с мировыми практиками основными объектами программ государственной финансовой поддержки должны становиться промышленные стартапы и технологические компании, уже обладающие успешным опытом работы на целевых рынках и демонстрирующие в течение последних нескольких лет устойчивую позитивную динамику развития.

Библиографический список

1. *Бодрунов С. Д.* Новая индустриализация: предпосылки и подходы к осуществлению // Новая индустриализация России: стратегические приоритеты страны и возможности Урала : монография / под ред. С. Д. Бодрунова, Я. П. Силина, В. Т. Рязанова, Е. Г. Анимицы. — Екатеринбург : Изд-во Урал. гос. экон. ун-та, 2018. — С. 11–26.

2. *Довбий И. П.* Промышленность России: инвестиционно-инновационное развитие и экономическая безопасность : монография. — Челябинск : Изд. центр ЮУрГУ, 2018. — 240 с.

3. *Сухарев О. С.* Индустриальная политика и развитие промышленных стран // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. — 2014. — № 15. — С. 2–21.

Исследование развития малого и среднего предпринимательства в Свердловской области

Аннотация. Авторы рассматривают проблемы развития актуального (существующего) и потенциального (предпринимательской активности молодежи) предпринимательства на основе двух региональных социологических исследований 2017–2018 гг., посвященных трудностям возникновения и функционирования малого и среднего бизнеса в Свердловской области. Также используются статистические материалы и публикации отечественных и зарубежных ученых по теме предпринимательства. В статье анализируются такие проблемы, как отношение к предпринимателям, желание заниматься предпринимательской деятельностью, оценка взаимодействия с властью и общественными организациями, поддерживающими бизнес. Представлен рейтинг трудностей, с которыми имеют дело предприниматели Свердловской области.

Ключевые слова: малый и средний бизнес; молодежь; предпринимательство; проблемы предпринимательства.

Успешное инновационное развитие региона невозможно без активного участия предпринимателей. Предпринимательство, будучи по своей природе инновационно ориентированным бизнесом, постоянно стремится к поиску новых товаров и новых рынков сбыта, чутко улавливает актуальные отечественные и мировые тенденции в сфере бизнеса. Это тот слой, опора на который позволит региону занять достойное место среди лидеров инновационного развития в стране, укрепить свои позиции на мировом рынке. Кроме того, успешное развитие предпринимательства обеспечивает занятость населения, достойные доходы граждан, повышает стабильность региона. На март 2018 г. в Свердловской области насчитывалось 8 045 малых предприятий с оборотом 190,7 млрд р., среднесписочная численность их работников (без внешних совместителей) составляла 180,5 тыс. чел.¹

В настоящей статье внимание уделяется актуальному (функционирующему) малому и среднему предпринимательству и предпринимательству потенциальному (предпринимательской активности молодежи Свердловской области).

Развитию предпринимательства уделяется большое внимание как на общероссийском², так и на региональном уровне. В Прогнозе стратегического развития России до 2030 г. сказано, что «малое

¹ *Предпринимательство* / Управление Федеральной службы государственной статистики по Свердловской области и Курганской области. — URL : http://sverdl.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/sverdl/ru/statistics/sverdlStat/enterprises.

² *О развитии* малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации : федер. закон от 24 июля 2007 г. № 209-ФЗ.

и среднее предпринимательство являются неотъемлемым и необходимым элементом любой развитой хозяйственной системы»¹. В Стратегии развития Свердловской области до 2030 г.² отмечается, что «повышение эффективности системы поддержки малого и среднего предпринимательства в реальном секторе экономики, формирования малых и средних предприятий» играет значимую роль на российском и в перспективе на мировом рынках.

Тема предпринимательства не обойдена и наукой: на сегодня она одна из самых изучаемых. В настоящее время как в отечественной, так и зарубежной науке проблеме предпринимательства посвящены труды большого числа исследователей. Среди зарубежных авторов: D. J. Revilla, F. Sohns [13], M. Fritsch, M. Wuywich [12]. Активно эта проблема исследуется и в Свердловской области (В. Ж. Дубровский [5], Т. А. Жилина, И. А. Ильиных [6], А. Ю. Коковихин [8], И. Ю. Нестеренко, Е. С. Огородникова, А. Е. Плахин, К. Е. Романов [10], Д. А. Филимонов [11] и др.). Исследованию предпринимательской активности молодежи посвящены работы Е. А. Ветровой [1], Е. А. Воробьевой, Л. В. Ворониной [3], А. А. Гылыевой, П. Л. Глухих, П. П. Дерюгина [4], А. В. Ивановой, А. С. Шиляевой и др.

Данная статья опирается на анализ опубликованных статистических данных, результаты исследований и на сведения, полученные в ходе двух исследований, проведенных авторами. Изучение актуального предпринимательства было проведено кафедрой прикладной социологии Уральского государственного экономического университета в 2017 г. по заказу Свердловского фонда поддержки предпринимательства. В ходе исследования было опрошено 256 предпринимателей малого и среднего бизнеса. Выборка по сферам хозяйства составила: производство — 20,5 %; товары и услуги — 63,8 %; сельское хозяйство — 15,6 %. В 2018 г. кафедра провела социологическое исследование по заказу Областного дома молодежи на тему «Предпринимательская активность молодежи Свердловской области», посвященное изучению потенциального предпринимательства. В ходе исследования нам удалось опросить 555 молодых людей в возрасте от 18 до 30 лет, проживающих на территории Свердловской области. Выборка была сделана на основе пространственно-поселенческого фактора: квоты в зависимости от типа поселения (малые и средние города, большие и крупные, крупнейший город — Екатеринбург). Кроме того, весь мас-

¹ Прогноз долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 г. — URL : http://economy.gov.ru/minec/activity/sections/masgo/prognoz/doc20130325_06.

² О стратегии социально-экономического развития Свердловской области на 2016–2030 гг. : закон Свердловской области от 21 декабря 2015 г. № 151-ОЗ.

сив респондентов был подразделен на две группы: молодежь от 18 до 24 лет и от 25 до 30 лет, а также на тех, кто уже имеет свой бизнес, и тех, кто только планирует этим заняться. Сравнение результатов двух исследований позволило выявить некоторые тенденции развития предпринимательства в нашем регионе.

Мы предложили молодым респондентам сделать выбор по вопросу: «Какой способ зарабатывания денег вы предпочитаете?»: работать по найму за зарплату на государственном предприятии, в государственной структуре; работать по найму за заработную плату на частном предприятии; быть предпринимателем, т. е. иметь свое дело. В результате половина опрошенных отметили, что они желают иметь свое дело, быть предпринимателями (50,5 %); хотят работать по найму за зарплату на частном предприятии 19,4 %; 25 % молодых людей хотели бы пойти на работу в государственные структуры.

Отвечая на вопрос об отношении к предпринимательской деятельности, 69 % опрошенных молодых людей указали, что они положительно относятся к предпринимателям, еще 28,5 % — нейтрально, и только 2 % относятся отрицательно. Заметим, что наши данные коррелируются с результатами исследований других авторов: компания PWC проводила сравнительный анализ миллениалов в разных странах. 59 % опрошенных молодых россиян заявило, что рассматривают возможность заняться собственным бизнесом (в то время, как в среднем по миру эта цифра составляет 43 %) ¹.

Стоит напомнить, что в относительно недавнем прошлом нашей страны научные статьи фиксировали тот факт, что население в целом негативно относилось к предпринимателям и предпринимательству в целом, считая, что в их основе лежит криминал, нечестно заработанные деньги. В настоящее время ситуация изменилась: население области в целом относится к предпринимателям позитивно, молодое поколение видит в этом социальном слое важный элемент экономической структуры страны. Полученные данные позволяют сделать вывод о хорошем потенциале Свердловской области в сфере развёртывания предпринимательской активности.

Как потенциальные предприниматели расценивают современные условия для ведения бизнеса, сложившиеся в области? Молодежь оптимистична: большинство опрошенных (58 %) полагают, что в нашей области благоприятные условия для ведения бизнеса. Как неблагоприятные оценили эти условия 23,4 % респондентов (табл. 1).

¹ *Российский малый бизнес в цифрах.* — URL : <http://ibusiness.ru/blog/money/41934>.

Таблица 1

**Оценка степени благоприятности общих условий
для ведения бизнеса в Свердловской области (мнение молодежи), %**

Варианты	Процент
Очень благоприятные условия	8,6
Скорее благоприятные, чем нет	49,4
Скорее неблагоприятные, чем благоприятные	20,5
Неблагоприятные условия	2,9
Затрудняюсь оценить	18,6
<i>Итого опрошенных</i>	<i>100,0</i>

Согласно результатам опроса актуальных предпринимателей, примерно половина из них (49,3 %) считает, что в области созданы благоприятные условия для ведения бизнеса. В то же время треть бизнесменов (38,3 %) полагает, что в области условия неблагоприятные; 12,4 % опрошенных затруднились дать оценку. Несомненно, оценка действующих предпринимателей отражает ситуацию более объективно.

Каким образом актуальные предприниматели взаимодействуют с органами власти и другими управленческими структурами? Какие трудности испытывают в этом взаимодействии? 63,7 % актуальных предпринимателей заявили, что у них нет проблем при взаимодействии с какими-либо организациями. Среди организаций, с которыми возникают проблемы, 15 % респондентов указали на муниципальные организации (администрации городов и поселков); почти 14 % — на различные контролирующие органы (например, Роспотребнадзор) и другие организации, занимающиеся схожей предпринимательской деятельностью (организации из большого бизнеса). Областные организации (налоговые органы, МФЦ и др.) вызвали проблемы только у 5,5 % опрошенных.

Что касается молодежи области, то сегодня она слабо осведомлена об органах, с которыми постоянно взаимодействуют предприниматели. Более того, она плохо информирована о наличии областных структур, которые оказывают поддержку бизнесу при его становлении и функционировании. Так, почти половина молодежи (45,6 %) не знает таких структур и ничего о них не слышала. Этот факт дает основание сделать вывод о недостаточности усилий по популяризации предпринимательства среди молодежи региона. Соответствующие управленческие структуры должны усилить работу в этом направлении.

Исследование актуального малого и среднего бизнеса области выявило рейтинг наиболее острых проблем, с которыми сегодня сталкиваются предприниматели (табл. 2).

**Рейтинг актуальных проблем предпринимателей
Свердловской области, % от общего количества респондентов**

Показатель	Процент
Налогообложение (высокие налоги, ежегодное повышение налогов)	29,3
Кредитование (высокие ставки, трудности получить микрозаймы)	11,3
Кризис в экономике, падение уровня жизни населения	10,9
Прорехи и противоречия в законах России	9,0
Взаимодействие с органами власти (периодические проверки)	9,0
Конкуренция (давление со стороны сетевых компаний и «естественных» монополий)	8,6
Бюрократические барьеры (документация, отчетность)	7,4
Проблемы с подбором кадров	4,7
Нововведения со стороны властей (онлайн-кассы, изменения в ведении документации)	3,5
Коррупция в органах власти	2,7
Залоговое имущество	2,0
Отсутствие внятной политики поддержки бизнеса	0,4

Примечание. Сумма ответов не равна 100 %, так как это был открытый вопрос, и не все респонденты дали на него ответ.

Судя по ответам, на первом месте стоят трудности финансового плана, связанные с системой налогообложения (высокие налоги, ежегодное повышение налогов) и кредитования (высокие ставки, трудности получить микрозаймы), далее — проблемы экономического плана (кризис в экономике, падение уровня жизни населения). F. Sohns и D. J. Revilla в своей работе отмечают важность финансовой поддержки для предпринимателей малого и среднего бизнеса [13]. Будущие предприниматели также акцентируют внимание прежде всего на финансовой стороне вопроса: наиболее важные моменты при создании бизнеса, по мнению молодежи, это денежные средства, стартовый капитал (1-е место), личные качества (2-е место), наличие бизнес-идеи (3-е место).

Таким образом, мнения актуальных и потенциальных предпринимателей области во многом совпадают. У региона есть хорошая база для разветвления предпринимательства. Однако необходимо усилить целенаправленную информационную и организационную работу по приобщению молодежи к бизнесу.

Библиографический список

1. *Ветрова Е. А., Гылыева А. А.* Тенденции развития предпринимательской деятельности среди молодежи как показатель активности предпринимательства в России // *Материалы Ивановских чтений.* — 2017. — № 1–2(11). — С. 31–37.

2. *Воробьева Е. А.* Развитие инновационного молодежного предпринимательства: проблемы и пути решения // Актуальные вопросы внедрения молодежных инициатив и их реализация в инновационной сфере : материалы Междунар. заоч. науч.-практ. студ. конф. (Санкт-Петербург, 28 апреля 2015 г.). — СПб., 2015. — С. 13–15.

3. *Глухих П. Л., Воронина Л. В., Иванова А. В.* Предпринимательская культура молодежи и факторы ее развития: социокультурный подход // Управленец. — 2016. — № 3(61). — С. 52–61.

4. *Дерюгин П. П., Шляева А. С.* Социодинамика ценностей молодежи: от предпринимчивости к предпринимательству // Дискурс. — 2016. — № 1. — С. 111–121.

5. *Дубровский В. Ж., Токарева И. В.* Проблемы развития малого и среднего предпринимательства в Свердловской области // Урал — XXI век: регион опережающего развития : монография / под науч. ред. Я. П. Синила. — Екатеринбург : Изд-во Урал. гос. экон. ун-та, 2016. — С. 35–42.

6. *Ильиных И. А.* Государственные программы поддержки малого и среднего предпринимательства в Свердловской области // Экономика и социум. — 2015. — № 1–3(14). — С. 413–416.

7. *Каримов Д. К.* Проблемы малого и среднего предпринимательства Свердловской области // Экономика и социум. — 2016. — № 6-1(25). — С. 1014–1020.

8. *Коковихин А. Ю., Огородникова Е. С., Уильямс Д., Плахин А. Е.* Факторы институциональной среды в оценке предпринимателем инвестиционного климата муниципального образования // Экономика региона. — 2017. — Т. 13, № 1. — С. 80–92.

9. *Нестеренко И. Ю., Жилина Т. А.* Реализация государственных программ поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства Свердловской области // Региональная экономика: теория и практика. — 2016. — № 5(428). — С. 57–72.

10. *Романов К. Е.* Анализ государственной поддержки малого и среднего предпринимательства в Свердловской области // Путь науки. — 2015. — № 12(22). — С. 40–42.

11. *Филимонов Д. А.* Перспектива развития малого и среднего предпринимательства на территории Свердловской области в 2012 г. (анализ и прогноз) // Стратегия устойчивого развития регионов России. — 2013. — № 14. — С. 47–54.

12. *Fritsch M., Wyrwich M.* Regional knowledge, entrepreneurial culture, and innovative strats-ups over time and space — an empirical investigation // Small Business Economics. — 2018. — Vol. 51. — P. 337–353.

13. *Sohns F., Revilla D. J.* Explaining micro entrepreneurship in rural Vietnam — a multilevel analysis // Small Business Economics. — 2018. — Vol. 50. — P. 219–237.

Д. А. Карх, М. П. Морозова

Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург

Пространство для развития логистических интегрированных распределительных центров сельскохозяйственной продукции в регионе

Аннотация. Потенциал сельского хозяйства велик, и без решения его проблем невозможно построение успешно растущей экономики, особенно в России, в том числе на Урале, где сельское хозяйство исторически играло огромную роль и занимало значимую долю в национальном экспорте. Отсутствие взаимосвязи между производителями сельскохозяйственной продукции, перерабатывающей промышленностью и торговлей; ценовое давление, оказываемое на аграриев со стороны посредников и спекулянтов; низкая конкурентоспособность отечественной продукции в связи с отсутствием должных способов хранения, доработки, сортировки; неустойчивый сбыт у большинства малых форм хозяйствования — все это делает актуальным создание современной логистической распределительной инфраструктуры — логистических интегрированных распределительных центров сельскохозяйственной продукции.

Проблематика исследования логистических интегрированных распределительных центров сельскохозяйственной продукции является актуальной и новой. Это обусловлено рядом причин: во-первых, потребностью производителей сельскохозяйственной продукции в логистическом распределительном центре, осуществляющем переработку и сбыт продукции; во-вторых, неразработанностью многих важных методологических и теоретических вопросов, связанных с логистическими интегрированными распределительными центрами; в-третьих, необходимостью формирования конкретных практических рекомендаций по размещению логистических интегрированных распределительных центров и оценке логистической эффективности проектируемых центров.

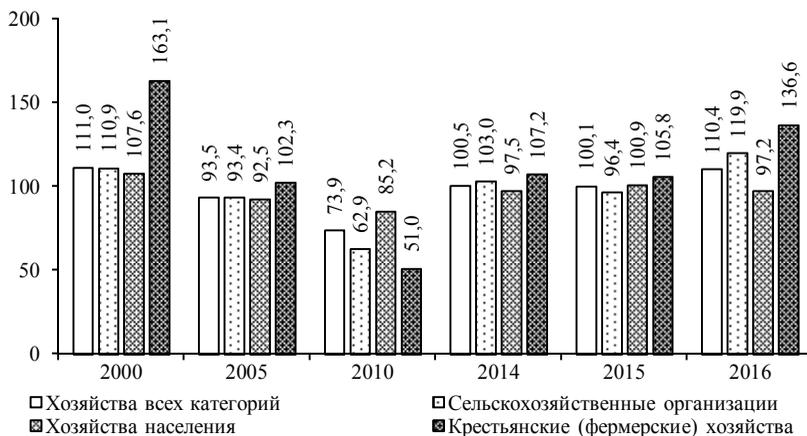
Ключевые слова: логистические распределительные центры; сельскохозяйственная продукция; логистика Урала; производители сельскохозяйственной продукции.

Город Оренбург расположен в южном Предуралье, на р. Урал, близ впадения в нее р. Сакмары. Оренбургская область имеет общую границу с Казахстаном, Республиками Башкортостан и Татарстан, Челябинской и Самарской областями. В настоящее время планируется строительство транспортного коридора «Шелковый путь», который пройдет через Оренбургскую область и соединит столицы России и Китая. Именно поэтому Оренбургская область является привлекательной в плане строительства логистических интегрированных распределительных центров сельскохозяйственной продукции.

Правительством Оренбургской области было принято постановление об утверждении областной программы «Развитие сельского хозяйства и регулирование рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия Оренбургской области», в рамках которой одной из приоритетных задач выступает обеспечение продовольственной безопасности населения, что позволит Оренбургской области увеличить рост производства в агропромышленном комплексе на

2,4 % в год и стать динамично развивающимся регионом с эффективным ростом АПК. Решение указанных задач во многом зависит от совершенствования системы сбыта сельскохозяйственной продукции.

По данным Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Оренбургской области, объем продукции сельского хозяйства всех ее производителей за 2016 г. в действующих ценах по предварительным расчетам составил 117 134,8 млн р., индекс производства продукции сельского хозяйства к 2015 г. достиг 110,4 % (см. рисунок).

Индекс производства продукции сельского хозяйства по категориям хозяйств (в сопоставимых ценах), % к предыдущему году

Общая посевная площадь сельскохозяйственных культур в хозяйствах всех категорий в 2016 г. по сравнению с 2015 г. увеличилась на 29,6 тыс. га. Валовой сбор зерна равнялся 3 133,9 тыс. т (на 45,3 % больше, чем в 2015 г.), семян подсолнечника — 662,5 тыс. т (на 25,4 % больше, чем в 2015 г.), собрано 276,7 тыс. т картофеля (на 7,5 % меньше, чем в 2015 г.) и 214,3 тыс. т овощей (на 1,1 % меньше, чем в 2015 г.). Наибольшее количество зерна и семян подсолнечника производится сельскохозяйственными организациями. Их доля в производстве зерна составила в 2016 г. 56,4 %, семян подсолнечника — 54,8 %. Производство картофеля сосредоточено в хозяйствах населения, которыми в 2016 г. выращено 87,7 % общего сбора этой культуры. Наибольшая часть овощей также произведена хозяйствами населения — 76,7 %.

Поголовье крупного рогатого скота в хозяйствах всех категорий составило 576,2 тыс. голов к концу 2016 г. (снизилось по сравнению с 2015 г. на 3,4 %), свиней — 289,6 тыс. голов (–0,6 %), овец и коз — 331,5 тыс. голов (–1,1 %). Доля крупного рогатого скота в общем производстве мяса в убойном весе составляла 35,2 % (в 2015 г. — 36,6 %), свиней — 30,9 % (29,6 %), птицы — 29,4 % (29,3 %).

Пригородные хозяйства специализируются на выращивании овощей с орошением полей. На потребительском рынке широко представлена продукция агрофирм «Промышленная», «Краснохолмская», фермеров села Городище. Управление сельского хозяйства совместно с Комитетом потребительского рынка, услуг и развития предпринимательства, муниципальным учреждением «Оренбургторгсервис» 11 лет организует ярмарки выходного дня по продаже овощей, картофеля, мяса, молока на четырех рынках города. За девять месяцев 2017 г. на ярмарках реализовано 720 т говядины и 1 010 т свинины. Личными подсобными хозяйствами и крестьянскими (фермерскими) хозяйствами реализовано на рынках 155 т молока и 135 т мяса.

Рассмотренные выше объемы производства призваны удовлетворять потребности местного населения сельскохозяйственной продукцией, но для расширенного воспроизводства данных объемов реализации недостаточно, необходимо строительство логистических интегрированных распределительных центров, позволяющих усовершенствовать систему сбыта.

Определим место расположения логистических интегрированных распределительных центров сельскохозяйственной продукции на территории Оренбургской области.

На первом этапе определим потенциально возможные места размещения логистических интегрированных распределительных центров сельскохозяйственной продукции, основываясь на технических и экономических критериях, проведя анализ производства сельскохозяйственной продукции на территории Оренбургской области, а также сложившейся схемы транспортных путей, размещения объектов логистической инфраструктуры (железнодорожного, автомобильного и воздушного транспорта).

Первоначальный список потенциальных мест расположения логистических интегрированных распределительных центров по муниципальным районам Оренбургской области представлен в табл. 1. Оптимальные места их размещения находятся в районах с наибольшей концентрацией производства сельскохозяйственной продукции в малых формах хозяйствования.

Т а б л и ц а 1

Определение потенциальных мест размещения логистических интегрированных распределительных центров по муниципальным районам Оренбургской области

Населенный пункт	Наличие железнодорожного транспорта	Наименование мощностей по переработке сельскохозяйственной продукции	Рынок сбыта продукции — города областного подчинения
Бугуруслан	+	Агрофирма «Алга» (растениеводство, животноводство), ООО «Авангард» (растениеводство, животноводство); ООО «Дружба (растениеводство); ООО «Красный родник» (растениеводство); СПК «Южный» (растениеводство); КФХ Медведев С. А. (растениеводство); КФХ Плигин Е. А. (полеводство) и т. д.	г. Бугуруслан, г. Абдулино
Оренбург	+	Зерновая компания «Славянка», ООО «АГРО» (растениеводство, животноводство); КФХ «Буревестник» (растениеводство, животноводство, КФХ Старцева И. М. (растениеводство); КФХ Тимиркин Ф. Я. (растениеводство); КФХ Дубинин А. Н. (растениеводство); ООО «Колос» (растениеводство); ООО «Краснополье» (растениеводство, животноводство) и т. д.	г. Оренбург, г. Соль-Илецк
Бузулук	+	ООО «Бурдыгинское» (растениеводство); ООО «Уранское» (растениеводство); ООО «Войсковое» (растениеводство); ООО «Победитель» (растениеводство); ООО «Дружба» (растениеводство); ООО «Нива» (растениеводство); ООО «СВС АГРО» (растениеводство); КФХ «Светлана» (растениеводство); КФХ «Мария» (растениеводство); КХ «Колос» (растениеводство, животноводство); КХ «Маяк» (растениеводство); ИП Гришаев В. С. (растениеводство) и т. д.	г. Бузулук, г. Сорочинск
Орск	+	КФХ «Альберт» (растениеводство); КФХ «Карина (растениеводство); КФХ «Раздольный» (растениеводство); КФХ Генцфрид «Людмила» (растениеводство); ООО «Орловское» (растениеводство); ООО «Уральское» (растениеводство, животноводство) и т. д.	г. Орск, г. Новотроицк, г. Медногорск, г. Кувандык, г. Гай, г. Ясный

На втором этапе проведем корректировку потенциальных мест размещения логистических интегрированных распределительных центров на территории Оренбургской области с помощью метода центра тяжести — исходя из районов концентрации производства сельскохозяйственной продукции, транспортной доступности и других технико-экономических параметров, консолидированных в одном месте.

На третьем этапе определим состав операционных зон логистического интегрированного распределительного центра сельскохозяйственной продукции в соответствии с потенциальными местами размещения на территории Оренбургской области и построим областную карту их расположения, учитывая зависимость логистических расходов на предпродажную подготовку и хранение заготавливаемой сельскохозяйственной продукции от величины мощностей логистических интегрированных распределительных центров.

Выполним расчеты по операционным зонам логистического интегрированного распределительного центра сельскохозяйственной продукции на территории Оренбургской области со специализацией на плодоовощной продукции.

В соответствии с транспортной доступностью на расстоянии трех часов езды грузовым автомобилем (180–200 км), данными о расстоянии по сети автомобильных дорог сервиса «Яндекс.Карты» и тарифе перевозки плодоовощной продукции 4,5 р./т-км были определены границы четырех операционных зон логистического интегрированного распределительного центра Оренбургской области, к которым относятся Бугурусланский, Бузулукский, Оренбургский, Орский логистические интегрированные распределительные центры.

Объемы сельскохозяйственной (плодоовощной) продукции, которые могут быть обработаны логистическим интегрированным распределительным центром, рассчитанные с помощью коэффициентов логистической эффективности (K_{LE}) и усовершенствованной логистической эффективности (K_{2LE}) по операционным зонам Оренбургской области, представлены в табл. 2.

Формирование логистических интегрированных распределительных центров сельскохозяйственной продукции на территории Оренбургской области позволит:

- 1) создать региональный бренд качества, систему управления качеством продукции (лаборатории, стандартизация и сертификация продукции, поддержка регионального бренда);
- 2) сформировать собственную биржевую сеть;
- 3) организовать систему переработки, сохранности продукции (цеха переработки плодоовощной продукции);

Таблица 2

Параметры операционных зон логистических интегрированных распределительных центров Оренбургской области

Район	Население (без учета городов), тыс. чел. 2017 г.	Расстояние от логистического интегрированного распределительного центра, км	Производство плодоовощной продукции, т (I квартал 2018 г.)	Товарные ресурсы плодоовощной продукции, т	K_{LE}	K_{2LE}
Бузуруславский логистический интегрированный распределительный центр						
Всего по зоне	84,7		43 154,0	28 511,5	75	571
В том числе:						
Бузуруславский	18,6	4	2 414,0	-1 027,0		
Асекевский	18,8	40	8 291,0	4 813,0		
Северный	13,3	69	17 530,0	15 069,5		
Абдулинский	8,1	75	3 765,0	2 266,5		
Пономаревский	14,5	150	6 414,0	3 731,5		
Матвеевский	11,4	110	4 740,0	2 631,0		
Бузулукский логистический интегрированный распределительный центр						
Всего по зоне	208,9		141 436,0	110 597,0	118	900
В том числе:						
Бузулукский	30,6	29	29 151,0	23 490,0		
Курманаевский	16,5	60	—	—		
Первомайский	24,8	120	11 880,0	7 292,0		
Ташлинский	24,6	160	64 725,0	60 174,0		
Тоцкий	31,6	75	10 030,0	4 184,0		
Грачевский	12,4	64	—	—		
Красногвардейский	19,7	110	18 390,0	14 745,5		
Сорочинский	13,3	110	—	—		
Новосергиевский	35,4	150	7 260,0	711,0		

Окончание табл. 2

Район	Население (без учета городов), тыс. чел. 2017 г.	Расстояние от логистического интегрированного распределительного центра, км	Производство плодоовощной продукции, т (I квартал 2018 г.)	Товарные ресурсы плодоовощной продукции, т	K_{LE}	K_{2LE}
Оренбургский логистический интегрированный распределительный центр						
Всего по зоне	369,6		31 280,2	25 660,5	90	688
В том числе:						
Оренбургский	85,2	20				
Шарлыкский	17,0	160	249,5	-2 895,5		
Илекский	24,4	100	—	—		
Соль-Илецкий	52,0	130	2 095	-7 525,0		
Сакмарский	29,0	37	10,7	-5 354,3		
Октябрьский	19,7	73	12 775,0	9 130,5		
Перволоцкий	27,3	89	8 950,0	3 899,5		
Тюльганский	18,5	120	7 200,0	3 777,5		
Саракташский	40,2	110	—	—		
Акбулакский	25,3	130	—	—		
Александровский	14,8	170	—	—		
Беляевский	16,2	110	11 850,0	8 853,0		
Орский логистический интегрированный распределительный центр						
Всего по зоне	169,2		60 619,0	36 654,0	145	1 110
В том числе:						
Новоорский	28,2	56	—	—		
Гайский	9,4	53	—	—		
Кувандыкский	42,7	120	20 949,0	13 049,5		
Домбаровский	15,2	98	9 773,0	6 961,0		
Адамовский	24,6	130	5 050,0	499,0		
Кваркенский	16,7	200	16 700,0	13 610,5		
Ясненский	19,8	150	6 197,0	2 534,0		
Светлинский	12,6	250	1 950,0	-381,0		

4) разработать оптимальную систему снабжения экологически чистыми продуктами питания в рамках государственного (муниципального) заказа;

5) оптимизировать затраты, связанные с транспортировкой и переработкой сельскохозяйственной продукции.

Функционирование логистических интегрированных распределительных центров на территории Оренбургской области обеспечит гарантированный сбыт сельскохозяйственной продукции.

С. Г. Пьянкова, В. В. Гришина

Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург

Совершенствование методических подходов к формированию документов стратегического планирования региона¹

Аннотация. Начало XXI века — период, который характеризуется всемерным повышением эффективности деятельности путем использования различных направлений стратегического планирования. Этот процесс не мог не коснуться региональных органов государственного управления, которые выступают гарантом всестороннего улучшения благосостояния жизни населения. В данной статье рассматриваются разнообразные результаты исследований, над которыми работали и работают российские ученые в этой сфере. Кроме того, анализируется нормативно-правовая база, регулирующая вопросы планирования в Российской Федерации, приводится анализ существующих методических подходов к формированию документов стратегического планирования и оценке эффективности данного вида планирования. На базе проведенного исследования авторами предлагается новый методический подход к формированию документов стратегического планирования региона.

Ключевые слова: совершенствование; стратегическое планирование; инновации; регион; методические подходы.

Вопросы регионального индустриального и инновационного развития на протяжении длительного периода привлекают внимание исследователей. На территории Свердловской области располагается более тысячи различных промышленных компаний, в том числе одни из самых крупных промышленных предприятий в Российской Федерации [5].

Для организации работы по совершенствованию индустриального и инновационного развития регионов реализуется большое количество различных концепций и стратегических программ как на федеральном, так и региональном/муниципальном уровне управления.

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-010-00833 А «Неоиндустриализация в пространстве макрорегиона в контексте циклично-волновой методологии (на примере Урала)».

Например, в Свердловской области, по данным муниципалитетов, осуществляются стратегии социально-экономического развития Шалинского городского округа, Нижнесергиинского муниципального района, городского округа Староуткинск и др. [2].

Для проведения более полного анализа сложившейся ситуации подробно остановимся на нормативно-правовом регулировании данного вопроса.

С 2014 г. в РФ реализуется Федеральный закон от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации», который, в частности, регулирует вопросы планирования, программирования и целеполагания по отраслевому и территориальному признаку на уровне субъектов и муниципалитетов Российской Федерации.

На сегодня система государственного стратегического планирования в РФ представлена совокупностью взаимосвязанных документов стратегического планирования, характеризующих, в свою очередь, приоритетные направления социально-экономического развития страны, а также элементов нормативно-правового, научно-методического, финансового, информационного и иного обеспечения процессов стратегического планирования [3].

Для улучшения качества планирования исследователи дают следующие рекомендации:

- совместное участие в разработке документов администрации, бизнеса и населения (Г. Ю. Ветров, И. Н. Ильина, Н. Б. Косарев);
- разработка нормативно-правовых основ по процессу утверждения социальных стандартов (В. Н. Лексин, С. С. Сулакшин, Л. А. Реймер, А. Н. Швецов);
- развитие единой системы методологии для различных этапов стратегического планирования и развитие процесса координации между органами федеральной и региональной власти для принятия экономически обоснованных инвестиционных решений (М. Э. Дмитриев);
- создание законодательных механизмов взаимодействия различных уровней государственной власти (Д. Х. Шалахина, В. А. Щитинский);
- введение инновационных принципов регионального стратегического планирования (В. Е. Селиверстов).

Одной из основ успешного индустриального и инновационного развития является создание документов стратегического характера с учетом указанных выше рекомендаций.

Качественная подготовка стратегических документов, оценка результатов реализации мероприятий еще на стадии планирования способствуют более эффективному стратегическому планированию.

Обобщая подходы к оценке эффективности стратегического планирования, можно выделить достижения следующих ученых (см. таблицу).

Оценка эффективности стратегического планирования

Ученые	Предложения
Е. Г. Анимица	<p>Одним из важнейших обстоятельств при выборе и обосновании направлений по усовершенствованию управления территорией является оценка действенности принимаемых решений, а также определение потенциальных последствий социального, демографического экономического, экологического и другого характера.</p> <p>Эффективность территориальной системы определяется уровнем достижения конечных результатов, которые соответствуют поставленной цели. Оценка эффективности принимаемых решений позволяет определить необходимость совершенствования не только всей системы управления, но и отдельных ее частей (функций, организационной структуры, методов и т. д.), а также обосновать и выбрать наиболее эффективные направления усовершенствования управления.</p> <p>Стоит отметить, что эффективность — это показатель, характеризующий полноту реализации синтеза усилий и ресурсов, затраченных субъектом управления и обществом для решения выявленных проблем в социально-экономической сфере [1]</p>
А. И. Татаркин, В. Л. Берсенов, Х. Н. Гизатуллин	<p>Количественная оценка, по мнению авторов, предполагает определение прогресса указанных ниже групп показателей эффективности:</p> <ul style="list-style-type: none"> ◦ социально-гуманистических; ◦ экономических; ◦ социально-бытовых; ◦ социально-демографических [4]
А. Н. Петров	<p>Автор выделяет следующие направления оценки эффективности стратегического планирования:</p> <ul style="list-style-type: none"> ◦ региональное; ◦ экономическое (производственное); ◦ научно-техническое; ◦ экологическое; ◦ рыночное; ◦ социальное
А. Н. Попов	<p>Ученый оценивает стратегический план развития страны, исходя из наибольшего уровня показателя интегрального народнохозяйственного эффекта.</p> <p>В рамках его расчета результатами реализации планов, например, могут выступать (в стоимостном выражении):</p> <ul style="list-style-type: none"> ◦ конечный производственный результат, который получен от реализации на внутреннем и внешнем рынках всей произведенной в той или иной стране продукции, а также размер выручки от продажи как имущества, так и интеллектуальной собственности; ◦ социальный и экологический результат;

Окончание таблицы

Ученые	Предложения
	<ul style="list-style-type: none"> ◦ уровень закредитованности, а именно, кредиты и займы, выданные иностранными государствами; ◦ косвенный финансовый результат, обусловленный реализацией того или иного стратегического плана; ◦ прямой финансовый результат
Министерство экономики Свердловской области	<p>Представленный орган региональной власти инициировал введение рейтинга инвестиционной привлекательности муниципальных образований по результатам реализации инвестиционных программ и проектов. Оценка происходит по следующим показателям:</p> <ul style="list-style-type: none"> ◦ группа динамических показателей (указывает на уровень среднегодовых темпов роста численности населения, а также объема поступивших инвестиций); ◦ группа статических показателей (характеризует степень обеспеченности коммунальными, энергетическими и природными ресурсами)
Н. И. Пшиканкова	С точки зрения автора, процесс определения методов оценки эффективности, а также выбор той или иной модели проведения региональных реформ должен быть ориентирован на экономику благосостояния, которая преследует интересы общества

На данный момент многие крупные предприятия Свердловской области (Уральская горно-металлургическая компания, ОАО «Ирбитский молочный завод», ОАО «Огнеупоры» (Богданович)) имеют стратегические планы развития, что, безусловно, повышает их уровень развития.

Анализ стратегических программ развития данных предприятий показал, что одними из основных общих направлений стратегического развития являются:

- снижение себестоимости продукции;
- выпуск новых видов продукции;
- концентрация внимания руководства компании на более рентабельных активах;
- повышение благосостояния сотрудников компании.

Проанализировав описанные выше исследования и стратегии, авторы предлагают новый методический подход к созданию документов стратегического планирования, который представлен на рисунке.

Предложенная методология ориентирована на совершенствование процесса формирования и реализации документов стратегического планирования региона в части его индустриального и инновационного развития.

Завершая этот этап исследования, можно с уверенностью сказать, что одним из важнейших аспектов повышения эффективности деятельности органов государственной власти является совершенствова-

ние методических подходов к формированию документов стратегического планирования региона.

Методический подход
к индустриальному и инновационному развитию региона

Исследования по данному вопросу будут продолжены.

Библиографический список

1. *Анимцица Е. Г.* Региональное управление : курс лекций. — Екатеринбург : Изд-во Урал. гос. экон. ун-та, 2010. — 340 с.
2. *Пьянкова С. Г.* Социально-экономическое развитие монопрофильного города на основе механизма внутренней самотрансформации // Экономическое возрождение России. — 2018. — № 1. — С. 91–104.
3. *Пьянкова С. Г., Ергунова О. Т.* Тренды инновационного развития субъектов Уральского федерального округа в условиях новой индустриализации // Научные труды Вольного экономического общества. — 2018. — Т. 209, № 1. — С. 203–222.
4. *Татаркин А. И., Котлярова С. Н.* Региональные институты развития как факторы экономического роста // Экономика региона. — 2014. — № 3. — С. 9–18.
5. *Krugman P.* Increasing returns and economic geography // Journal of Political Economy. — 1991. — Vol. 99. — P. 483–499.

О. М. Рой

Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, г. Омск

Оптимизация межуровневого взаимодействия в условиях реализации пространственной политики России

Аннотация. В статье представлены перспективы взаимодействия уровней публичной власти при переходе к новой модели пространственного развития страны, основанной на ведущей роли городских агломераций и макрорегионов. Автор раскрывает проблемы организации такого взаимодействия и способы его оптимизации.

Ключевые слова: стратегия пространственного развития; агломерации; макрорегионы; региональная политика; федеральные округа; межуровневое взаимодействие.

Представленный на обсуждение в 2018 г. проект Стратегии пространственного развития Российской Федерации до 2025 г. (далее — Стратегия) обозначил важные направления, связанные с перестройкой межуровневых отношений в территориальной организации российского общества, и выделил макрорегиональный уровень как источник перспективных инвестиционных проектов и программ. Как указано в Стратегии, в Российской Федерации сформировалось несколько крупных центров экономического роста. В их состав входят 14 крупнейших и шесть крупных городских агломераций, а также четыре минерально-сырьевых центра, расположенных в восточной части Республики Саха (Якутия), на севере о. Сахалина, полуострове Ямал, некоторые муниципальные образования Ханты-Мансийского автономного округа. Крупные центры экономического роста обеспечивают каждый более 1 % суммарного прироста валового регионального продукта всех субъектов РФ, а в сумме данные центры за период с 2010 г. создали 68 % суммарного прироста ВРП субъектов Российской Федерации при их доле в численности населения страны в 40 %. Таким образом, выделяются 14 макрорегионов с включенными в них субъектами Федерации с обозначенными для них «эффективными экономическими специализациями», позволяющими обеспечить решение крупных народнохозяйственных задач.

Оставляя за пределами рассмотрения качество представленного документа и степень проработки отдельных положений, следует признать положительный смысл в намерениях власти сосредоточить свое внимание на развитии рассредоточенных по территории страны региональных центров. Однако при ближайшем рассмотрении Стратегии возникает немало вопросов, связанных с ее реализацией. И значительная часть этих вопросов касается того, как будет осуществляться взаимодействие между сложившимися в настоящее время центрами ответ-

ственности в виде субъектов Федерации и муниципальных образований с макрорегиональными структурами.

Формы межуровневого взаимодействия

В России законодательно определены три уровня публичной власти, распределяющие между собой полномочия в области решения вопросов государственного и местного значения: федеральный, региональный (субъект Федерации) и муниципальный (органы местного самоуправления). В то же время с 2000 г. определенная часть федеральных полномочий в границах компетенции президентских обязанностей передана институту полномочных представителей, в связи с чем в России была создана сеть федеральных округов. Кроме того, в рамках муниципальной реформы сформировались различия и внутри муниципальной власти, проявившиеся в разделении полномочий между уровнями муниципальных районов и городских округов, с одной стороны, и муниципальных поселений — с другой. Таким образом, сегодня можно говорить о пяти уровнях управленческого взаимодействия в системе публичной власти, распределенных по характеру закрепляемых за ними полномочий.

Вместе с тем теоретически можно обозначить три формы межуровневого территориального взаимодействия: субординационную, координационную и дифференциальную. При субординационном взаимодействии все территориальные уровни выстроены в строгую управленческую вертикаль, когда нижестоящий уровень призван всецело выполнять предписания вышестоящего уровня. Координационное взаимодействие предполагает обязательное согласование между уровнями при реализации проектов, затрагивающих интересы нижестоящего уровня. Дифференциальная форма основана на строгом разведении компетенции между уровнями, когда интересы нижестоящего и вышестоящего уровней отделены друг от друга правовыми нормами.

При существующем статусе каждого из представленных уровней реализовать ту или иную форму межуровневого взаимодействия представляется невозможным. Тем не менее повышение качества развития общества во многом связано с переходом от субординационной к дифференциальной форме, при которой повышается степень ответственности каждого уровня и обеспечивается необходимая для осуществления их функций специализация. Однако достичь состояния дифференциальной формы фактически достаточно трудно, да и нецелесообразно, поскольку система территориального управления не может существовать без допустимого здесь дублирования. К примеру, вопросы социального обеспечения или безопасности часто сознательно дублируются между уровнями власти с целью недопущения монополизации на соот-

ветствующий вид деятельности определенного уровня. Так, в США при расследовании социально значимых преступлений обязательно участие как федеральной власти в лице ФБР, так и местной полиции. Во многих странах значительная часть социальных расходов сознательно планируется на долевой основе для соответствующих уровней бюджетной системы. Такой порядок нацеливает на дисциплину расходования бюджетных ресурсов и необходимость согласования действий со всеми заинтересованными сторонами. Разведение же степени ответственности между территориальными уровнями в рамках дифференциальной формы при очевидных ее преимуществах носит бюрократический характер и несет угрозу бесконтрольности и низкой эффективности действий центра ответственности.

Особое значение система межуровневых взаимодействий приобретает при реализации масштабных инвестиционных проектов. Такие проекты предполагают значительные расходы, которые, как правило, из единого центра осуществлять как расточительно, так и малоэффективно. Все свои расходы в отношении нижестоящих уровней территориального управления государство призвано осуществлять в рамках государственной региональной политики, целью которой является комплексное воспроизводство народнохозяйственной системы страны на основе развития ее региональной специализации.

Роль региональной политики в оптимизации межуровневого взаимодействия

В России региональная политика осуществляется в двух основных формах: общерегиональной и селективной [2]. В первом случае Федерация предлагает формы участия безотносительно к тому или иному региону. Во втором случае — участие каждого региона в реализации проекта является обособленным. Реализация общерегиональной политики предусматривает создание специальных институциональных условий, которые должны обеспечить состязательность между регионами в получении федеральной поддержки для выхода лучших из них на новый виток развития. Такая политика предполагает активное взаимодействие уровней публичного управления и формирование комплексных сбалансированных по ресурсам инвестиционных проектов. Однако преимущественно государство реализует селективную политику, характерной чертой которой выступает непосредственное участие Федерации в региональных проектах, прямое бюджетное финансирование отдельных регионов по заданным критериям. Если Федерация содействует повышению уровня бюджетной обеспеченности региона, предлагается выравнивающая селективная политика, если изыскивается возможность региона выйти на реализацию прорывного проекта — поляризационная селективная политика. Сужающиеся бюджетные

способности Федерации существенно расширяют долю поляризационной политики, требующей привлечение значительных ресурсов, которые достаточно сложно аккумулировать на региональном уровне.

Агломерации в системе межуровневого взаимодействия

Стратегия пространственного развития предлагает новый способ организации межуровневого взаимодействия в виде агломерации. Форма агломерации позволяет консолидировать интересы региональных и муниципальных органов власти вокруг развития крупных хозяйственных комплексов, сосредоточенных в крупных городах. Агломерации позволяют не только вовлечь в сферу реализации масштабных региональных проектов предприятия агломерационного центра, но и сформировать систему кооперационных связей между этим центром и находящимися за его пределами территориями, в том числе сельскими. При этом возникает ряд вопросов.

1. Поскольку распределение агломерационных центров в пространстве страны является крайне неравномерным, то какую региональную политику можно проводить на неурбанизированных территориях?

2. Как вовлечь в планы реализации агломерационных проектов поселения, находящиеся в отдалении от границ агломерационного центра?

3. Как интегрировать агломерационную модель в существующую систему территориальной организации российского общества?

4. Какую роль в развитии агломерационных проектов будут играть сельские территории?

В России можно выделить три этапа в реализации региональной экономической политики. На первом этапе, унаследованном из советских времен, в рамках действующих до конца 1990-х годов принципов экономического районирования сохранялись стимулы обеспечения кооперации между входящими в экономический район предприятиями и регионами. В связи с реформой в 2000 г. института полномочных представителей и образованием федеральных округов карта межрегиональной экономической кооперации существенно меняется. К примеру, Юг Западной Сибири концептуально отделяется от своей сырьевой базы на тюменском Севере, а пермским предприятиям предписано более активно участвовать в проектах регионов Поволжья. Модель экономического районирования в связи с этим претерпевает определенную трансформацию, несмотря на то, что реформа института полномочных представителей не имела к этому никакого отношения. С начала нулевых годов многие федеральные проекты, статистические выкладки стали принимать во внимание модель разделения регионов по федеральным округам.

В настоящее время начинает вырисовываться новый этап государственной региональной политики, в основе которого планируется вычленение сети агломерационных центров, составляющих базу для формирования ограниченного количества макрорегионов, основанных на использовании экономически эффективных специализаций. Проект выделяет 14 макрорегионов, обособляя отдельные регионы, сгруппированные в рамках федеральных округов. Эти изменения следует рассматривать в качестве инструмента государственного влияния на формирование горизонтальных связей между регионами отдельной группы, более четкого обозначения макрорегиональной специализации и потенциальных точек перспективного развития.

В этих условиях большое значение обретает система взаимоотношений регионов и муниципалитетов внутри макрорегионов, их готовность заключать друг с другом соглашения и реализовывать совместные проекты. Существующая сегодня схема административно-территориального устройства в России, в рамках которой не больше десяти субъектов имеют возможность выступать бюджетными донорами, существенно сдерживает интеграционные процессы, ориентируя отстающие регионы на непрерывное дотирование и отказ от установления кооперационных связей со своими географическими соседями.

Выделение макрорегионального уровня позволит заинтересовать географически близкие друг к другу регионы в активизации делового сотрудничества и сформировать совершенно новую систему взаимоотношений с федеральным центром.

Очевидно, что агломерационная модель развития вступает в оппозицию со сложившейся в России схемой федеральных округов, сформировавшей вокруг себя мощную административную структуру при размытости и неопределенности передаваемых ей президентских полномочий. Схема федеральных округов способствовала возникновению в России фактически нового уровня управления, сконцентрировавшего у себя значительную долю ресурсов. Помимо разросшегося штата и переданного на институт полномочного представителя федерального и регионального имущества федеральные округа стали инициаторами крупномасштабных инвестиционных проектов, результативность которых была явно преувеличена, а то и вовсе фальсифицирована. Ярким образцом такого горе-проекта стал нашумевший мега-проект «Урал промышленный — Урал полярный» [3].

Однако на пути этой конструкции в настоящее время возникает несколько ограничений. В России коммуникации между уровнями публичного управления осуществляются строго последовательно, т. е. федеральный уровень разрабатывает проект, а субъект Федерации ищет возможность участвовать в этом проекте, подключая при

этом к участию в нем муниципальные образования. Таким образом, муниципалитеты не имеют возможности через голову субъекта Федерации участвовать в федеральных программах и проектах. В странах Европейского союза регионы могут напрямую получать средства, выделяемые из фондов сообщества [4]. Такая практика позволяет, во-первых, значительно активизировать усилия регионов и муниципалитетов по реализации приоритетных направлений развития ЕС, во-вторых, обозначить потенциальные точки роста в развитии сообщества, и в-третьих, повысить степень самостоятельности и самодостаточности местного уровня власти, его возможности участвовать в крупных экономических программах.

Выделение макрорегионального уровня в России позволит сфокусировать систему региональной поддержки на межрегиональной основе, ограничив региональный эгоизм губернаторов и повысив степень межрегионального сотрудничества [1]. Но наладить такое сотрудничество вряд можно за счет разработки стратегических документов, необходима проработка механизмов государственного стимулирования и повышения качества публичного и корпоративного управления.

Определенными возможностями для оптимизации межуровневого взаимодействия в РФ в рамках новых приоритетов пространственного развития страны, на наш взгляд, могут стать:

1) придание аппарату федеральных округов исключительно координационных полномочий и расширение прав межрегиональных объединений макрорегионов, формирующихся с целью разработки и реализации долгосрочных инвестиционных проектов;

2) формирование системы экономической специализации макрорегиона с усилением ее кластерной основы и обоснованием повышения эффективности нового образования;

3) коррекция стратегий социально-экономического развития регионов с учетом вхождения в макрорегион и разработка программ развития самих макрорегионов;

4) создание федерального фонда развития муниципальных образований, обеспечивающего оперативную и непосредственную поддержку передовым муниципальным проектам;

5) формирование сети малых агломераций, сложившихся на базе средних и малых городов, способных вовлекать в сферу своего развития близлежащие сельские поселения.

Библиографический список

1. Гусев А. Б. Особенности экономической интеграции регионов России — угроза территориальной целостности страны // Общество и экономика. — 2011. — № 10. — С. 50–66.

2. *Леонов С. Н., Сидоренко О. В.* Селективная региональная политика как самостоятельный тип региональной политики государства // Государственное управление. — 2011. — № 28. — URL : http://e-journal.spa.msu.ru/uploads/vestnik/2011/vipusk_28_senjabr_2011_g/pravovie_i_politicheskie_aspekti_upravlenija/leonov_sidorenko.pdf (дата обращения: 31.08.2018).

3. *Тимошенко В. П.* Мегaproект «Урал промышленный — Урал полярный»: инерция советской эпохи в сравнительной перспективе // ЭКО. — 2013. — № 2. — С. 48–60.

4. *Яровой Г. О., Белокурова Е. В.* Европейский Союз для регионов: что можно и нужно знать российским регионам о ЕС. — СПб. : Норма, 2012. — 369 с.

П. И. Блусь, Н. О. Шестакова

Пермский государственный национальный исследовательский университет, г. Пермь

Возможности самореализации молодежи в условиях развития проектной деятельности в России

Аннотация. В статье анализируются предпосылки становления и развития социальной активности молодежи, опирающиеся на ключевые понятия ряда гуманитарных наук: «мотивация», «активность», «самореализация», «человеческий потенциал». Авторы приходят к выводу, что наиболее эффективным и результативным механизмом, содействующим самореализации молодежи, росту потенциала молодежной активности, является проектная деятельность, представляющая совокупность различных функций участников проектной команды и дающая возможность сформировать у них адекватную реакцию на современные вызовы внешней и внутренней среды. Авторы полагают, что именно проектная деятельность в большей степени соответствует ожиданиям российской молодежи в части достижения социальных эффектов от реализации потенциала молодежной активности.

Ключевые слова: молодежный потенциал; социальная активность личности; мотивация; самореализация; проектная деятельность.

Молодежь в контексте усиливающейся конкуренции за человеческий капитал вынуждена адаптироваться к новым условиям, быть динамичной и восприимчивой к изменяющимся условиям, формировать и проявлять свою гражданскую позицию.

Будучи самой активной социальной группой, молодежь в гораздо более высокой степени заинтересована в скорейшей самореализации собственного человеческого потенциала, так как от этого в значительной мере зависит уровень и качество жизни каждого индивида.

В свою очередь, выбор способов развития потенциала, методов адекватного воспитания личности, средств побуждения к общественно значимой деятельности молодежи, которые в последующем станут факторами, содействующими самореализации, прежде всего предполагает комплексное, системное рассмотрение нескольких ключевых понятий, лежащих в сфере изучения философии, психологии, социологии

и других смежных наук. Центральным из них является понятие «социальная активность личности». По мнению С. Л. Рубинштейна, «человек сознательно преобразует мир, а сознание проявляется и формируется в деятельности. В сознательной деятельности человека проявляется его активность». Как побудительную силу человеческой деятельности, С. Л. Рубинштейн выделяет мотив [11]. Мотивы, детерминирующие деятельность личности и определяемые ее потребностями, выступают источником активности личности, обеспечивая ей определенную направленность. При этом мотивы интегрируются в разнообразные отношения. Содержание отношений наиболее полно отражается в личностных смыслах, под которыми понимается «...индивидуализированное отражение действительности, выражающее отношение личности к тем объектам, ради которых разворачивается ее деятельность и общение» [11].

Обобщая сказанное, отметим, что социальная активность личности формируется ее мотивами и личностным смыслом, выступающими своеобразными векторами, определяющими созидательную направленность такой активности.

В этом смысле тождественны позиции В. И. Андреева, М. Г. Гарунова, О. Г. Сущенко, Г. И. Щукиной, которые при рассмотрении термина «активность» как базового для дальнейшего конструирования понятия «социальная активность личности», акцентируют внимание именно на деятельностном аспекте и утверждают, что «активность побуждается предметом деятельности, а сама деятельность, таким образом, выступает в качестве мотива активности» [1; 5; 12; 15].

Одновременно следует обратить внимание и на то, что формирует мотивацию молодежи, какие мотивы движут ею при повышении активности своей деятельности.

К. С. Бажин определяет мотивацию как «систему внутренних факторов, вызывающих и направляющих ориентированное на достижение цели поведение человека; внутреннее побуждение к активности и деятельности личности, вызываемое ее потребностями и определяющее направленность этой активности и деятельности» [2]. Опираясь на эту точку зрения, мы можем выделить следующие мотивы социальной активности молодежи: стремление к лидерству, позиционирование в определенной социальной группе, выстраивание карьерной траектории, желание быть общественно полезным, личностная потребность в социальном служении и оказании помощи окружающим и т. п.

Значимым фактором в определении социальной активности является также то, что не всякая деятельность является содержанием и атрибутом социальной активности, а лишь та, которая имеет определенные качественные и количественные характеристики в их взаимо-

связи. При этом движущим фактором социальной активности выступают не все потребности, а лишь те из них, удовлетворение которых имеет социальное значение и затрагивает общественные интересы.

Показателем сформированности социальной активности на том или ином этапе ее развития является позитивное изменение мотивации, направленность этой мотивации на удовлетворение потребности в общественно значимой деятельности и социально ценном служении.

В трудах ряда психологов и педагогов, среди которых, в частности, Б. З. Вульф, С. А. Константинов, И. И. Кузнецова, Т. М. Мальковская, К. Н. Мешалкина, мы находим аргументы в пользу того, что развитие социальной активности, лежащей в основе процессов самопознания, самоопределения и самореализации личности, целесообразно начинать уже с первой ступени школьного обучения и последовательно продолжать на всех этапах становления личности [4; 7; 8; 9; 10].

Таким образом, исходя из предлагаемых разными исследователями трактовок понятия «социальная активность личности», можно сделать вывод, что она присуща каждой социальной группе, в том числе молодежи. При этом социальная активность личности не только является наиболее всеохватывающим и широким понятием, которое включает, в свою очередь, содержание таких понятий, как «мотивация», «мотив активности», «активность», «активность личности», «социальная активность», «сознательная деятельность человека», но и отражает высокую степень включенности личности в социум, ее нацеленности на общественно значимую деятельность, направленную во благо общества.

Безусловно, для молодежи как особой социальной группы характерна повышенная социальная активность, именно поэтому, осуществляя самостоятельную, сознательную деятельность, обусловленную собственными потребностями и мотивами, представители молодежи могут достичь высокого уровня самореализации.

Социальная активность молодежи проявляется в различных организационных формах — участие в студенческом самоуправлении, работа в общественных объединениях и некоммерческих организациях, членство в различных молодежных организациях и движениях, работа в студенческих отрядах, деятельность в профсоюзных организациях студентов, занятия в спортивных секциях, кружках по интересам, центрах творчества и т. п. Стоит также отметить, что социальная активность молодежи может носить и неформальный, нелегитимный характер. Речь идет о стихийно возникающем массовом поведении толпы, несанкционированных митингах и демонстрациях, массовых беспорядках и т. п. Хотя и в этих случаях мы зачастую имеем дело с хорошей организацией таких «неорганизованных» акций.

Очевидно, что практически во всех указанных организационных формах социальной активности молодежи мы имеем дело с универсальной технологией — проектной деятельностью.

В данном исследовании проектная деятельность рассматривается как обособленная и самостоятельная технология социальной активности молодежи, закрепляемая в определенной организационной форме и позволяющая направлять социальную активность молодежи на достижение конкретных целей. Проектный подход чаще других технологий используется в перечисленных выше организационных формах, а также в органах власти и иных структурах, создающих условия для успешной социализации и самореализации молодежи. Общим критерием успеха в данном случае будет получение всеми заинтересованными сторонами результатов, соответствующих их ожиданиям [14].

Сегодня мы имеем многочисленные примеры создания для молодежи на федеральном, межрегиональном, региональном и муниципальном уровнях самых разных площадок, где эта социальная группа получает возможности для самореализации, формулировки своей позиции по самым актуальным вопросам современной повестки дня. В качестве федеральных площадок сегодня выступают всероссийские молодежные форумы: «Арктика», «Амур», «Селигер», «Территория смыслов на Клязьме», «Таврида», «Балтийский Артек». Среди межрегиональных, организуемых на уровне федеральных округов, особую популярность среди молодежи приобрели «Алтай. Точки Роста» и «Байкал», проводимые в Сибирском федеральном округе, «iВолга» — в Приволжском федеральном округе, «Утро» — в Уральском федеральном округе, «Машук» — в Северо-Кавказском федеральном округе, «Ладога» — в Северо-Западном федеральном округе. В качестве региональных набирают обороты «Молодежный форум. Пермский период», «Томский Коллайдер», «Зауралье», «Синергия Севера», «Я гражданин Подмосковья», «Кавказ. Наследие» и т. п. На муниципальном уровне проводится достаточно большое число местных форумов и фестивалей молодежи, часть которых организуются силами предприятий и организаций. В рамках этих площадок проходят разного рода дискуссии, круглые столы, TED-встречи, а также конкурсы проектов. Молодежные площадки становятся конгломератом проектов, концентратом идей, ряд которых получают затем свое реальное воплощение в практических делах и результатах.

Формами поддержки проектной деятельности как возможности самореализации молодежи выступают также разные грантовые конкурсы и конкурсы социально значимых проектов («Город — это мы!», «Прикамский витамин»), конкурсы социальных и культурных проек-

тов, конкурсы общественных инициатив и т. п. Такое участие в грантовых конкурсах одновременно дает реальную возможность продвижения личных инициатив молодого человека и позволяет ему формировать для себя определенные карьерные бонусы, повышая свою узнаваемость, полезность, востребованность, что в конечном счете работает на рост «капитализации личности» и одновременно является социальным лифтом для дальнейшей самореализации в общественной деятельности.

В этом смысле особое значение приобретает не столько достижение целей конкретного проекта, сколько формирование таких установок, навыков и компетенций участников проектной деятельности, которые способствуют их дальнейшему саморазвитию.

Основы государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 г. предусматривают создание условий для реализации потенциала молодежи в социально-экономической сфере через развитие трудовой и проектной активности путем совмещения учебной и проектной деятельности, а также развития общественной деятельности¹.

В связи с этим мы полагаем, что включенность молодежи в проектную деятельность является наиболее продуктивным средством развития ее социальной активности, поскольку проекты, будучи локализованными по месту, времени и ресурсам, становятся наиболее производительным механизмом практического воплощения молодежных инициатив, ибо позволяют достичь ожидаемого результата в сжатые сроки, а это, в свою очередь, в максимальной степени соответствует темпам и ритму жизни молодежи, а также способствует скорейшему улучшению среды ее жизнедеятельности.

Существенное значение проектной деятельности для активизации личностного потенциала молодежи обуславливается тем, что при ее реализации достигается ряд эффектов:

1) через участие в проектировании молодые люди получают возможность экспериментировать, брать на себя ответственность, реализовывать себя, развивать креативное мышление и творческие способности. Участие в проектной деятельности, в том числе, способствует тому, что молодой человек учится действовать в соответствии с поставленной целью и задачами, находит способы реализации собственного проекта, анализирует полученные результаты, выделяет перспективы развития проекта [6];

¹ Об утверждении Основ государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 г. : распоряжение Правительства РФ от 29 ноября 2014 г. № 2403-р.

2) молодой человек при работе над проектом ищет и знакомится с новой для него информацией или даже сферой деятельности. При этом открывается возможность применить как ранее имеющиеся, так и вновь полученные знания непосредственно на практике, в результате чего укрепляется фундамент для дальнейшего прогресса личности [3];

3) проектная деятельность способствует саморазвитию, самообразованию, самосовершенствованию молодежи, поскольку процесс проектной деятельности отличается высокой динамичностью. Он имеет бесконечное множество проявлений и предоставляет целый спектр новых возможностей для реализации личностного потенциала молодого человека; также он является культуроёмким по форме и стимулирует всех участников проекта к постоянному самообразованию [3];

4) реализация проектов позволяет достигать конкретных и зримых целей в определенные сроки с ограниченными ресурсами, что формирует у молодежи навыки концентрации, мобилизации, поиска оптимальных решений, действий в условиях неопределенности, управления рисками и т. п. [13];

5) зачастую проектам необходима поддержка со стороны органов власти. Здесь важно отметить, что за последние годы сложилась практика оказания поддержки непосредственно на реализацию инициатив, а не на функционирование организаций, что, на наш взгляд, является более целесообразным способом распределения средств. Помимо этого проектная деятельность молодежи позволяет делегировать ей некоторые функции органов власти и закрепить за ней определенную долю ответственности;

6) актуальность и востребованность проектной деятельности молодежи подтверждается тем, что бизнес-структуры все чаще уделяют внимание таким проектам, оказывая ресурсную и финансовую помощь, а также стимулируют повышение корпоративной социальной ответственности своих молодых кадров;

7) за счет реализации проектов повышается конкурентоспособность молодежи, так как увеличивается число молодых людей, обладающих компетенциями проектного управления. Проекты молодежи, выступая технологией самореализации и являясь катализатором мотивации и социальной деятельности, возможны для масштабирования, универсальны, подхватывают основные тренды глобальной конкуренции за человеческий капитал и могут создавать принципиально новый, уникальный продукт.

Обобщая сказанное, отметим, что включенность молодежи в проектную деятельность более всего соответствует ее стремлениям к достижению изменений внешней среды и самореализации внутреннего потенциала. Проектная деятельность как механизм самореализации

содействует развитию потенциала личности, ее всестороннему и гармоничному воспитанию, побуждает молодежь к общественно значимой деятельности.

Библиографический список

1. *Андреев В. И., Попов Л. М., Посталюк Н. Ю.* Факторы развития творческих способностей студентов в условиях перестройки высшей школы // Развитие творческой активности студентов в учебной, научно-исследовательской и социально-политической деятельности : сб. науч. тр. — М. : НИИВШ, 1990. — С. 29–39.

2. *Бажин К. С.* Психологические основы управленческой деятельности. — Киров : Изд-во ВятГГУ, 2011. — 112 с.

3. *Бажин К. С., Симонова Г. И., Ходырева Е. А.* Состояние и перспективы патриотического воспитания молодежи в современной России // Концепт. — 2014. — № 12. — С. 136–140. — URL : <https://e-koncept.ru/2014/14360.htm>.

4. *Вульффов Б. З.* Комсомол — школа общественной активности старшеклассников. — М. : Знание, 1976. — 64 с.

5. *Гарунов М. Г.* О педагогической системе подготовки студентов к национально-творческой деятельности на основе интеграции образования, науки и производства // Развитие творческой активности студентов в учебной, научно-исследовательской и социально-политической деятельности : сб. науч. тр. — М. : НИИ ВШ, 1990. — С. 88–95.

6. *Декина Е. В.* Технологии поддержки и развития неформального образования студенческой молодежи // Концепт. — 2014. — Т. 20. — С. 4186–4190. — URL : <http://e-koncept.ru/2014/55102.htm>.

7. *Константинов С. А.* Социальная активность и пассивность личности. — Владимир : ВГПИ, 1990. — 113 с.

8. *Кузнецова И. И.* Социальная активность личности. — Л., 1982. — 98 с.

9. *Мальковская Т. М.* Воспитание социальной активности старших школьников. — Л., 1973. — 175 с.

10. *Мешалкина К. Н.* Педагогические проблемы формирования общественной активности старшеклассников : автореф. дис. ... канд. пед. наук : 13.00.01 / Капиталина Николаевна Мешалкина. — М., 1974. — 25 с.

11. *Рубинштейн С. Л.* Бытие и сознание. — М. : Изд-во АН СССР, 1957. — 328 с.

12. *Сущенко О. Г.* Развитие социальной активности будущих учителей в учебной деятельности (на материале дисциплин педагогического цикла) : дис. ... канд. пед. наук : 13.00.08 / Ольга Григорьевна Сущенко. — Луганск, 1992. — 187 с.

13. *Управление проектами: основы профессиональных знаний, национальные требования к компетентности специалистов / науч. ред. В. И. Воропаев.* — М. : Проектная Практика, 2014. — 259 с.

14. *Управление проектами: основы профессиональных знаний, национальные требования к компетентности специалистов.* — М. : Проектная Практика, 2010. — 256 с.

15. *Щукина Г. И.* Активизация познавательной деятельности в учебном процессе : учеб. пособие. — М. : Просвещение, 1979. — 160 с.

А. А. Глумов

Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург

Роль сетевых производственных структур в функционировании муниципалитетов (на примере ГО Верхняя Салда)

Аннотация. В современных условиях сетевые производственные структуры становятся самостоятельным актором и администратором социально-экономических процессов на уровне как региона, так и муниципалитета. Автором рассмотрен пример взаимодействия крупного промышленного предприятия (ВСМПО-АВИСМА), являющегося элементом производственной сетевой структуры, и монопрофильного муниципального образования Верхняя Салда. В случае ответственного отношения сетевой структуры к роли, занимаемой ей в социально-экономических процессах на уровне муниципалитета, данное сотрудничество может иметь синергетический эффект. ВСМПО и Администрация Верхнесалдинского городского округа являются примером успешного взаимодействия. Особенно важна взаимная работа при разработке стратегии развития муниципалитета, поскольку собственных ресурсов, прежде всего доходных источников, недостаточно для гармоничного и устойчивого развития, предполагающего рост количества населения.

Ключевые слова: сетевые структуры; муниципальное образование; партнерство; промышленное развитие.

Роль сетевых структур в экономике территорий существенно трансформируется. Совершенствование институтов рыночной экономики приводит к значительному ослаблению роли муниципальных образований в социально-экономическом развитии территории. Тем самым, происходит ослабление иерархических взаимодействий за счет расширения горизонтальных связей между властью и бизнесом, иначе говоря, на смену классической, вертикально организованной системе управления муниципальными образованиями приходит управленческая децентрализация (гетерархия).

Гетерархия, по мнению М. А. Коваженкова [2], предполагает принципиальные изменения подходов к пониманию и организации процессов текущей деятельности и планирования стратегического развития муниципального образования, где сетевые структуры должны быть встроены в организационную архитектуру территории. Процессы встраивания крупных сетевых компаний приводят к пространственной трансформации организации экономики, структуры, функций, методов и механизмов управления муниципалитетом.

Результатом сетевого альянса власти и бизнеса становится, с одной стороны, сбалансированное развитие муниципалитета и сетевой

организации, с другой — постепенная подмена сетями органов власти территории (что характерно для бедных ресурсами муниципалитетов), которые формируют внутренние рынки и берут на себя социальные обязательства.

В РФ проблемы экспансии сетей на территориях, особенно в крупных городах, только начинают исследоваться. Особенностью России выступает моноспециализация многих исторически сложившихся городов, в которых развиваются единичные предприятия, в большинстве случаев являющиеся элементами сетевых структур (государственных компаний, крупных корпораций, холдингов и т. д.). Так, на начало 2018 г. в список российских моногородов входило 319 муниципальных образований, в которых проживает около 9 % населения страны.

В Уральском федеральном округе насчитывается 37 моногородов (в них проживает 20 % населения округа), в том числе в Свердловской области — 17 (28,9 % населения области). Значительная часть моногородов области имеет специализацию в области металлургии. При этом металлургический комплекс Свердловской области насчитывает в своем составе 79 крупных и средних организаций, которые практически все входят в вертикально интегрированные холдинги.

В процессе укрупнения и вхождения в сетевые структуры металлургические предприятия Свердловской области смогли приобрести важные конкурентные преимущества и усилить свои рыночные позиции на территориях различного уровня.

На примере моногорода Верхняя Салда (далее — городской округ, ГО) Свердловской области рассмотрим проблемы и перспективы его стратегического развития совместно с градообразующим предприятием — ПАО «Корпорация ВСМПО-АВИСМА», входящим в госкорпорацию «Ростех».

Согласно исследованиям А. Т. Юсуповой [5], В. В. Дементьева [1], Н. М. Плискевич [3] и др., рыночная власть определяется величиной показателей устойчивости и стабильности лидерства. ПАО «Корпорация ВСМПО-АВИСМА» относится к вертикально интегрированной металлургической корпорации, объединяющей два крупных технологически связанных предприятия: Верхнесалдинское металлургическое производственное объединение (ВСМПО, Верхняя Салда, Свердловская область) и Березниковский титано-магниевого комбинат (АВИСМА, Березники, Пермский край).

ВСМПО-АВИСМА глубоко интегрирована в российскую и мировую авиакосмическую индустрию (порядка 30 % производимого корпорацией титана идет на промышленное производство, 40 % — на авиастроение, 20 % — на двигателестроение и 10 % — на производство ракет) и является крупнейшим в мире производителем титана

и титановых сплавов (порядка 30 тыс. т в год, что составляет более 90 % российского титана).

В Верхнесалдинском ГО ВСМПО является ярко выраженным лидером среди бизнес-структур, постоянно поддерживая на территории высокие по сравнению со средними по Свердловской области показатели.

Если сравнивать финансовые возможности Верхнесалдинского ГО и ВСМПО-АВИСМА (данные приведены по корпорации в целом), то величина доходов корпорации только в 2017 г. превысила доходы бюджета муниципального образования в 46 раз, в 2016 г. — в 56 раз (рис. 1).

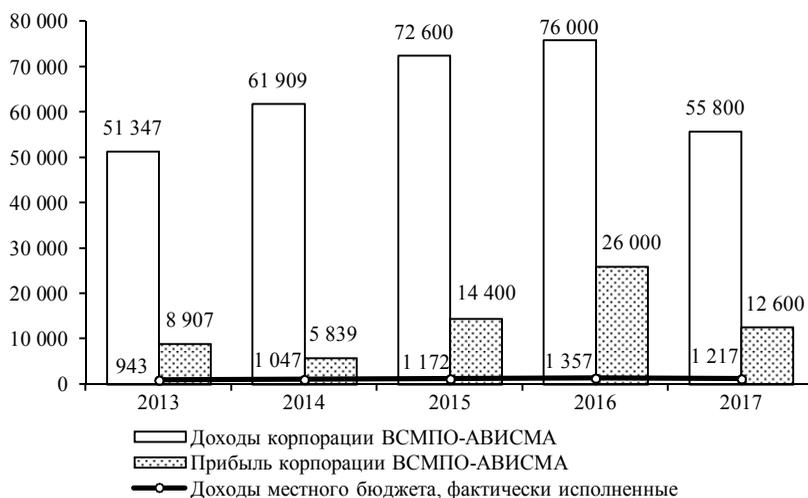

Рис. 1. Сравнение доходов бюджета Верхнесалдинского ГО и корпорации ВСМПО-АВИСМА, млн р.

Согласно данным, приведенным на рисунке, возможности корпорации и муниципального образования не поддаются сравнению. Сегодня ВСМПО обладает экономической и политической властью на территории ГО, а также отличается высокой социальной ответственностью бизнеса.

Базовым элементом реализации социальной ответственности градообразующего предприятия выступает социальное инвестирование, которое может преследовать цель решения социальных задач в отношении своих работников и территории в целом.

Социальное инвестирование ВСМПО в отношении своих работников включает выделение финансовых ресурсов на обеспечение социальной защиты (например, медицинское обслуживание, предоставление лечебно-профилактической помощи через систему добровольного медицинского страхования), а также адресную социальную поддержку (в виде поддержки вновь трудоустроенных, предоставления служебного жилья и беспроцентных займов, поощрения за многолетнюю трудовую деятельность). Такие инвестиции приводят к улучшению внутрикорпоративной среды предприятия и, соответственно, повышению качества персонала и уровня производительности труда.

Что касается содержания и развития объектов социальной инфраструктуры, то ВСМПО выстраивает партнерство с муниципалитетом по следующим направлениям:

- развитие образования;
- развитие здравоохранения;
- развитие спорта;
- развитие культуры;
- развитие городской инфраструктуры.

К основным взаимообусловленным проблемам градообразующего промышленного предприятия и муниципального образования можно отнести: автономное развитие города и предприятия; старение населения и его однородный в профессиональном плане состав; низкую адаптивность населения к инновациям; высокую степень зависимости уровня доходов населения от экономического положения предприятия; неразвитость транспортной, инженерной и деловой инфраструктуры территории.

Автономное развитие моногорода и градообразующего предприятия в отечественной практике практически не встречается. Со стороны предприятия заинтересованность в перспективном развитии территории обусловлена необходимостью эксплуатации единой или зависимой инфраструктуры, а также удовлетворением ожиданий и предпочтениями занятого населения.

Старение населения — одна из основных проблем развития практически всех моногородов России, возникающая в связи с увеличением продолжительности жизни горожан на фоне роста отрицательной миграции молодежи и падения рождаемости. Данная тенденция характерна и для Верхнесалдинского ГО, где численность населения за последние пять лет снизилась на 5 %, трудоспособного — на 7 % относительно 2013 г., главным образом за счет увеличения численности населения старше трудоспособного возраста и снижения рождаемости (рис. 2).

Отъезд жителей в связи с выталкивающими факторами также влечет рост потребности в кадрах, нехватку специалистов с высокими

компетенциями и, соответственно, способствует наращиванию издержек производства и неконкурентоспособности продукции.

Рис. 2. Основные демографические показатели развития Верхнесалдинского ГО в 2013–2017 гг., чел.

Поскольку население не растет, то уровень безработицы в ГО стабильно низкий и составляет 0,65 %. Специализация муниципального образования отражается на профессиональной специализации населения, ввиду чего на рынке труда образуется небольшая напряженность, снимаемая наличием вакансий в организациях социальной сферы. При этом возрастает риск «мгновенной» масштабной безработицы с затяжным периодом ее преодоления, вызванной ухудшением финансово-экономической ситуации на градообразующем предприятии.

Обобщая исследования в области анализа взаимообусловленных проблем, можно сделать вывод, что в настоящее время на муниципальном уровне происходит пересечение интересов и, соответственно, сращивание ресурсов и управленческих компетенций крупного сетевого бизнеса и власти. Таким образом, по мнению Е. М. Роговой [4], стратегическое развитие муниципального образования не может не учитывать основных положений стратегии градообразующего предприятия, что обусловлено системным, взаимообуславливающим характером их проблем. Также стратегия развития сетевой структуры должна отражать основные направления развития муниципального образования. Перечень направлений решения взаимосвязанных проблем представлен в табл. 1.

Основные направления решения взаимообусловленных проблем стратегического развития муниципального образования и градообразующей сетевой промышленной компании

Муниципальное образование	Компания
1. Повышение качества и уровня жизни населения. 2. Снижение уровня безработицы. 3. Рост численности населения. 4. Диверсификация экономики с целью снижения уровня безработицы и избыточной численности нетрудостроенного населения. 5. Поддержание уровня обеспеченности услугами образования, здравоохранения, спорта и культуры	1. Обеспечение стабильного уровня занятых
6. Повышение качества и уровня жизни населения. 7. Развитие образования. 8. Насыщенность событиями. 9. Строительство современного жилья. 10. Повышение безопасности территории. 11. Модернизация объектов социальной сферы	2. Омолождение коллектива и привлечение высококвалифицированных кадров
12. Реструктуризация, модернизация и реконструкция объектов городской инфраструктуры, являющейся основной и вспомогательной для развития компании	3. Обновление производственной инфраструктуры
13. Повышение имиджа, расширение списка федеральных и региональных программ комплексного развития территории, где муниципальное образование является участником	4. Привлечение инвестиций

Благодаря совместной работе ВСМПЮ и администрации муниципалитета была разработана Стратегия социально-экономического развития Верхнесалдинского ГО на период до 2030 г., которая интегрировала интересы предприятия и территории. Командная работа позволила определить ряд совместно реализуемых стратегических проектов:

1) синхронизация развития ВСМПЮ, ОЭЗ «Титановая долина» и муниципального образования их дислокации;

2) диверсификация экономики Верхнесалдинского ГО, которая будет включать не только развитие малого бизнеса, но и создание совместных или при поддержке ВСМПЮ малых и средних транспортных и инновационных предприятий;

3) развитие на принципах ГЧП сферы здравоохранения для обеспечения жителей городского округа, в том числе работников предприятия, качественной медицинской помощью, поддержание здорового образа жизни населения;

4) модернизация систем жизнеобеспечения в рамках федеральной программы развития моногородов, программ стратегического развития

ВСМПО и особой экономической зоны, а также с использованием ресурсов муниципалитета и пр.

Реализация этих проектов согласно прогнозным данным позволит достичь положительного роста практически всех показателей, включая рост численности постоянного населения (табл. 2).

Т а б л и ц а 2

**Ожидаемые результаты реализации
Стратегии социально-экономического развития Верхнесалдинского ГО
(экономический блок)**

Показатель	2016	2030
Численность постоянного населения на начало года, тыс. чел.	46,305	45,173
Численность трудоспособного населения на начало года, тыс. чел.	24,403	25,944
Отгружено товаров собственного производства, выполнено работ и услуг собственными силами (без субъектов малого предпринимательства), млн р.	78 945	129 310
Продукция сельского хозяйства (в фактически действовавших ценах), млн р.	337	621
Среднемесячная начисленная заработная плата работников организаций по полному кругу, р.	38 700	56 500
Инвестиции в основной капитал, млн р.	4 693,6	5 431,0
Оборот продукции субъектов малого и среднего предпринимательства (включая индивидуальных предпринимателей), млн р.	5 847,2	6 850,9

Вклад ВСМПО в прогнозируемые показатели сложно точно оценить. При этом полученные результаты соответствуют общим трендам развития экономики и промышленности Свердловской области и России в целом.

Таким образом, сегодня вовлеченность сетевой структуры в команду управления муниципальным образованием превращается в ключевое конкурентное преимущество развития территории и бизнес-структур.

Библиографический список

1. Дементьев В. В. Экономическая власть и институциональная теория // Вопросы экономики. — 2004. — № 3. — С. 50–64.
2. Коваженков М. А. Феномен управления в экономическом пространстве. — М. : Экономика, 2013. — 410 с.
3. Плискевич Н. М. Трансформация системы власти-собственности в России: региональный аспект. Реформы и качество государства // Мир России. — 2015. — № 1. — С. 8–34.
4. Рогова Е. М., Ткаченко Е. А., Белов А. М., Сурков О. В. Реструктуризация экономики градообразующего предприятия как направление структур-

ной перестройки экономики промышленного моногорода // Стратегическое развитие промышленных моногородов России: научное обеспечение и пути реализации. — СПб. : ГУАП, 2013. — Гл. 2. — С. 39–69.

5. Юсупова А. Т. Рыночная власть крупных корпораций: региональные особенности и различия // Регион: экономика и социология. — 2013. — № 4(80). — С. 281–299.

А. А. Илюхин, С. В. Илюхина

Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург

Дорожно-транспортные проблемы социальной инфраструктуры крупного мегаполиса

Аннотация. На основе исследования мнения жителей города проведены группировка и анализ проблем дорожно-транспортной сети крупного мегаполиса, выявлены существенные закономерности и зависимости ее развития. Сделан акцент на то, что именно социальная составляющая дорожно-транспортной сети определяет ее качество, при решении городских проблем необходим учет мнения населения. Обоснованы основные пути эволюции дорожно-транспортной сети: большинство горожан понимают насущную потребность в общественном транспорте и повышении качества дорог на базе их реконструкции с учетом природно-климатических условий, городской инфраструктуры, комплекса коммунальных сетей под дорожным покрытием.

Ключевые слова: новая экономическая реальность; социальная инфраструктура; дорожно-транспортная сеть; транспортная система города; молодежный сегмент рынка труда; молодежная безработица; пути оптимизации рынка труда.

Новая экономическая реальность в пределах крупного промышленного мегаполиса проявляется во множестве взаимосвязанных хозяйственных и социальных процессов [5], порождающих синергетические эффекты, усложняющие экономическую систему и требующие детального осмысления и регулирования [2; 6; 7]. Изменяется не только экономика города, меняется качество жизни в нем. Одним из показателей качества жизни является доступность общественных благ [1; 4]. И самым важным, по нашему мнению, коллективным благом выступает транспортная доступность индивидуума до центральных точек инфраструктурных объектов, связанных с его жизнедеятельностью и работой, поскольку она обеспечивает свободу его передвижения. Инфраструктурные проблемы всегда присутствуют в крупных мегаполисах, особенно в части обеспечения городскими транспортными артериями продвижения по ним. Транспортные связи непосредственно влияют на экономическую систему внутригородского хозяйства.

Цель настоящего исследования — осмыслить дорожно-транспортные проблемы крупного мегаполиса на основе анализа мнений

и оценок его со стороны жителей. В качестве объекта исследования выбрана транспортная система Екатеринбурга.

Проблемы развития городской транспортной системы Екатеринбурга состоят в разбалансированности целей и задач с перспективами развития муниципалитета. Дорожно-транспортная система, как и все объектоориентированные системы, должна подчиняться объективным законам управления, основным принципам и закономерностям поведения систем (например, принципу узкого места) [3]. И направлено ее действие должно быть на удовлетворение интересов ее участников. Как все объекты социальной инфраструктуры, общественный транспорт по определению является убыточным, однако необходимо не только ставить задачи максимизации прибыли от городского строительства, но и учитывать интересы самих горожан.

Выделяются следующие проблемы дорожно-транспортной сети: нагрузка, которую испытывает общественный транспорт, его убыточность, старый подвижной состав трамвайно-троллейбусного управления, отсутствие на большей части путей выделенных линий, ограждений для трамвайных остановок и несоблюдение большинством водителей ПДД в части преимущества общественного транспорта¹. Самый быстрый, надежный, удобный вид транспорта безусловно метро, но он представлен в Екатеринбурге только одной действующей веткой.

Автобусные частные компании (около 11 ведущих в Екатеринбурге: ЕМУП «ТТУ», МОАП, СПК, «Ю-Ви-Эй-Транс» и др.), у которых абсолютный ценовой паритет, могут конкурировать между собой, только наращивая частоту перевозок пассажиров. При этом маршруты дублируются, машинопарк не обновляется, многие водители нарушают ПДД, в том числе из-за несовершенства законодательства, которое дает возможность ухода от наказания.

Информационной базой исследования являются результаты опроса жителей Екатеринбурга по поводу транспортных проблем. Были опрошены 700 респондентов с использованием онлайн-сервиса для создания форм обратной связи, онлайн-тестирований и опросов (Google Формы).

Состав респондентов: 59,1 % — женщины, 40,9 % — мужчины, преобладающая возрастная категория — 18–35 лет — 91,4 %, 78,3 % — не состоят в браке, по социальному статусу 52,4 % — студенты, 37,8 % — работающие. У 33,6 % есть автомобиль, у 66,4 % — нет. Все опрошенные пользуются общественным транспортом: 35,9 % чаще пользуются трамваем, 32 % — автобусом, 27,5 % — метро, 3,9 % —

¹ *Министерство* внутренних дел Российской Федерации. — URL : <https://гибдд.рф/т/66>.

маршрутными такси и троллейбусами. Каждый день пользуются общественным транспортом — 46,6 %, 24,1 % — несколько раз в неделю, 20,6 % — редко и 8,7 % — несколько раз в месяц.

Уровень дохода у большинства опрошенных колеблется в пределах 25–40 тыс. р. 74,5 % имеют возможность передвигаться по городу без пересадок, 20,9 % совершают одну пересадку, остальные 4,6 % — совершают поездку с двумя и более пересадками. Владельцев Е-карты зафиксировано 50 %, из них большинство удовлетворены ее тарифами. Интервалами движения транспорта в час-пик удовлетворены 4,6 %, 38,6 % — скорее да, чем нет, 34,6 % — скорее не удовлетворены, а 22,2 % не удовлетворены ими вовсе. В среднем участники затрачивают на поездку 30–40 мин., от дома до остановочного комплекса 5–7 мин. 90,8 % участников опроса хотели бы, «чтобы транспорт ходил до более позднего времени».

Мы попросили наших респондентов оценить по пятибалльной шкале состояние остановочных комплексов: 2,6 % — поставили высокие оценки — 5 баллов, 4,6 % — низко оценили — 1 балл, остальные 92,8 % — не обращают на это внимание. Работу водителей общественного транспорта: 4,6 % — оценивают в 1 балл, 11,1 % — 2 балла, 35,9 % — 3 балла, 39,9 % — 4 балла, 8,5 % — 5 баллов. Удобство транспортных услуг 51,4 % оценили как удовлетворительное в целом, 28,5 % поставили оценку «хорошо», 15,8 % — «неудовлетворительно», остальные — «отлично». Исходя из всех полученных данных, можно сделать вывод, что, несмотря на имеющиеся недостатки, большинство (2/3) жителей Екатеринбурга в целом довольны транспортной системой в городе. В ходе опроса мы собрали и систематизировали претензии и предложения по улучшению транспортной системы.

48 % респондентов не видят проблем в общественном транспорте, около 20 % воздержались высказаться. Около 8 % респондентов выразили претензию по поводу отсутствия чистоты, продолжительности времени работы и отопления в общественном транспорте, особенно это касается родителей с детьми, 5 % респондентов считают, что нужно увеличить количество единиц и маршрутов в отдаленные районы. 4 % опрошенных считают, что необходимо уменьшить цену на проезд, около 3 % полагают, что нужно принять на работу более квалифицированных водителей и кондукторов, столько же думают, что следует улучшить качество и ширину дорог, 2 % респондентов считают, что необходимо развивать метро, 2 % — обновить автобусный парк, еще 2 % — что ожидание транспорта очень долгое, а из-за больших пробок путь получается затратным по времени. 1 % полагает, что необходимо увеличить количество парковочных мест, повысить безопасность на дорогах для пассажиров (освежить разметку на дорогах),

около 1 % опрошенных не довольны, что в городе большой поток людей и машин, также около 1 % считают, что необходимо увеличить количество вагонов в трамваях, так как в час-пик начинается давка. Примерно 1 % респондентов недовольны начальством транспортной системы, столько же опрошенных считают необходимым выделить специальные места для пенсионеров, а также увеличить количество мест в общественном транспорте, столько же говорят о необходимости штрафовать водителей, которые ездят на трамвайных путях. Примерно 1 % респондентов считают, что в общественном транспорте нужен доступ к бесплатному wi-fi. Остальные замечания, по нашему мнению, не существенны и нами не рассматривались в данном исследовании.

Был проведен корреляционно-регрессионный анализ результатов исследования, наиболее существенных, на наш взгляд, факторов (по итогам опроса горожан), влияющих на результативность транспортной системы: частота использования и вид общественного транспорта (городского, междугороднего), время и стоимость проезда. В большинстве проанализированных вариантов расчетов взаимосвязь между факторами слабая или несущественная¹ (см. таблицу).

Но при корреляции между видом транспорта и частотой использования общественного транспорта существует умеренная прямая зависимость. Это объясняет насущную потребность в общественном транспорте для большей части горожан, несмотря на некоторые неудобства, связанные с ним: претензии, высказанные респондентами, с лихвой перекрываются пользой от данного общественного блага.

Недовольство части горожан вполне понятно, однако за жизнь в мегаполисе необходимо расплачиваться наличием пробок и выхлопных газов, «скученности» — это постоянные спутники больших городов. Подобные претензии сами себе противоречат: земля городская дорога стоит, шириной улиц ограничена свобода передвижения транспортных средств и участников дорожного движения, среди которых не только общественный, но и частный транспорт, пешеходы и велосипедисты, проблемы которых, согласно данным опроса, стоят в Екатеринбурге достаточно остро.

Спектр причин ненадлежащего качества дорог содержит и такие факторы, как: несоблюдение технологий, сезонности ремонтов, низкое качество строительных материалов, ненормативные нагрузки на дороги из-за высокой проходимости по ним тяжелых грузовиков, несмотря на существующие запреты и ограничения по передвижению по главным дорогам города.

¹ Данные проанализированы в соответствии со шкалой Чеддока, где приводятся качественные характеристики силы связи в зависимости от количественной меры тесноты связи.

Результаты корреляционно-регрессионного анализа

Зависимые показатели	Коэффициент корреляции	Вывод итогов
1. Вид транспорта влияет на время поездок в день	-0,045543048	Зависимость слабая, обратная
2. Зависимость между видом транспорта и частотой использования общественного транспорта	0,438579596	Зависимость умеренная, прямая
3. На удобство транспортных услуг могут влиять пять факторов: 1) вид транспорта 2) частота использования общественного транспорта 3) время проезда 4) частота использования междугороднего транспорта 5) сумма денег, потраченных на проезд	0,033919134 -0,001516132 0,084934132 -0,017583997 0,059298690	Зависимость слабая, прямая Зависимость слабая, обратная Зависимость слабая, прямая Зависимость слабая, обратная Зависимость слабая, прямая
4. На сумму потраченных денег влияют: 1) частота использования общественного транспорта 2) частота использования междугороднего транспорта 3) затраченное в поездках время	0,028004131 0,034217460 -0,014039998	Зависимость слабая, прямая Зависимость слабая, прямая Зависимость слабая, обратная

Ежегодно миллиарды рублей выделяются на ремонт дорожного покрытия, однако в большинстве случаев это никак не сказывается на качестве дорожного полотна. Менее чем год спустя дороги приходят в негодность, и их снова начинают ремонтировать, что приводит к появлению пробок и, соответственно, повышает аварийность. В том числе, быстрый износ дорожного полотна влияет на дорожную разметку. По статистике из-за плохого качества дорожных покрытий происходит от 15 до 40 % дорожно-транспортных происшествий. Необходимо усилить контроль за расходованием средств, выделяемых на ремонт и строительство дорог, для гарантированного качества работ, выполняемых подрядными организациями. Численность таких организаций резко ограничена высокой степенью монополизации данного сектора: в крупных городах ремонт и строительством дорог может заниматься только та организация, у которой есть в черте города строительные базы и мощности, рабочие с соответствующими зарплатами, следовательно, постоянные издержки может себе позволить только крупная компания. Проблему усугубляет отсутствие адресного направления средств дорожного фонда. Безусловно, есть и коррупционная составляющая, стремление компаний-подрядчиков сэкономить на качестве материалов и рабочей силе, которая в основном состоит из прибывающих в регион мигрантов.

В Екатеринбурге на сегодня зарегистрировано порядка 800 тыс. автомобилей, что в пересчете на коэффициент интенсивности распространения явления в среде на 1,4 млн чел., проживающих в городе, составит 0,57. Это означает, что каждый второй житель имеет машину. При ежегодном приросте в 20 % по насыщенности транспортными средствами Екатеринбург занимает сегодня второе место после столицы России¹. Опросы показывают, что в среднем владелец автомобиля в течение дня двигается на нем только 30 % времени. Обеспеченность Екатеринбурга автомобильными парковками составляет 30 % (гаражи, подземные, наземные паркинги), 11 % — временные (уличные) парковки. Таким образом, большинство автолюбителей просто вынуждены оставлять свои машины на газонах, тротуарах и в других, не предназначенных для парковки машин местах. Затем они захватывают грязь с газонов, разбрасывают ее, она превращается в пыль и попадает в легкие горожан в виде токсинов, приводя к росту заболеваемости.

Пытаясь решить данную проблему, руководство города строит паркинги, примером может послужить Академический район. Но владельцы квартир в данном районе — это в большинстве своем молодые

¹ *Управление* Федеральной службы государственной статистики по Свердловской области и Курганской области. — URL : <http://sverdl.gks.ru>.

люди, и с их слов «не каждый человек может себе позволить помимо квартиры, оплачивать еще и дорогостоящий паркинг». Таким образом, заставленные машинами дворы затрудняют работу некоторых служб быстрого реагирования.

В европейских странах, впрочем, как и в США, Японии, Корее, Китае, проблемы парковок в принципе не существует. На окраинах крупных городов Европы парковка стоит от 0,7 до 2,5 евро в час, в центре — до 5 евро в час. Поэтому автомобилисты предпочитают оставлять свои машины на перехватывающих парковках и едут в центр на метро. Вследствие этого в центральной части европейских городов серьезных пробок нет.

Что касается дорожных пробок — это плата за стремление к индивидуальному комфорту. Нежелание пользоваться общественным транспортом оправданно, но за все необходимо платить: стремительное увеличение количества индивидуального транспорта, узкие улицы, несоблюдение водителями правил дорожного движения, постоянные и абсолютно оправданные ремонты дорог, нехватка парковочных мест. По данным нашего опроса 45,6 % респондентов сталкиваются с пробками каждый день, 40,8 % — несколько раз в месяц и только 13,6 % — никогда.

Пробки — это также постоянное скопление выхлопных газов и, как следствие, загрязнение атмосферы¹. Несмотря на это, тяга к индивидуальному комфорту неистребима: 86 % хотят приобрести автомобиль, 14 % — нейтральны, 70 % хотят купить зарубежный автомобиль (40 % — BMW, 26 % — Toyota, по 14 % соответственно — Audi и Hyundai, 8 % — Honda), руководствуясь их техническими характеристиками, российский автопром не вызывает доверия и заинтересованности среди потребителей завышенными ценами и низким качеством. При этом автомобили марки Nissan также не заинтересовали ни одного опрошенного. Для большинства респондентов ключевым критерием при выборе автомобиля являются его технические характеристики (54 %), затем цена вопроса (30 %), внешний вид (10 %), отзывы пользователей и обзоры экспертов (6 %).

Большинство опрошенных (70 %) нейтрально относятся к электромобилям и гибридным автомобилям (новинки в сфере энергосберегающих и экологичных автомобилей не вызывают особого интереса людей из-за своей сложности в обслуживании, достаточно высокой цены и слабой надежности), 14 % — положительно, 16 % — негативно отреагировали на происходящее, вероятно, их пугает возможное

¹ *Министерство* внутренних дел Российской Федерации. — URL : <https://гибдд.рф/т/66>.

подорожание топлива в связи переходом населения на более экономичные виды транспорта. 46 % говорят о зависимости современного общества от автомобиля, поскольку его сложно заменить, а отказаться практически невозможно, даже с учетом возрастающей стоимости обслуживания и при повышении цен на бензин 44 % не откажутся и не станут реже пользоваться автомобилем, поскольку он необходим им для работы, 24 % скорее не откажутся и не станут, 8 % — скорее откажутся или станут реже использовать свой автомобиль, 24 % не пользуются автомобилем совсем.

Полученные результаты позволяют сделать следующие выводы. Главный — большинство горожан видят потребность в общественном транспорте и признают его пользу, несмотря на некоторые неудобства, связанные с ним. Будущее городского транспорта несомненно связано с его общественной составляющей.

Плохие дороги — это целый комплекс проблем: несоблюдение технологий, сезонности ремонтов, низкое качество строительных материалов, ненормативные нагрузки и т. п. Следствием плохого качества дорожных покрытий выступают дорожно-транспортные происшествия. Решение этой проблемы связано с усилением контроля за расходованием средств, выделяемых на ремонт и строительство дорог, обеспечением гарантированного качества работ, выполняемых подрядными организациями, увеличением конкуренции среди подрядных организаций за счет привлечения их из соседних регионов.

Исследование показало, что надо не просто ремонтировать дороги, необходимо выявлять комплекс причин и факторов системного характера, которые влияют на качество дорожного покрытия: природно-климатические условия, городская инфраструктура, коммунальные сети под дорожным покрытием. Только системный подход может способствовать улучшению дорожно-транспортной системы города.

Библиографический список

1. *Жилищно-коммунальное хозяйство и качество жизни в XXI веке: экономические модели, новые технологии и практики управления* : монография / Л. С. Азаренков, Г. В. Астратова, Я. П. Силин и др. ; под науч. ред. Я. П. Силина, Г. В. Астратовой. — М. ; Екатеринбург : Изд. центр «Науковедение», 2017. — 600 с.

2. *Илюхин А. А., Илюхина С. В. Социальная инфраструктура и внутренняя трудовая миграция // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета.* — 2015. — № 3(93). — С. 20–24.

3. *Макаров В. Л., Житков В. А., А. Р. Бахтизин Регулирование транспортных потоков в городе — проблемы и решения // Экономика мегаполисов и регионов.* — 2009. — № 3. — С. 2–7.

4. Путин В. В. Нам нужна новая экономика // Ведомости. Специальный выпуск. — 2012. — 30 января. — URL : https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2012/01/30/o_nashih_ekonomicheskikh_zadachah.

5. Силин Я. П., Анимица Е. Г., Новикова Н. В. «Новая нормальность» в российской экономике: региональная специфика // Экономика региона. — 2016. — Т. 12, вып. 3. — С. 714–725.

6. Kelejian H. H., Robinson D. P. Infrastructure Productivity Estimation and Its Underlying Econometric Specifications: a Sensitivity Analysis // Papers in Regional Science. — 1997. — No. 76 (1). — P. 115–131.

7. Saghat Corwin K., Collins A. R. Infrastructure and economic development: what is their relationship in West Virginia? // West Virginia Agricultural and Forestry Experiment Station Bulletins. — 1999. — No. 719. — 45 p.

Е. В. Курушина

Тюменский индустриальный университет, г. Тюмень

Формирование макрорегионов: принципы успешной экономической интеграции субъектов Российской Федерации

Аннотация. Статья посвящена обоснованию успешности формирования макрорегионов на основе интеграции субъектов РФ. Актуальность проблемы обусловлена широтой подходов и вариантов укрупнения ячеек административного управления, а также необходимостью завершения этапа доработки Стратегии пространственного развития. Помимо принципов интеграции, заложенных в Концепции данной стратегии, предложены три дополнительных принципа для оценки успешности экономической интеграции субъектов РФ. Это сложившиеся экономические связи между регионами, высокий уровень их экономического развития и принцип соседства, в рамках которого оценивается динамика экономической активности. Информационной базой исследования послужили официальные данные Росстата, База данных региональной интеграции, опубликованные результаты исследований российских ученых. На основе использования авторской методики оценки синхронизации экономической динамики, анализа экономического развития регионов, интерпретации результатов исследований по экономической активности в контексте «нового районирования» был сделан вывод об ожидаемой успешности интеграции большинства регионов Урала и Западной Сибири в процессе формирования макрорегионов.

Ключевые слова: макрорегион; принципы интеграции; межрегиональные связи; субъекты РФ.

Формирование новой сетки макрорегионов в обсуждаемой Стратегии пространственного развития РФ до 2030 г. выступает в качестве стержневой идеи задействования совокупного потенциала территорий для обеспечения экономического роста. Как отмечают уральские исследователи, в пределах макрорегионов решаются важнейшие проблемы национальной экономики, что не всегда возможно в рамках одного субъекта РФ [7, с. 12]. Различные подходы, используемые при интеграции в рамках макрорегионов, обусловили широкую вариативность

их количества и комбинаций входящих в них субъектов РФ. Среди них восемь разработаны Центром экономики инфраструктуры [8], девять нашли отражение в Концепции Стратегии пространственного развития (2016 г.), 14 макрорегионов предложены Минэкономразвития (2018 г.) по результатам ее доработки [6]. Актуальность проблемы «нового районирования» обусловлена не только широтой подходов и вариантов укрупнения ячеек административного управления, но и необходимостью завершения этапа доработки Стратегии пространственного развития, нацеленной на реализацию потенциала межрегионального взаимодействия. Правомерность основных принципов интеграции, включая соседство, взаимодополняемость экономик, общую инфраструктуру [3, с. 182], не вызывает сомнений. Но на вопрос, будет ли успешна межрегиональная интеграция и насколько выиграет каждый субъект Федерации, остается открытым.

Цель работы — исследование успешности экономической интеграции регионов Урала и Западной Сибири по варианту Минэкономразвития на основе трех принципов: сложившиеся экономические связи, уровень экономического развития и соседство регионов.

Информационной базой исследования послужили официальные источники региональной статистики [5], панельные данные Базы данных региональной интеграции (130 показателей по 92 интеграционным объединениям), полученные в ходе реализации проекта Центра интеграционных исследований Евразийского банка развития, а также опубликованные результаты анализа динамики экономической активности регионов России [1]. Работа выполнена с использованием общенаучных и статистических методов исследования.

Объектами исследования выступают следующие российские регионы (образующие макрорегион):

- 1) Свердловская, Челябинская и Курганская области (Уральский макрорегион);
- 2) Республика Башкортостан, Пермский край и Оренбургская область (Волго-Уральский макрорегион);
- 3) Тюменская область, Ханты-Мансийский автономный округ — Югра и Ямало-Ненецкий автономный округ (Западно-Сибирский макрорегион).

Первый принцип интеграции — сложившиеся экономические связи между регионами. Несоблюдение этого принципа при формировании системы федеральных округов является одним из главных аргументов перехода к новому этапу районирования территории страны при разработке Стратегии пространственного развития. Для оценки достигнутого уровня экономической интеграции используются различные научные подходы. Среди них наиболее распространен подход

количественной оценки межрегиональных потоков товаров и факторов производства. Кроме того, используются подходы, основанные на степени специализации/кооперации экономики регионов, конвергенции цен, схожести потребительского поведения и др. Одним из малоизученных подходов при оценке межрегиональной интеграции является метод *передачи экономических шоков*, который характеризует степень взаимозависимости и взаимовлияния экономик регионов. Зарубежными [9; 10; 11; 12] и некоторыми отечественными [13] учеными исследуется синхронная инфляционная динамика как симптом межстрановой экономической интеграции. Предполагается, что чем больше совпадение инфляционных колебаний, тем выше степень взаимовлияния экономик. Авторский подход к оценке межрегиональной интеграции [2] строится на основе оценки синхронизации волновых колебаний динамики ВРП, оцененной по ускорению изменения показателя (рис. 1), с использованием инструментария корреляционной матрицы.

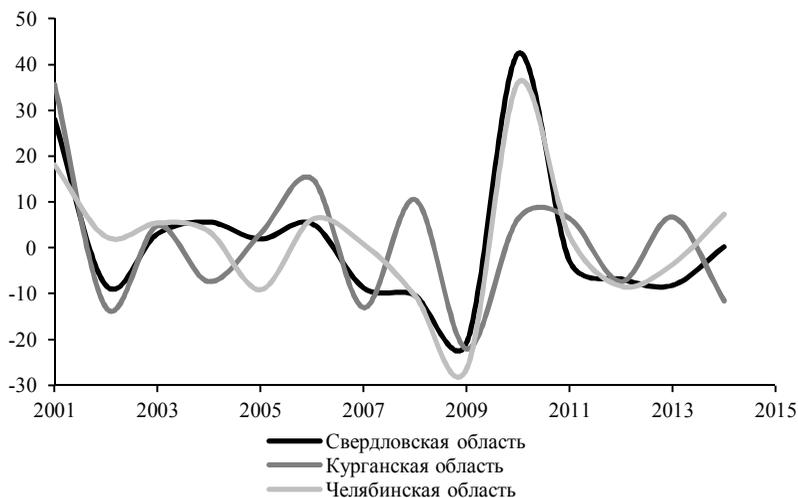

Рис. 1. Синхронизация экономической динамики ВРП субъектов Уральского макрорегиона¹

Наибольший коэффициент синхронизации темпоритмов экономики регионов наблюдается между субъектами Волго-Уральского макрорегиона и составляет 0,685. В Уральском макрорегионе среднее

¹ Составлено по: [5].

значение корреляции экономической динамики составляет 0,659, а в Западно-Сибирском — 0,618. С позиций данного критерия более чем обоснованно включение Свердловской и Челябинской областей в один макрорегион, так как коэффициент синхронизации составляет 0,907. Курганская область имеет минимальную (0,535) степень взаимовлияния на экономику субъектов Уральского макрорегиона.

Второй принцип интеграции — высокий уровень экономического развития. Этот принцип выдвинут на основе результатов научного исследования А. Либмана (2015 г.) [4], согласно которому главным показателем — фактором результативности функционирования региональных интеграционных объединений выступает ВВП на душу населения. По нашим расчетам, в 2015 г. средний уровень ВРП на душу населения субъектов формируемого Западно-Сибирского макрорегиона составил 1 979,4 тыс. р./чел., что почти в 4,5 раза выше среднего значения по региону России. В среднем по Волго-Уральскому макрорегиону уровень экономического развития составил 369,7 тыс. р./чел. (83 % от среднероссийского уровня), а по Уральскому — только 317,7 тыс. р./чел. (72 % от среднероссийского значения) вследствие низкого уровня показателя по Курганской области (207,6 тыс. р./чел.). Распространение закономерностей и результатов эмпирических исследований по экономической интеграции стран на регионы России дает возможность сделать вывод о том, что более богатый макрорегион, например Западно-Сибирский, имеет больше шансов на успешность задействования межрегионального потенциала развития.

Третий принцип интеграции — соседство (общие границы), эффект от которого проявляется через зависимость динамики экономической активности от регионов-соседей. Эффект соседства имеет несколько проявлений. Положительный эффект от соседства, предусмотренный в Концепции Стратегии пространственного развития, состоит в минимизации транспортных расходов при взаимодействиях сопредельных регионов. В ходе исследования А. Буфетовой (2016 г.), проведенного с использованием инструментария цепей Маркова, были получены результаты, свидетельствующие о том, что регионы-соседи могут оказывать как положительное, так и отрицательное влияние на относительную динамику реального ВРП субъекта Федерации в зависимости от уровня их экономической активности. Обработка и интерпретация результатов отмеченного исследования в контексте проблемы «нового» районирования позволили спрогнозировать траекторию развития субъектов макрорегионов. На рис. 2 отражены ожидаемая поляризация субъектов Волго-Уральского макрорегиона и сохранение разрыва в экономической активности между Курганской областью и другими субъектами Уральского макрорегиона.

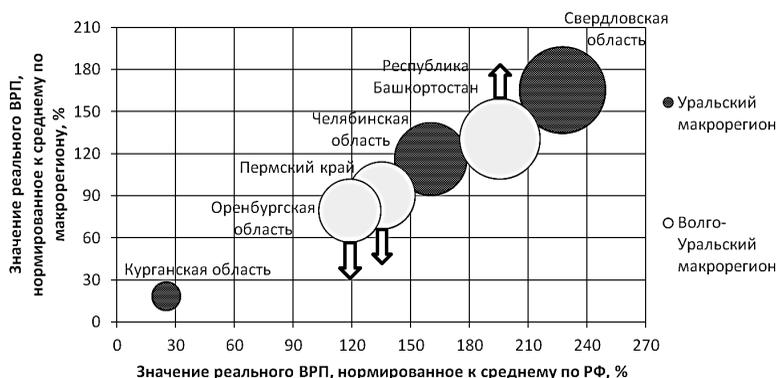

Рис. 2. Вероятные траектории субъектов Волго-Уральского макрорегиона¹

В соответствии с теорией экономической интеграции все регионы с высоким уровнем экономического развития получат импульс за счет синергии взаимодействия. При этом, как показывают расчеты, при формировании Волго-Уральского макрорегиона повышается вероятность более интенсивного развития Республики Башкортостан по отношению к другим субъектам. Это вызовет небольшое углубление поляризации за счет перетягивания экономической активности в более крупный центр развития. Значительный разрыв в уровне ВРП сохранится между субъектами Уральского макрорегиона. Повышательный тренд по Курганской области будет незначительным, а сохранение статуса экономически активных регионов за Свердловской и Челябинской областями имеет высокую вероятность.

Проведенный анализ формирования макрорегионов по трем критериям показал, что макрорегиональная интеграция большинства исследуемых субъектов РФ будет успешной. Чем выше экономический потенциал и активность субъектов, тем больше следует ожидать бонусов от функционирования новых пространственных систем. Для Курганской области интенсификация экономических связей в рамках макрорегиона обеспечит определенный положительный эффект, но его размер будет несопоставим с импульсом, который получают от интеграции экономически более развитые регионы — Свердловская и Челябинская области. В Волго-Уральском и Западно-Сибирском макрорегионах, имеющих высокий уровень развития и небольшие разрывы в экономической активности субъектов, совокупный эффект от синергии взаимодействия, вероятнее всего, будет выше.

¹ Составлено по: [1].

Библиографический список

1. Буфетова А. Н. Пространственные аспекты концентрации экономической активности в России // *Пространственная экономика*. — 2016. — № 3. — С. 38–56.
2. Курушина Е. В. Об интеграции и синхронизации экономического развития // *Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 3: Экономика. Экология*. — 2015. — № 3(32). С. 142–153.
3. Курушина Е. В., Петров М. Б. Критерии успешности проектов пространственного развития на основе межрегиональной интеграции // *Экономика региона*. — 2018. — Т. 14, вып. 1. — С. 176–189.
4. Либман А. М. Аналитическое резюме научно-исследовательской работы на основе Базы данных региональной интеграции ЕАБР. — СПб. : Центр интеграционных исследований, 2015. — 7 с.
5. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2017 : стат. сб. / Росстат. — М., 2017. — 1402 с.
6. *Россию* делят на четырнадцать // *Коммерсант*. — 2018. — 27 авг. — URL : <https://www.kommersant.ru/doc/3724754> (дата обращения: 27.08.2018).
7. *Урал* — XXI век: регион опережающего развития : монография / под науч. ред. Я. П. Силина. — Екатеринбург : Изд-во Урал. гос. экон. ун-та, 2016. — 202 с.
8. Чистяков П. Вклад стратегии пространственного развития в социально-экономическое развитие России : доклад на Общероссийском форуме стратегического планирования. — СПб., 2016. — URL : <http://www.forum-strategov.ru/rus//doc.html> (дата обращения: 15.12.2016).
9. Altansukh G., Becker R., Bratsiotis G., Osborn D. R. What is the globalization of inflation? // *Journal of Economic Dynamics & Control*. — 2017. — № 74. — P. 1–27.
10. Auer R. A., Mehrotra A. Trade linkages and the globalisation of inflation in Asia and the Pacific // *Journal of International Money and Finance*. — 2014. — No. 49. — P. 129–151.
11. Fernandes da Silva M., Johnson de Area Leio Pereira E., Machado da Silva Filho A., Pereira Nunes de Castro A., Garcia Vivas Miranda J., Figueira Zebende G. Quantifying the contagion effect of the 2008 financial crisis between the G7 countries (by GDP nominal) // *Physica A*. — 2016. — Vol. 453. — P. 1–8.
12. Forbes K., Rigobon R. No contagion, only interdependence: Measuring stock market comovements // *Finance*. — 2002. — No. 57. — P. 2223–2260.
13. Golovnin M., Libman A., Ushkalova D., Yakusheva A. Is the USSR dead? Experience from the financial and economic crisis of 2008–2009 // *Communist and Post-Communist Studies*. — 2013. — № 46. — P. 109–122.

Ю. Г. Мыслякова

Уральский государственный экономический университет,
Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук, г. Екатеринбург

В. В. Захарова

Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук, г. Екатеринбург

Оценка инновационного кода Уральского региона¹

Аннотация. Об актуальности исследуемой тематики свидетельствует тот факт, что позиционирование государства в системе мирохозяйственных связей во многом определяется темпом освоения новых знаний и создания инновационной продукции, эффективностью научной и инновационной деятельности. При решении вопросов инновационного развития регионов необходимо отталкиваться от учета хозяйственно-экономического прошлого территорий; их специфики и традиций ведения бизнеса; культуры и ценностей гражданского общества, без которых невозможно проектировать и моделировать «новое» будущее. Переход на новый уровень инновационного развития региона невозможно осуществить без выделения его «инвариантного ядра», обуславливающего его кодовый «генотип». В статье авторы представили методические аспекты разработки кодового подхода к обеспечению инновационного развития регионов, в основе которого лежит авторская методика оценки инновационного кода территорий, определяющая их специфическую «наследственность» и обуславливающая лимиты модернизационных и технологических преобразований. Данная методика позволяет по-новому и многовариативно использовать и корректировать возможности межрегионального научно-технологического взаимодействия, учитывая склонность конкретных территорий к преобразованиям и опираясь на инновационные процессы, уже протекающие в регионе. На примере Уральского федерального округа в статье рассмотрена структура его инновационного кода развития, выполнен межрегиональный срез во временном периоде 2010–2017 гг. и сделан вывод о необходимости повышать значение исследуемого показателя путем усиления сходимости структурных составляющих инновационного кода развития, которые необходимо балансировать и усиливать одновременно.

Ключевые слова: кодовый подход; инновационный код; инновационность регионального продукта; технологическая оснащенность; научно-исследовательская оснащенность; Уральский регион.

Методологическую основу авторской оценки инновационного развития регионов составляет кодовый подход, основные идеи которого представлены в эволюционных экономических учениях. Так, институциональная теория Р. Нельсона, С. Уинтера, М. Беккера, Б. Артура и др. дает понимание того, что направление движения развивающегося общества обусловлено стартовой точкой и исторической точкой его жизнедеятельности [5; 6; 7].

Теория социально-экономического генотипа территории Е. З. Майминаса, Г. Б. Клейнера, В. Л. Тамбовцева и др. натолкнула нас на мысль, что все процессы, происходящие в регионе, привязаны к неко-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-010-00802.

ему ядру — механизму, обеспечивающему структурное воспроизводство его функционирования, которое зависит от доминирующего социального слоя и определенного предела генерации и реализации всевозможных вариантов решений, характерного для конкретной территории [3; 4].

Теория социокультурных кодов А. Аузана, Р. Инглхарта, Г. Хофстеде, Ж. Алмонда, Й. Колемана и др. обращает внимание на то, что ценности обуславливают поведенческие установки и картины мира, каждая из которых противоречит другим картинам мира, исходя из базовых ценностей общества [1; 2].

Таким образом, на основе анализа существующих теоретико-методологических подходов к исследованию и обеспечению инновационного развития регионов, а также размышлений в рамках эволюционных экономических учений можно сформулировать следующие положения кодового подхода:

- неоднородность инновационной среды регионов обусловлена производственным, социальным и институциональным определяющими кодами;

- кодовые соединения, оказывающие влияние на результативность инновационной деятельности, не всегда очевидны, в большинстве своем скрыты в глубинах эволюционного развития общества и территории и перекрыты событиями и процессами, протекающими в экономической реальности;

- индустриальные регионы, производственные коды которых связаны с обрабатывающей промышленностью, как правило, обладают богатым потенциалом инновационного развития и резервами для его наращивания, что, однако, требует значительных финансовых и административных ресурсов;

- уровень и перспективы инновационного развития региона зависят от сложившихся при его эволюции традиций и степени использования имеющегося инновационно-индустриального потенциала.

Таким образом, представленные выше положения в качестве базовой цели нашего исследования определяют идентификацию инновационного кода Уральского региона. Его структуру мы предлагаем рассматривать через инновационность регионального продукта (Innovative_product), технологическую оснащенность (Technological_resource) и научно-исследовательскую оснащенность (Research_resource):

$$\text{Innovative_product} = \frac{\text{Innovation}}{\text{Volume of the shipped production}} \times 100 \%,$$

где *Innovative_product* — инновационность регионального продукта; *Innovation* — инновационные товары, работы и услуги в регионе; *Volume of the shipped production* — общий объем отгруженных товаров, выполненных работ, услуг региона;

$$\text{Research_resource} = \frac{\text{Researchers}}{\text{Busy population}} \times 100 \%,$$

где *Research_resource* — научно-исследовательская оснащенность регионального продукта; *Researchers* — занятые в НИОКР в регионе; *Busy population* — общая численность занятых в регионе;

$$\text{Technological_resource} = \frac{\text{Technological_investment}}{\text{Base_investment}} \times 100 \%,$$

где *Technological_resource* — технологическая оснащенность регионального продукта; *Technological_investment* — затраты на технологические инновации в регионе; *Base_investment* — инвестиции в основные средства регионе.

Так как инновационный код региона отражает его предрасположенность к инновационным преобразованиям на базе учета существующих модернизационных процессов, то будем его рассчитывать как вектор инновационного развития, измеряя его длину:

$$I_code = \sqrt{\text{Innovative_product}^2 + \text{Research_resource}^2 + \text{Technological_resource}^2},$$

где *I_code* — инновационный код; *Innovative_product* — инновационность регионального продукта; *Research_resource* — научно-исследовательская оснащенность регионального продукта; *Technological_resource* — технологическая оснащенность регионального продукта.

Полученные расчетные значения инновационного кода по Уральскому региону представлены в таблице.

**Структура инновационного кода развития
Уральского федерального округа за 2010–2017 гг.**

Год	Innovative product	Research resource	Technological resource	Инновационный код
2010	2,005289	0,654077253	6,184771	6,534554
2012	2,231697	0,665536723	5,650562	5,711721
2015	2,544048	0,669806136	5,214848	6,588076
2016	2,257695	0,678105424	6,039101	5,703009
2017	2,747655	0,692025200	5,191168	5,558090

Полученные значения I_code за 2010–2017 гг. свидетельствуют, что все они лежат в диапазоне [5,55; 6,59]. Полученный диапазон значений отражает незначительные колебания исследуемого показателя, что, в свою очередь, свидетельствует о том, что мы действительно говорим об инновационном коде региона. Данный код присущ лишь Уральскому региону и имеет тенденцию к негативному изменению, т. е. сокращению.

Особый интерес вызывает ответ на вопрос: «Какой субъект Уральского федерального округа в большей степени обладает инновационным кодом?». Для ответа на этот вопрос выполним межсубъектный срез Уральского региона, позволяющий определить рейтинг его территорий по инновационному коду за 2010–2017 гг. (рис. 1, 2).

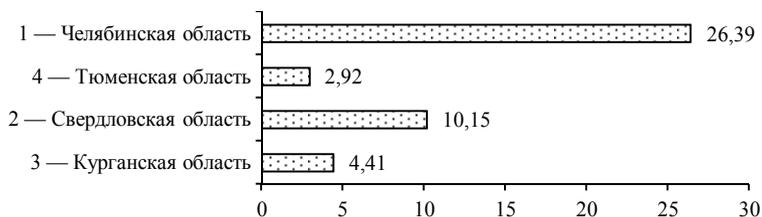

Рис. 1. Рейтинг субъектов Уральского федерального округа по инновационному коду за 2010 г

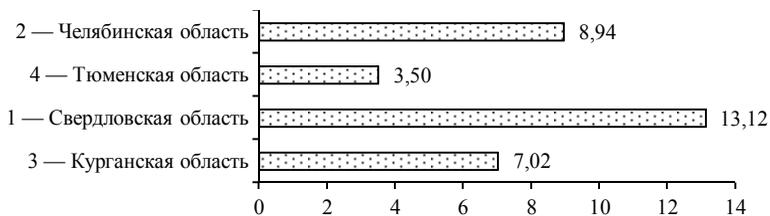

Рис. 2. Рейтинг субъектов Уральского федерального округа по инновационному коду за 2017 г

Из рис. 1, 2 видно, что в 2010 г. лидирующее положение с большим отрывом занимает Челябинская область, однако данный отрыв к 2017 г. не только сокращается, но и позволяет Свердловской области занять первое место. Тюменская и Курганская области — территории, стабильно демонстрирующие незначительные положительные изменения инновационного кода. Наименьшим инновационным кодом в 2010–2017 гг. обладает продукция Тюменской области.

Таким образом, получаем, что базовыми носителями инновационного кода Уральского федерального округа являются Свердловская и Челябинская области, однако если попытаться сопоставить и выстроить корреляцию между приростом ВРП и изменением инновационного кода, то можно зафиксировать отсутствие взаимосвязи между ними. Этот факт свидетельствует о необходимости повышать значение исследуемого показателя путем усиления сходимости структурных составляющих инновационного кода развития, которые необходимо балансировать и усиливать одновременно. На практике всё это требует корректировки инновационной, промышленной и социально-экономической стратегий развития территории.

Библиографический список

1. *Аузан А. А.* Социокультурные коды в экономическом анализе // Журнал Новой экономической ассоциации. — 2013. — № 1(17). — С. 173–176.
2. *Инглхарт Р., Вельцель К.* Модернизация, культурные изменения и демократия: последовательность человеческого развития. — М. : Новое издательство, 2011. — 464 с.
3. *Майминас Е.* Социально-экономический генотип общества // Вестник Московского университета. Сер. 6: Экономика. — 2016. — № 4. — С. 186–204.
4. *Тамбовцев В. Л.* Понятие социально-экономического генотипа и современные исследования в сфере менеджмента // Российский журнал менеджмента. — 2014. — Т. 12, № 2. — С. 117–132.
5. *Arthur W. B.* Self-reinforcing mechanisms in economics // The Economy As an Evolving Complex System. Santa Fe Institute Studies in the Science of Complexity / eds. K. J. Arrow, P. Anderson. — Redwood City, CA : Addison-Wesley, 1988. — P. 9–28.
6. *Nelson R. R., Winter S. G.* An Evolutionary Theory of Economic Change. — Harvard University Press : Cambridge. 1982. — 437 p.
7. *Romer P.* Endogenous Technological Change // Journal of Political Economy. — 1990. — October. — P. 71–102.

Р. Т. Латыпов

Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург

Деятельность муниципального фонда поддержки предпринимательства по развитию малого и среднего бизнеса в регионе

Аннотация. В современной экономической литературе по вопросам развития малого и среднего предпринимательства практически отсутствуют исследования, в которых освещались бы вопросы деятельности муниципальных фондов развития предпринимательства. Поэтому целью статьи является попытка проанализировать непродолжительный, но достаточно продуктивный опыт деятельности Унитарной некоммерческой организации «Богдановичский фонд поддержки предпринимательства», функционирующей на территории городского округа Богданович Свердловской области. На основе большого статистического материала и конкретных организационно-правовых мероприятий отражены основные показатели и направления деятельности фонда по развитию малого и среднего предпринимательства на территории муниципального образования, а также направления взаимодействия с органами местного самоуправления. Определены основные проблемы в деятельности муниципального фонда поддержки предпринимательства, которые в основном имеют объективный характер и связаны с недостаточным финансированием его мероприятий.

Ключевые слова: малое и среднее предпринимательство; муниципальный фонд развития предпринимательства; муниципальное образование; муниципальная программа; микрокредитование субъектов малого и среднего предпринимательства; регион.

Сегодня муниципальные фонды развития предпринимательства организуют свою деятельность по двум основным направлениям — финансирование проектов субъектов малого и среднего бизнеса и оказание информационных, консультационных, юридических и иных услуг. Иначе говоря, муниципальные фонды являются сервисными организациями, которые оказывают соответствующие услуги малому и среднему бизнесу, в деятельности которых особенно заинтересованы начинающие предприниматели.

В настоящее время в Свердловской области на муниципальном уровне действует 43 фонда поддержки малого и среднего предпринимательства¹. Таким образом, почти в половине муниципальных образований субъекта Федерации имеется муниципальный фонд поддержки малого и среднего предпринимательства, который вносит определенный вклад в социально-экономическое развитие территории.

Городской округ Богданович входит в группу из 14 муниципальных образований Свердловской области, в которых оборот розничной

¹ *Свердловский* областной фонд поддержки предпринимательства. — URL : <http://sofp.ru/munitsipalnyie-fondyi>.

торговли на душу населения составляет от 100 до 160 тыс. р.¹ В рейтинге инвестиционной привлекательности муниципальных образований Свердловской области по итогам 2015 г. по разделу «Институты для бизнеса» Богданович вошел в число муниципальных образований, получивших высокие оценки в сфере поддержки малого и среднего предпринимательства².

Малый и средний бизнес Богдановича вносит достойный вклад в социально-экономическое развитие муниципального образования. Предпринимательство стало важной составной частью экономики города, поэтому усиление деловой активности населения и создание комфортных условий для малого и среднего бизнеса является важным направлением деятельности местной администрации в сфере муниципальной экономики. Наряду со значительным вкладом в экономическое развитие городского округа, малые, средние предприятия и индивидуальные предприниматели принимают активное участие в решении социальных вопросов муниципального образования.

В целях улучшения предпринимательского климата в городском округе Богданович в октябре 2015 г. была создана Унитарная некоммерческая организация «Богдановичский фонд поддержки предпринимательства». Его целевая направленность — выполнение работ, оказание услуг, создание условий, предусмотренных законодательством Российской Федерации в рамках полномочий Богдановичского городского округа, в сферах содействия развитию малого и среднего предпринимательства и занятости населения.

Фонд реализует следующие виды поддержки бизнеса:

1) предоставление финансовой поддержки субъектам малого и среднего предпринимательства (гранты и субсидии для начинающих предпринимателей);

2) микрокредитование субъектов малого и среднего предпринимательства;

3) информационное обслуживание и консультационная поддержка субъектов малого и среднего предпринимательства;

4) организация и проведение семинаров, тренингов, круглых столов, конференций, выставок, ярмарок;

5) оказание услуг в сфере бухгалтерского учета, включая помощь в подготовке налоговых деклараций, отчетов и др.

¹ *Победин А. А.* Территории опережающего социально-экономического развития Свердловской области // Муниципалитет: экономика и управление. — 2015. — № 4(13). — С. 14–29.

² *Куйвашев Е. В.* Рейтинг инвестиционной привлекательности муниципалитетов поможет главам территорий взглянуть на себя со стороны // Официальный сайт Губернатора Свердловской области. — URL : <http://gubernator96.ru>.

Задачами фонда являются:

- развитие организаций инфраструктуры поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства и инструментов их поддержки;
- снижение административных барьеров для развития субъектов малого и среднего предпринимательства.

Богдановичский фонд поддержки предпринимательства стал частью инфраструктуры поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства в муниципальном образовании. Его учредителями являются Дума городского округа Богданович и Областной фонд поддержки предпринимателей. На протяжении последних трех лет фонд осуществляет свою деятельность в соответствии с муниципальной программой «Поддержка и развитие малого предпринимательства в городском округе Богданович до 2022 г.». Средства на выполнение муниципальной программы выделены местным и областным бюджетами.

Объем финансирования муниципальной программы составляет 10 521,0 тыс. р., т. е. на каждый год в среднем по 1,5 млн р., из которых примерно 1 млн р. поступает из областного бюджета и примерно 500 тыс. р. — из местного¹. Но следует признать, что этих средств для кредитного портфеля Богдановичского фонда поддержки предпринимательства недостаточно для эффективного развития малого и среднего предпринимательства в городе с населением 46 тыс. чел., они не позволяют удовлетворить все заявки местных предпринимателей.

По состоянию на 1 января 2018 г. на территории городского округа Богданович было зарегистрировано 1 190 субъектов малого и среднего предпринимательства, в том числе 920 индивидуальных предпринимателей и 270 малых, средних и микропредприятий — юридических лиц. Численность занятых в сфере малого и среднего предпринимательства составляет 3 944 чел., или 15,6 % экономически активного населения городского округа.

Отраслевая принадлежность малого и среднего бизнеса в городском округе Богданович на 1 января 2018 г. представлена в таблице.

По данным таблицы видно, что отраслевая направленность малого и среднего предпринимательства тяготеет к коммерческой деятельности, поэтому наибольшее число субъектов предпринимательской деятельности зафиксировано в сфере розничной и оптовой торговли (38 %). Следующими по привлекательности для малого и среднего предпринимательства являются отрасли транспорта и связи — 15 %, сфера услуг и строительство — 10 %, сельское хозяйство — 7 %.

¹ Паспорт муниципальной программы «Развитие субъектов малого и среднего предпринимательства в городском округе Богданович до 2022 г.» (утв. постановлением Главы городского округа Богданович от 12 октября 2015 г. № 2127).

Наконец, самая малочисленная группа представлена производственной деятельностью, которую осуществляют 3 % от общего количества субъектов малого и среднего предпринимательства.

Отраслевой срез малого и среднего предпринимательства в городском округе Богданович, %

Юридические лица		Индивидуальные предприниматели	
Вид деятельности	Доля	Вид деятельности	Доля
Производство	21	Производство	15
Сельское хозяйство	7	Сельское хозяйство	76
Торговля	84	Торговля	374
Строительство	27	Строительство	6
Бытовые услуги	8	Бытовые услуги	87
Прочие услуги	123	Прочие услуги	177
		Лесозаготовки	7
		Транспортные услуги	178

Примечание. Богдановичский фонд поддержки предпринимательства // Официальный сайт. — URL : <http://www.fondbogd.ru/company>.

Именно с помощью муниципального фонда поддержки предпринимательства финансовые ресурсы, выделенные областным бюджетом, доводятся до муниципального образования, способствуя более активному вовлечению граждан в сферу предпринимательской деятельности в городском округе. Однако недостаточный объем финансирования мероприятий муниципального фонда поддержки предпринимательства объективно сдерживает потенциал развития, с одной стороны, самого фонда, а с другой — его основных направлений деятельности в сфере малого и среднего предпринимательства в городском округе.

Муниципальный фонд поддержки предпринимательства осуществляет микрокредитование субъектов малого бизнеса, при этом источниками финансирования являются областной и местный бюджеты. Как отмечалось, объемы финансирования муниципальной программы явно недостаточны, в то же время практика последних лет показывает, что кредиты Богдановичского фонда поддержки предпринимательства оказывают большое влияние на развитие предпринимательства в городском округе, потому что небанковский льготный кредит позволяет предпринимателям активнее расширять свой бизнес, создавать новые рабочие места и увеличивать поступление налогов и платежей в местный бюджет.

Богдановичский фонд поддержки предпринимательства действует в сфере развития малого и среднего предпринимательства всего три года, и этого времени недостаточно, чтобы на фоне стагнации в экономике переломить негативные тенденции в сфере малого и среднего бизнеса в конкретном муниципальном образовании.

Таким образом, муниципальные фонды осуществляют микрокредитование субъектов малого и среднего предпринимательства, которые сегодня пользуются у предпринимателей наибольшим спросом. Дальнейшее развитие этих фондов и их финансовая поддержка со стороны органов власти объективно облегчит доступ предпринимателей к финансовым ресурсам и позволит активнее вовлекать граждан в сферу предпринимательской деятельности. Однако следует признать, что эффективность деятельности муниципальных фондов поддержки малого предпринимательства во многом определяется наличием соответствующих реальных ресурсов и финансовых возможностей самого муниципального образования и его бюджета.

Н. В. Новикова

Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург

Структурные трансформации в экономическом пространстве Уральского макрорегиона¹

Аннотация. Представлены итоги структурных трансформаций экономики Урала за период перехода к либерально-рыночным реформам в разрезе двух территориальных масштабов: макроструктурного (изменение позиций Урала в структуре экономики России) и регионального (структурные изменения внутри экономики макрорегиона). Для выявления структурных изменений использованы показатели: объем валового регионального продукта; объем отгруженной промышленной продукции (виды деятельности C, D, E); объем инвестиций в основной капитал; стоимость основных фондов; затраты на технологические инновации; среднегодовая численность занятых в экономике и др. Проведенный анализ иллюстрирует активный процесс деиндустриализации на территории Уральского макрорегиона. Однако, несмотря на сокращение абсолютных и относительных значений, Уральский макрорегион сохранил свой «генетический код» — индустриальную специализацию экономики.

Ключевые слова: макрорегион; Уральский макрорегион; структурные трансформации.

Объект исследования — Уральский макрорегион — рассматривается нами в качестве исторически сложившегося государственнообразующего старопромышленного региона России. Он характеризуется относительной завершенностью территориально-отраслевой структуры производства, высоким уровнем отраслевой и территориальной концентрации производства, широким вовлечением в хозяйственный оборот природно-сырьевых, социально-экономических ресурсов, общностью исторических судеб. Урал — это регион базового типа, сосредото-

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-010-00833 А «Неоиндустриализация в пространстве макрорегиона в контексте циклично-волновой методологии (на примере Урала)».

точивающий более десятка производств не только общероссийского, но и мирового значения.

Уральский макрорегион представлен в соответствии со сложившимся экономическим районированием страны и очерчивается границами семи субъектов Российской Федерации — Свердловской, Челябинской, Курганской, Оренбургской областей, Пермского края, Республики Башкортостан и Удмуртской Республики.

Длинная волна социально-экономического развития Уральского макрорегиона на протяжении многих десятилетий обусловила формирование здесь сложного мозаичного хозяйственного рисунка, определяемого диверсифицированной производственной и пространственной структурой, многоуровневой системой вертикальных и горизонтальных связей между ее хозяйствующими субъектами разных форм собственности, федеральными и региональными органами государственной власти, многочисленными муниципальными образованиями, разнообразными социальными структурами и общественными объединениями [1; 2; 3; 4; 5; 10; 11].

Нами подробно изучены структурные трансформации экономики Урала за период перехода к либерально-рыночным реформам в разрезе двух территориальных масштабов: макроструктурные (изменение позиций Урала в структуре экономики России) и региональные структурные сдвиги (изменения внутри экономики Урала).

1. *Макроструктурный анализ* позволил выявить тревожные закономерности снижения позиций Уральского макрорегиона (замедление экономической динамики) по ряду ключевых показателей экономического развития за период перехода к либерально-рыночным реформам (табл. 1):

- объему валового регионального продукта;
- объему отгруженной промышленной продукции (виды деятельности С, D, E);
- объему инвестиций в основной капитал;
- стоимости основных фондов;
- затратам на технологические инновации;
- среднегодовой численности занятых в экономике.

Такая ситуация возможна лишь в условиях замедления региональной динамики относительно среднероссийской. Проведенное исследование показало, что ключевым фактором происходящих изменений является процесс деиндустриализации экономики Урала.

2. *Региональный структурный анализ* иллюстрирует разную степень адаптации видов экономической деятельности Уральского макрорегиона к изменившимся условиям хозяйствования (табл. 2).

Таблица 1

**Уральский макрорегион в экономическом пространстве Российской Федерации
(доля в общероссийских показателях), %**

Субъект Уральского макрорегиона	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	Масса структурного сдвига за 1995–2016 гг.
Валовой региональный продукт	14,5	13,8	13,4	12,5	12,5	12,1	11,9	11,2	11,2	11,1	10,8	11,2	11,2	11,0	10,4	10,4	10,7	11,0	10,9	10,6	10,4	Н/д	-4,1 ¹
Объем отгруженной промышленной продукции (виды деятельности С, D, E)	16,2	15,8	15,3	14,7	14,5	14,7	14,0	13,7	13,9	15,0	16,6	15,7	16,3	16,1	14,4	14,9	15,2	15,0	14,6	14,0	13,9	13,5	-2,7
Объем инвестиций в основной капитал	13,3	13,9	13,7	12,5	11,8	11,9	10,5	10,7	11,1	11,1	10,5	10,7	11,1	11,1	9,9	9,7	9,5	9,5	9,8	9,9	10,0	9,7	-3,6
Стоимость основных фондов	13,5	13,9	13,7	13,4	13,6	13,5	13,2	13,2	12,7	12,4	12,6	12,2	11,5	10,9	10,7	10,6	10,6	10,3	10,3	10,5	10,5	10,5	-3,0
Затраты на технологические инновации	Н/д	25,8	19,8	12,7	20,9	20,6	24,2	25,5	28,5	24,9	25,9	20,1	21,9	29,5	22,1	22,2	15,2	13,0	12,5	13,3	12,0	12,9	-12,9 ²
Объем инновационных товаров, работ, услуг	Н/д	Н/д	Н/д	Н/д	Н/д	12,4	15,0	19,4	21,6	14,2	22,0	23,3	20,0	19,3	14,4	17,1	12,6	10,3	13,2	11,5	11,4	14,2	+1,8 ³

Окончание табл. 1

Субъект Уральского макрорегиона	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	Масса структурного сдвига за 1995–2016 гг.
Среднегодовая численность занятых в экономике	13,3	13,4	13,3	13,3	13,8	13,7	13,9	13,9	13,9	13,7	13,6	13,7	13,6	13,4	13,4	13,3	13,3	13,3	13,2	13,1	13,0	12,4	-0,9
В том числе в промышленности	16,0	Н/д	16,2	16,7	16,4	16,8	17,0	17,2	17,0	16,7	17,0	16,8	16,7	16,6	16,3	16,4	16,6	16,7	16,8	16,7	16,7	16,2	+0,2
Индекс производства промышленной продукции, % к предыдущему году	95,4	95,0	102,0	95,0	111,0	112,0	102,9	103,1	108,9	108,0	105,1	106,3	106,8	100,6	90,7	107,3	105,0	103,4	100,4	101,7	96,6	101,1	X

Примечание. Рассчитано по данным Росстата. Показатель рассчитан за ¹ 1995–2015 гг.; ² 1996–2016 гг.; ³ 2000–2016 гг.

Таблица 2

**Динамика отраслевой структуры экономики Уральского макрорегиона (по численности занятых)
по системе ОКВЭД, % к итогу**

Вид экономической деятельности	2000	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	Масса структурного сдвига за 2000–2016 гг., %
Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство, рыболовство, рыбоводство	14,68	12,33	11,93	11,28	10,69	10,96	10,92	10,85	10,69	10,49	10,16	9,64	7,82	-6,86
Добыча полезных ископаемых (С)	2,37	1,99	1,85	1,85	1,84	1,69	1,68	1,70	1,74	1,75	1,79	1,85	1,86	-0,51
Обрабатывающие производства (D)	23,69	22,90	21,51	21,29	20,89	19,45	19,81	19,98	19,88	19,93	19,51	19,44	18,81	-4,88
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды (E)	2,94	2,60	2,83	2,79	2,78	2,86	2,81	2,82	2,79	2,83	2,82	2,86	2,85	-0,09
Итого промышленное производство (виды деятельности С, D, E)	29,01	27,49	26,20	25,92	25,50	24,00	24,30	24,49	24,41	24,51	24,12	24,15	23,52	-5,49
Строительство	6,10	6,56	6,70	6,89	7,20	7,14	7,12	7,07	7,23	7,27	7,40	7,41	8,03	1,93
Оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования	11,12	14,48	15,23	15,67	15,88	16,20	15,97	16,25	16,58	16,69	17,23	17,45	18,05	6,93
Гостиницы и рестораны	1,57	1,30	1,72	1,77	1,75	1,783	1,67	1,73	1,73	1,75	1,75	1,80	2,04	0,47
Транспорт и связь	7,12	6,92	7,10	7,11	7,17	7,26	7,10	7,13	7,21	7,19	7,26	7,42	7,30	0,18
Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг	5,64	6,11	6,01	6,07	6,27	6,53	6,77	6,77	6,86	6,97	6,93	7,04	7,77	2,13
Образование	9,90	9,68	9,39	9,32	9,27	9,35	9,26	9,00	8,79	8,60	8,46	8,41	8,40	-1,50
Здравоохранение и предоставление социальных услуг	6,77	6,71	6,79	6,82	6,84	6,94	6,94	6,84	6,72	6,64	6,68	6,67	6,70	-0,07

Окончание табл. 2

Вид экономической деятельности	2000	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	Масса структурного сдвига за 2000–2016 гг., %
Предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг	3,14	2,84	3,13	3,13	3,19	3,30	3,14	3,20	3,17	3,19	3,19	3,24	3,66	0,52
Другие виды деятельности	4,95	5,57	5,80	6,01	6,24	6,53	6,81	6,66	6,60	6,68	6,82	6,76	6,71	1,76
Скорость структурного сдвига, в среднем за год, % по удельному весу промышленного производства (виды деятельности С, D, E)	X	-0,304 ¹	X	X	X	X	-0,638 ²		X	X	X	-0,030 ³	-0,130 ⁴	
Всего	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	—

Примечание. Динамические ряды составлены автором по: *Регионы России. Социально-экономические показатели*. — М., 2007. — С. 106–109; 2008. — С. 106–109; 2009. — С. 110–113; 2011. — С. 90–91; 2016. — С. 140–167; 2017. — С. 148–149.

Показатель рассчитан за ¹ 2000–2005 гг.; ² 2005–2010 гг.; ³ 2010–2015 гг.; ⁴ 2010–2016 гг.

Нами выявлены следующие новейшие тенденции:

- снижение численности занятых в промышленном производстве Уральского макрорегиона;

- максимальное сокращение удельного веса в структуре экономики макрорегиона численности занятых в самом высокотехнологичном сегменте — обрабатывающих производствах;

- сохранение лидирующих позиций промышленности в структуре экономики макрорегиона, несмотря на отрицательную динамику абсолютных и относительных значений;

- стабилизация экспортно ориентированных сырьевых производств (металлургическое производство), продолжение падения высокотехнологичных производств (производство машин и оборудования) и производств, ориентированных на внутренний спрос, но испытывающих высокую внешнюю конкуренцию (легкая промышленность);

- повышение доли машин, оборудования и транспортных средств в товарной структуре импорта макрорегиона, что является следствием выделенных выше тенденций;

- примитивизация структуры экономики Уральского макрорегиона в результате уменьшения доли высокотехнологичных секторов экономики и увеличения доли торговли и услуг.

За длительный период либеральных рыночных реформ структурный кризис не смог «вымыть» промышленное производство. Оно сохранило лидирующие позиции в структуре экономики Урала, что доказывают следующие показатели. Промышленное производство (виды деятельности С, D, E) формирует 41,40 % валового регионального продукта (по данным за 2015 г.), 23,52 % от общей численности занятых в экономике и 61,65 % инвестиций в основной капитал Уральского макрорегиона (по данным за 2016 г.) (табл. 3).

Таблица 3

**Удельный вес промышленности в структуре экономики
Уральского макрорегиона, %**

Год	Удельный вес промышленного производства		
	в объеме ВРП	в численности занятых в экономике	в объеме инвестиций в основной капитал
1999	41,71	25,39	46,93
2001	38,21	27,73	49,09
2002	35,76	27,47	45,33
2003	36,04	26,77	43,77
2004	35,76	26,27	46,57
2005	44,23	27,49	53,24

Год	Удельный вес промышленного производства		
	в объеме ВРП	в численности занятых в экономике	в объеме инвестиций в основной капитал
2006	44,05	26,20	52,44
2007	43,48	25,92	50,50
2008	43,17	25,50	51,75
2009	38,39	24,00	55,54
2010	42,01	24,30	56,30
2011	42,62	24,49	51,39
2012	42,23	24,41	52,83
2013	40,27	24,51	54,51
2014	40,04	24,12	57,64
2015	41,40	24,15	62,25
2016	Н/д	23,51	61,64

Примечание. Рассчитано по данным Росстата.

Для более детального анализа изменений структуры экономики Уральского макрорегиона нами помимо численности занятых использованы показатели валового регионального продукта и объема инвестиций в основной капитал, что позволяет сделать следующие выводы о наиболее ярких трансформациях, которые произошли за годы рыночных преобразований в отраслевой структуре промышленного производства.

Отметим, что по всем трем показателям произошло самое существенное снижение удельного веса наиболее высокотехнологичного сектора экономики — обрабатывающие производства (вид экономической деятельности D). В частности, наибольшее «проседание» произошло по численности занятых (–4,88 % за 2000–2016 гг.), менее значимое падение — по доле в ВРП (–1,92 % за 2004–2015 гг.). Данные тенденции следует рассматривать как негативные, так как в обрабатывающих производствах сконцентрирован значительный технологический потенциал новой индустриализации. По показателю «доля инвестиций в основной капитал» отмечена стабилизация ситуации и даже незначительный рост за период 2005–2016 гг. (на 0,45 %), что в большей степени обусловлено незначительным улучшением ситуации в 2015–2016 гг.

Среди промышленных видов деятельности последствия рыночных преобразований меньше всего испытали электроэнергетика и добыча полезных ископаемых, которые имеют большое значение для обеспечения национальной безопасности. Снижение их позиций произошло по двум из трех показателей. По удельному весу в региональном объеме инвестиций в основной капитал эти виды деятельности демонстрируют устойчивый рост за 2005–2016 гг. Причем наиболь-

ший показатель роста отмечен в секторе электроэнергетики — на 4,32 % в 2016 г. по сравнению с 2005 г., что связано с реализацией в регионах Урала инфраструктурных проектов.

В качестве положительной следует отметить начавшуюся тенденцию стабилизации показателей работы промышленности Урала с 2009 г. (период преодоления очередной волны кризиса). За 2009–2015 гг. доля промышленности выросла на 0,15 % по численности занятых и на 6,71 % по объему инвестиций в основной капитал. За 2009–2014 гг. на 1,6 % повысилась доля промышленного производства в ВРП.

Изучение структурных трансформаций в разрезе двух территориальных масштабов — макроструктурные сдвиги и региональные структурные сдвиги — проиллюстрировало активный процесс деиндустриализации на территории Уральского макрорегиона.

Ускорение темпов экономического роста Урала напрямую связано с активизацией процессов индустриализации, и наоборот, процесс деиндустриализации приводит к замедлению и снижению качества экономического роста [6; 7; 8; 9].

Несмотря на сокращение абсолютных и относительных значений промышленного производства, Уральский макрорегион сохранил свой «генетический код» — индустриальную специализацию экономики, разрушение которого чревато необратимыми последствиями.

Библиографический список

1. Анимица Е. Г., Дворядкина Е. Б., Некрасов В. Г. Экономическое развитие горнозаводских городов региона. — Екатеринбург : Изд-во Урал. гос. экон. ун-та, 2005. — 266 с.
2. Анимица Е. Г., Ратнер Н. М., Шарыгин М. Д. Уральский регион: социально-экономическое развитие (географический аспект). — Свердловск : Ин-т экономики, 1992. — 121 с.
3. Колосовский Н. Н. Уральская область и Башкирская АССР. — М. : Гос. изд-во (5-я тип. Транспечати НКПС «Пролетарское слово»), 1929. — 62 с.
4. Комар И. В. География хозяйства Урала. Порайонная экономико-географическая характеристика. — М. : Наука, 1964. — 395 с.
5. Комар И. В. Урал. Экономико-географическая характеристика. — М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1959. — 367 с.
6. Силин Я. П., Анимица Е. Г. Новая индустриализация в пространстве макрорегиона: цели, возможности и этапы // Неоиндустриально ориентированные преобразования в экономическом пространстве Уральского макрорегиона. — Екатеринбург : Изд-во Урал. гос. экон. ун-та, 2017. — С. 20–46.
7. Силин Я. П., Анимица Е. Г. Эволюция геоэкономических моделей развития Уральского макрорегиона // Урал — XXI век: регион опережающего развития : монография / под науч. ред. Я. П. Силина. — Екатеринбург : Изд-во Урал. гос. экон. ун-та, 2016. — С. 12–19.

8. *Силин Я. П., Анимица Е. Г., Новикова Н. В.* Перед вызовами третьей волны индустриализации: страна, регион // Известия Уральского государственного экономического университета. — 2016. — № 3. — С. 14–25.

9. *Силин Я. П., Анимица Е. Г., Новикова Н. В.* Региональные аспекты новой индустриализации // Экономика региона. — 2017. — Т. 13, вып. 3. — С. 684–696.

10. *Срединный регион: теория, методология, анализ* : монография / Е. Г. Анимица, А. А. Глумов, Е. Б. Дворяджина и др. ; рук. авт. кол. Е. Г. Анимица. — 2-е изд., перераб. и доп. — Екатеринбург : Изд-во Урал. гос. экон. ун-та, 2009. — 508 с.

11. *Шарыгин М. Д.* Территориальная организация производительных сил Уральского экономического района : учеб. пособие. — Пермь : ПГУ, 1978. — 104 с.

Е. И. Охрименко, С. А. Чернов

Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург

Методологические подходы к формированию и развитию инвестиционной политики региона на основе изучения его инвестиционного потенциала

Аннотация. В статье рассмотрены методологические подходы к изучению экономических отношений, возникающих в процессе формирования и развития инвестиционной политики региона. Определена необходимость разработки эффективного механизма инвестиционной политики на региональном уровне на основе изучения инвестиционного потенциала.

Ключевые слова: инвестиции региона; инвестиционная привлекательность; инвестиционная политика; инвестиционный потенциал региона.

В условиях современного развития экономики Российской Федерации сложилось четко структурированное региональное устройство экономического пространства. В рамках единого нормативного правового поля формируются экономические отношения как в субъектах хозяйствования, расположенных на отдельных территориях, так и между экономическими территориями в целом.

Такое положение сформировало специализированное территориальное районирование экономического пространства страны, которое в настоящее время, исходя из действующих предпосылок, представляет собой совокупность предметно-специализированных территорий, либо ориентированных на переработку имеющихся сырьевых ресурсов, либо сфокусированных на традиционно сложившихся отраслях экономики. Негативным в этой системе территориального разделения являются незначительные экономические связи между территориями, дифференциация регионов по доходности, конкурентоспособности и их клас-

сификация на дотируемые и недотируемые регионы, высокая миграция экономически активного населения вследствие структурных перекосов в регионах конкретно взятой региональной экономической системы, возникших по причине непропорционального роста отдельных видов ресурсов относительно других в силу сложившихся обстоятельств.

Актуальность инвестиционного потенциала в регионе вытекает из его места в механизме формирования инвестиционного процесса, в котором инвестиционный потенциал занимает одно из ведущих мест, определяет его характер и структуру. Таким образом, инвестиционный процесс, его цели и направления зависят от состава и структуры инвестиционного потенциала.

В региональной экономике рассматриваются разнообразные структуры, различные схемы и варианты организации инвестиций, инвестиционных процессов, главным критерием которых является наличие средств — инвестиционных ресурсов, необходимых для организации инвестиций. В этом аспекте многие регионы вступают в различные отношения как с федеральным центром, так и с частными инвесторами и формируют разные схемы и варианты организации инвестиций. Исходя из множественности подходов к организации инвестиционного процесса в субъектах Российской Федерации, сами регионы попадают под известные классификации с точки зрения их инвестиционного рейтинга и инвестиционной привлекательности, которые характеризуют региональные образования с разной степенью инвестиционной активности.

При исследовании процесса инвестиций и формирования целей развития региональной экономики в соответствии с поставленными задачами на ближайшую и отдаленную перспективы, становится очевидным, что инвестиционный процесс, а также его качественные и количественные характеристики напрямую зависят от инвестиционных ресурсов, имеющихся у региона, которые, в свою очередь, являются производными от состава и структуры инвестиционного потенциала, определяемого множеством как внешних, так и внутренних факторов, сложившихся условий и других критериев, формирующих инвестиционное пространство (поле) региона.

Исходя из вышеизложенного, можно констатировать высокую активность инвестиционного потенциала в экономическом развитии региона как основную составляющую экономического потенциала территории. Сущность инвестиционного потенциала следует, по нашему мнению, раскрывать не только посредством его внутреннего содержания, а также через взаимоотношения, в которые вступает инвестиционный потенциал с другими элементами инвестиционного процесса.

Именно поэтому понимание предпосылок, тенденций и характера динамики формирования и развития инвестиционной политики регио-

нов при условии адекватного толкования даст обширные возможности для результативного влияния на экономическую реальность. Более того, такой подход в экономической теории можно использовать как теоретическую и методологическую основу при моделировании развития экономических систем. Однако одной из сложно решаемых и наиболее актуальных задач для исследователей остается прогнозирование и качественная оценка экономических процессов, в которых проявляется вся специфика формирования инвестиционной политики регионов и возможности их развития.

На сегодняшний день учеными разработано множество научных подходов и методов оценки тенденций развития инвестиционной политики в регионах, тем не менее ни один из них нельзя считать универсальным или абсолютно надежным, так как они не обеспечивают когерентность оценок.

Взаимосвязанная система исследований, которые ориентированы на то, чтобы построить единый прогноз развития инвестиционной политики региона, позволила систематизировать существующие методы оценки и прогнозирования дальнейшего развития данных процессов, полностью характеризующих состояние регионов. Выдающийся русский ученый А. Л. Чижевский отмечал важность такого рода научного синтеза: «В наши дни в области наук... происходит процесс, имеющий огромную важность: применение методов одних наук к другим и синтетическое объединение различных наук воедино» (цит. по: [6]).

Отдельные аспекты современных научных представлений о структуре и особенностях функционирования регионов и динамики развития их процессов отражены в экономической, социогуманитарной и естественно-научной литературе. Современные представления о формировании и развитии инвестиционной политики на региональном уровне показаны в работах отечественных ученых, таких как А. Ю. Егоров, Б. А. Колтынюк, и зарубежных исследователей Г. Александра, Г. Бирмана, А. Грегори, А. Дамодарана, К. Рэдхэда, Ф. Фабоцци, Г. Хакена, С. Шмидта и др.

Проблема формирования инвестиционного потенциала в регионе носит масштабный характер и в основном определяется действием внешних и внутренних региональных факторов, влиянием региональных условий, сформированных в результате указанных изменений. В рамках регионального подхода формирование инвестиционного потенциала территории необходимо исследовать и структурировать определение региона как административной территории, в рамках которой реализована специфическая экономическая система, основным элементом которой является инвестиционный потенциал. Таким обра-

зом, необходимо представить регион как базу формирования его инвестиционного потенциала.

С точки зрения экономической самоорганизации региональные системы могут разделяться на восстанавливающиеся, частично восстанавливающиеся и невосстанавливающиеся. Системы, которые имеют способности к восстановлению, могут реализовывать эту способность за счет принципов самоорганизации или внешнего управления [1; 4; 5].

В зарубежной литературе попытки раскрыть сущностные признаки инвестиционного процесса привели исследователей к выделению двух его базисных сторон: ресурсной и затратной. В таком контексте под ресурсами понимаются капитальные ценности, а под затратами — вложения капитала. Таким образом, инвестиционный процесс определяется ведущими экономистами как совокупное движение инвестиций различных форм и уровней в рамках экономики рыночного типа [3, с. 24].

Анализируя вышеприведенные точки зрения, можно проследить структуру инвестиционного процесса, которую определяет инвестиционный потенциал региона. В связи с этим становится интересным само понятие потенциала и его аспекты, которые необходимо рассмотреть во взаимосвязи с понятиями и критериями инвестиционного ресурса.

Нам представляется достаточно полным определение потенциала, раскрытое в Большой советской энциклопедии: «средства, запасы, источники, имеющиеся в наличии и которые могут быть мобилизованы, приведены в действие, использованы для достижения определенных целей, осуществления плана; решения какой-либо задачи; возможности отдельного лица, общества, государства в определенной области» [2, с. 256].

В современной экономической науке наиболее распространены три концепции потенциала — ресурсная, системная и процессная. Несмотря на достаточно комплексное, системное изложение в специальной литературе отдельных признаков экономического потенциала, по-прежнему отсутствует однозначное определение инвестиционного потенциала региона как производной от понятия экономического потенциала.

Процесс формирования инвестиционной политики в регионе с точки зрения совершенствования ее структурных составляющих предполагает также обязательный учет как внешних условий формирования структуры региональной экономики, так и ее внутренних факторов, совокупное воздействие которых регламентирует социально-экономические параметры развития региона. Исследование инвестиционного потенциала региона требует формирования логико-структурной схемы его осуществления.

Исследование и оценка инвестиционного потенциала региона включает четыре этапа. На первом этапе определяются цель и задачи проведения подобной оценки. Второй этап предполагает анализ методологии и выделение приоритетных методов исследования тенденций и оценки развития социально-экономической системы. На третьем этапе проводится собственно анализ тенденций и дается оценка развития конкретной социально-экономической системы. Четвертый этап является завершающим и включает выделение на основе проведенного анализа и оценки приоритетных направлений дальнейшего развития социально-экономической системы [6, с. 44].

По итогам ежегодного рейтинга инвестиционной привлекательности регионов России, составленного Национальным рейтинговым агентством, в 2017 г. большинство российских регионов стали выходить из стагнации и кризисного состояния, которые характеризовались снижением инвестиционной активности и среднего уровня инвестиционной привлекательности в рейтинге Национального рейтингового агентства. Так, в I полугодии 2017 г. объем инвестиций в целом по Российской Федерации вырос на 4,8 % относительно соответствующего периода прошлого года. Вместе с тем на уровне отдельных регионов ситуация пока далека от повсеместного роста: инвестиционная активность выросла лишь в 41 субъекте РФ, в то время как в 44 субъектах зафиксирован спад инвестиций. Рейтинг 2017 г. подтверждает обозначенную в прошлогоднем рейтинге тенденцию поляризации регионов, означающую постепенный рост региональных диспропорций, приводящих к усилению лидерских позиций успешных регионов и ухудшению позиций аутсайдеров. Большинство регионов, занявших более высокие позиции в рейтинге, совершили перемещения либо внутри группы лидеров (Белгородская и Ленинградская области), либо вошли в число лидеров из числа ближайших преследователей (Нижегородская, Воронежская, Тульская области и др.). В свою очередь, большая часть перемещений на более низкие позиции рейтинга произошла внутри группы аутсайдеров (в частности, снизились до минимального уровня рейтинги Забайкальского края и Северной Осетии).

Свердловская область по итогам оценки экспертов в 2017 г. в национальном рейтинге сохранила место региона с высокой инвестиционной привлекательностью¹.

Урал традиционно является регионом, являющимся привлекательным для инвестирования, что обусловлено рядом причин. Во-первых, регион имеет значительный инвестиционный потенциал, что обу-

¹ *Итоги V* ежегодного рейтинга инвестиционной привлекательности регионов России. — URL : http://www.ra-national.ru/sites/default/files/analytic_article/Инвестрегионы%202017.pdf.

словлено характером его исторического развития, а также значительным природно-климатическим, производственным и интеллектуальным потенциалом. Во-вторых, в Уральском федеральном округе реализуется комплекс мер по развитию инфраструктуры поддержки инвестиционного процесса: развит финансовый и банковский сектор; имеется законодательная база, гарантирующая защиту прав и интересов инвесторов; широко применяется законодательное стимулирование деятельности иностранных инвесторов, в частности, консалтинговое сопровождение деятельности иностранных инвесторов по принципу «единого окна». В-третьих, в регионе отсутствуют очаги социальной напряженности, что способствует повышению его инвестиционного потенциала.

Наиболее благоприятными отраслями для инвестирования в регионе в течение длительного времени остаются добыча углеводородов и твердых полезных ископаемых, нефтегазопереработка, машиностроение, металлургия, лесопромышленный комплекс, химическая промышленность.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что эффективность формирования и развития инвестиционной политики региона, несомненно, основывается не только на результатах анализа его инвестиционного потенциала в данный момент времени, но в большей степени на способности распознать направление развития инвестиционного потенциала в будущем. Этот факт объясняет необходимость формирования эффективного механизма инвестиционной политики на региональном уровне.

Библиографический список

1. *Белякова Г. Я., Поподько Г. И.* Методологические подходы к формированию социальной устойчивости региональной экономической системы : монография. — Красноярск : Сибирский федер. ун-т, 2015 — 28 с.
2. *Большая советская энциклопедия* : в 30 т. / гл. ред. А. М. Прохоров. — М. : Сов. энциклопедия, 1969–1978. — Т. 20. — 608 с.
3. *Вечканов Г. С., Вечканова Г. Р., Пуляев В. Т.* Краткая экономическая энциклопедия. — СПб. : Петрополис, 2013. — 509 с.
4. *Данилов И. П., Денисов В. И., Тарасов В. Т.* Формирование экономического потенциала основных фондов региона в условиях инновационного развития // Вестник Чувашского университета. Гуманитарные науки. — 2014. — № 4. — С. 371–381.
5. *Дерябина М. А.* Теоретические и практические проблемы государственного частного партнерства // Вопросы экономики. — 2015. — № 6. — С. 74–88.
6. *Жихарев К. Л.* Проектное управление развитием региональной инновационной системы. — М. : Социум, 2015. — 208 с.

А. Н. Пестряков

Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург

Влияние органов власти на развитие рынка недвижимости Екатеринбурга

Аннотация. Цель статьи — анализ проблем, возникающих при комплексной застройке городской территории. Дана обоснованная оценка транспортной доступности новостроек. Результаты работы могут быть использованы при практическом решении задач в области градостроительного планирования. Сделан вывод о невозможности использования действующей модели планирования застройки территории города по причине неготовности выездных транспортных путей.

Ключевые слова: Екатеринбург; улично-дорожная сеть; инженерное обустройство территории; градостроительство; генеральный план.

Влияние органов власти на динамику ценообразования на рынке недвижимости обуславливается рядом моментов. Органы власти разного уровня (федеральные, региональные, муниципальные) имеют свой объем полномочий в регулировании законодательства относительно рынка недвижимости. Именно они разрабатывают концепции и определяют направления развития поселений, которое, в свою очередь, тесно связано с развитием рынка недвижимости. Целью данной статьи является выявление причинно-следственных связей между динамикой ценообразования рынка недвижимости и действиями органов власти по обеспечению районов застройки Екатеринбурга транспортной инфраструктурой.

Факторы, влияющие на рынок недвижимости, традиционно подразделяются на экономические, социально-демографические, политические, природно-климатические. Если отстраниться от определений, то большую часть факторов можно выразить группой из трех пунктов: местоположение, местоположение, местоположение. То есть размещение объекта недвижимости является основным во всех группах факторов влияния. Миграция (внутренняя и внешняя), плотность населения относятся к социально-демографическим факторам, но фактически определяются местоположением поселений. Транспортная доступность относится к экономическим факторам, но также определяется местоположением объекта строительства. Водный режим, почвы, климат, относящиеся к природно-климатическим факторам, обусловлены местоположением объекта. Внешнее окружение объекта строительства относится к группе политических факторов, но опять же его можно связать с местоположением объекта или поселения.

Таким образом, местоположение поселения, района, объекта является одним из основных факторов, влияющих на рынок недвижимо-

сти. Время движения и, соответственно, расстояние между местом проживания, местом работы, местом потребления услуг является ключевым при выборе жилья.

Во многом экономическое расстояние определяется возможностью быстро добраться из одной точки в другую, в результате чего мы переходим к рассмотрению вопросов дорожной сети поселений и работы личного и общественного транспорта.

Органы власти всех уровней оказывают влияние на развитие рынка недвижимости. Они определяют политику развития поселения, для чего проводят подготовку, реализацию, информационное обеспечение градостроительной деятельности; обеспечивают районы застройки инженерной инфраструктурой; регулируют вопросы застройки, землепользования и межевания территорий; регламентируют выдачу разрешений на строительство и на ввод объектов в эксплуатацию; стимулируют жилищное строительство для отдельных групп населения. Примером последнего направления деятельности является следующая ситуация: МУГИСО предложило установить право «принятия на учет и предоставление земельного участка бесплатно в собственность для индивидуального жилищного строительства одному из родителей, воспитывающего трех и более детей, с кем дети проживают совместно», и 5 апреля 2016 г. эта инициатива о внесении изменений в Закон Свердловской области от 7 июля 2004 г. № 18-ОЗ «Об особенностях регулирования земельных отношений на территории Свердловской области» была поддержана Правительством Свердловской области¹. Формирование облика города, его транспортной сети находится также на особом контроле органов власти.

Стратегический план развития Екатеринбурга не статичен. Так, генплан развития Екатеринбурга (версия 2004 г.) был составлен на перспективу до 2025 г. с перспективой роста населения до 1,4 млн жителей. Но уже в 2015 г., несмотря на кризисные явления 2013–2014 гг., плановый показатель численности населения был достигнут. Для строительства нового жилого фонда потребовался кардинальный перерасчет необходимой инженерной инфраструктуры и корректировка планов развития районов города, появились перспективные районы и жилые комплексы: Горный Щит, Солнечный, Светлый и т. д. Активное строительство ведется по всех районах города.

Однако не всё так хорошо. В целом по России индекс доступности жилья (ИДЖ) имеет постоянную тенденцию к росту из-за небольшого повышения среднего уровня цен за 1 м² жилья и довольно высо-

¹ *Министерство* по управлению государственным имуществом Свердловской области. — URL :: <http://www.mugiso.midural.ru>

кого темпа роста уровня доходов населения; показатель по Свердловской области в целом постоянен. ИДЖ по Екатеринбургу из-за довольно высоких цен за 1 м² жилья меньше, чем в целом по Свердловской области, и значительно меньше, чем по России (табл. 1).

Т а б л и ц а 1

Динамика индекса доступности жилья в 2013–2016 гг.

Показатель	2013	2014	2015	2016
Российская Федерация	0,79	0,81	0,85	—
Свердловская область	0,54	0,56	0,57	—
Екатеринбург	0,46	0,50	0,47	0,54

Примечание. Составлено по: Федеральная служба государственной статистики. — URL : <http://www.gks.ru>.

Администрация города выделяет новые участки под массовую застройку жилыми массивами и микрорайонами, однако практически полностью не затрагивает развитие инженерной инфраструктуры, в частности транспорта¹.

Транспортная система в Екатеринбурге представляется крайне перегруженной и неэффективной. Если рассматривать планировку центральной части города, то она прямоугольная (см. рисунок).

Планировка центральной части Екатеринбурга (часть Генерального плана)²

Изначально при строительстве города улицы были спланированы так, чтобы в ширину по ним могла проехать одна единица транспорта

¹ Информационный портал Екатеринбурга. — URL : <http://www.ekburg.ru>.

² Там же.

в каждую сторону и имелся пешеходный тротуар с каждой стороны улицы. Данная концепция была хороша до момента масштабной автомобилизации, но по мере развития экономики и повышения благосостояния населения, роста доступности автомобилей наблюдается взрывное увеличение количества транспорта. Кроме того, советская планировка города обеспечивала строительство полностью автономных районов города, жители которых не нуждаются в ежедневной миграции в центр города и обратно. Центральная часть города изначально не была рассчитана на такие потоки перемещения населения. Дальнейшее расширение улиц невозможно по причине того, что к тротуарам примыкают здания. Многие дома постройки 1990-х годов (точечная застройка) также сужают проезжую часть.

Новые районы Екатеринбурга — Солнечный, Светлый, Ботанический — имеют внутреннюю транспортную сеть, никак не связанную с общегородской сетью улиц, результатом чего являются ежедневные пробки в часы пик¹. С положительной стороны, но с некоторыми оговорками можно отметить микрорайон Академический, в котором, наряду со строительством новых кварталов, ведется интенсивное дорожное строительство.

Если проанализировать представленные в табл. 2 объемы финансирования дорожного ремонта за последние 10 лет, то можно отметить неприятную тенденцию отсутствия системности. Объем финансирования в смежные годы отличается в 2–3 раза, что делает крайне затруднительным любое перспективное развитие транспортной инфраструктуры. Дорожные структуры вынуждены иметь значительный резерв средств, чтобы перекрыть траты на возможные авральные работы при резком увеличении финансирования. Это, в свою очередь, делает более дорогостоящими непосредственно дорожно-строительные и дорожно-ремонтные работы. Работы ведутся без учета стратегического плана развития города. Привлекаемые для авральных работ специалисты не имеют необходимой квалификации, причем это касается не только рабочих, но и инженерно-технического персонала.

Перед городом вплотную встали две проблемы: транспортная доступность и функционирование общественного транспорта. В районах комплексного освоения территории и в районах уже сложившейся застройки наблюдаются транспортные коллапсы, население недовольно временем, затраченным на путь от дома до работы (учебы), что вызывает массовое недовольство доступностью объектов социальной ин-

¹ Пестряков А. Н., Овчинников И. Г., Сбродова Н. В. О вопросах комплексной застройки территории при градостроительном планировании г. Екатеринбурга // Региональные проблемы преобразования экономики. — 2017. — № 11. — С. 59–65.

фраструктуры. Также в неудовлетворительном состоянии находится существующая дорожная сеть, что влечет за собой не только транспортные проблемы, но и угрозу для жизни и здоровья горожан.

Т а б л и ц а 2

**Объемы финансирования ремонтно-восстановительных работ
автомобильных дорог местного значения в Екатеринбурге
из бюджетов различных уровней в 2009–2018 гг.**

Год	Тыс. м ²	%	Сумма финансирования, тыс. р.				
			Федеральный бюджет	Областной бюджет	Местный бюджет	Итого	
2009	171,1	1,7	—	—	—	—	
2010	1076,9	10,8	1 197 889,78	—	64 174,49	1 262 064,27	
2011	482,6	4,8	98 078,15	344 537	24 299,68	466 914,83	
2012	732,2	5,1	—	525 791,83	450 029,73	975 821,56	
2013	645,4	4,4	—	1 274 155,35	74 469,89	1 348 625,24	
2014	361,87	2,5	—	825 165,97	304 770,00	1 129 935,97	
2015	370,45	2,8	—	528 839,64	34 308,51	563 148,15	
2016	815,42	6,2	445 719,59	787 507,82	49 692,51	1 282 919,92	
2017	908,02	6,9	126 959,73	1 290 163,74	76 088,07	1 493 211,54	
2018	План	864,79	6,6	764 992,20	700 000	89 764,00	1 554 756,2
	Потребность	1 310,3	10	—	—	—	2 355 691,21

Примечание. Составлено по: Информационный портал Екатеринбурга. — URL : <http://www.ekburg.ru>.

Таким образом, мы можем отметить, что органы власти непосредственно влияют на развитие рынка недвижимости. Хотя формально рынок недвижимости свободен от прямого регулирования со стороны органов власти различного уровня, он развивается в рамках поселения, его динамика напрямую связана с изменениями в экономике, политике, демографии — в тех сферах, которые тесно коррелируют с тенденциями и результатами деятельности органов власти. Качество всех этих процессов, как и развитие рынка недвижимости, зависит от стратегии, которую выбирают органы власти, проводя те или иные реформы. Действующая практика предоставления под застройку участков, не оснащенных современными транспортными путями, связывающими районы проживания с районами работы, является нежизнеспособной и ведущей в тупик. Необходимо вернуться к практике опережающего строительства объектов транспортной инфраструктуры при стабильном, предсказуемом финансировании.

Р. К. Сабитов

Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург

О региональных аспектах экономической и социально-демографической политики в Российской Федерации

Аннотация. Рассмотрены проблемы социально-демографического развития регионов Российской Федерации. Определена актуальность решения демографических проблем страны в увязке с ее социально-экономическим и пространственно-географическим развитием. Выявлены наиболее и наименее благополучные регионы России с точки зрения их социально-демографического развития, дана их краткая характеристика. Указаны важнейшие социально-демографические проблемы в российских регионах и их возможные последствия.

Ключевые слова: демографическое развитие; регион; демографическая политика; устойчивое развитие; качество человеческого потенциала.

В решении текущих и стратегических задач развития Российской Федерации не последнюю роль играют социально-демографические факторы и условия. Демографическое развитие России в XX веке, социально-экономическое развитие страны в последние десятилетия обусловили наличие целого ряда демографических проблем, без решения которых устойчивое динамичное развитие государства становится проблематичным. Весьма существенной является демографическая составляющая и в вопросах национальной безопасности¹.

Вот почему закономерны разработка и реализация государственных программ соответствующей направленности. В числе важнейших — Концепция демографической политики Российской Федерации на период до 2025 г.²; Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 г.³; указ Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 г.». Указ № 204 определяет приоритетные национальные цели развития Российской Федерации на период до 2024 г.: а) обеспечение устойчивого естественного роста численности населения Российской Федерации; б) повышение ожидаемой продолжительности жизни до 78 лет (к 2030 г. — до 80 лет).

¹ *О стратегии национальной безопасности Российской Федерации* : указ Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683.

² *Концепция демографической политики Российской Федерации на период до 2025 г.* : указ Президента РФ от 9 октября 2007 г. № 1351.

³ *Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 г.* : указ Президента РФ от 13 июня 2012 г. № 1351.

В то же время в силу существенных природно-географических, культурно-исторических, социально-экономических различий российских регионов социально-демографическая ситуация в них весьма неоднородна, что требует коррекции принимаемых государством мер экономической, социальной, демографической политики применительно к отдельным регионам или их группам.

Эта проблема сопряжена также с вопросами перспектив пространственной организации общества. На каждом этапе своего развития Россия так или иначе эту проблему разрешала: от почти стихийного движения русского населения прежде всего на восток, организации опорных пунктов русской колонизации (XVI–XVIII века) до целенаправленного создания крупных производственных баз на Урале, в Сибири, на Дальнем Востоке в советское время.

В 1990-е годы эта проблема оказалась вне поля зрения властных структур, что привело к существенным перекусам в социально-экономическом развитии страны, стремительной трансформации российского социально-экономического пространства, выразившейся в том числе в интенсивном миграционном оттоке с окраинных территорий, особенно Дальнего Востока и Крайнего Севера.

Все эти обстоятельства не могли не сказаться на социально-демографических параметрах регионов.

Вот почему важным фактором устойчивого развития России является грамотно выстроенная, адекватная тенденциям мирового и национального экономического и социального развития система пространственной организации РФ, система, тесно увязанная с планами (концепциями, стратегиями, схемами) геостратегического, экономического и социального развития страны на обозримую перспективу. Осознание актуальности проблемы нашло отражение в ряде государственных документов, принятых в 2015–2017 гг. Разработан проект Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 г.¹.

Статистика указывает на существенные различия демографических и социальных показателей российских регионов.

Вряд ли можно считать нормальной ситуацию, когда различие в ожидаемой продолжительности предстоящей жизни при рождении (далее — ОППЖ) составляет в пределах одной страны 16,4 года (от 80,82 лет в Ингушетии до 64,42 лет на Чукотке); уровень рождаемости

¹ Проект Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 г. — URL : <http://economy.gov.ru/minrec/activity/sections/planning/sd/201817081>.

(суммарный коэффициент) колеблется от 1,461 в Москве до 3,345 в Тыве¹. Примеры можно продолжать.

Нами выполнен анализ следующих показателей: доля лиц моложе трудоспособного, трудоспособного и старше трудоспособного возраста в 2016 г., изменение этих долей в 2005–2016 гг.; суммарный коэффициент рождаемости (2016 г.), ОППЖ (2016 г.), а также соотношение среднедушевых доходов населения (2016 г.) к размеру прожиточного минимума (IV квартал 2016 г.)² в разрезе регионов РФ как одного из индикаторов уровня жизни населения.

Анализ статистики позволил выявить группы лидеров и аутсайдеров социально-демографического развития (см. таблицу).

Основные характеристики некоторых регионов РФ в 2016 г.

Регионы	Социально-демографические характеристики
Регионы-лидеры	
Московская, Астраханская, Волгоградская области, территории Северо-Кавказского федерального округа (без Чечни), Башкортостан, Татарстан, Чувашия, юг Тюменской области, Забайкалье, Новосибирская, Томская области, Хабаровский край	Удельный вес лиц в трудоспособном возрасте выше 58 % (по РФ — 56,7%), а лиц старше трудоспособного возраста — ниже среднероссийского значения (25 %). Удельный вес детей высок только на Северном Кавказе (20 % и выше) при среднем по РФ — 18,3). Уровень рождаемости повсеместно несколько выше, чем по РФ (1,762). ОППЖ также превышает российские значения (71,87 года). Соотношение дохода и прожиточного минимума выше среднероссийского (3,17) только в Московской области, Татарстане и Башкортостане. В других регионах — заметно меньше (кроме Дагестана)
Регионы-аутсайдеры	
Брянская, Владимирская, Ивановская, Калужская, Орловская, Рязанская, Смоленская, Тверская, Тульская, Ярославская, Псковская, Пензенская, Ульяновская области	Удельный вес лиц в трудоспособном возрасте не превышает, как правило, 55 %; доля лиц старше трудоспособного возраста колеблется от 28 до 30 %. СКР и ОППЖ ниже среднероссийских значений (в Тверской области ОППЖ — 69,4 года). Для всех территорий характерно заметно худшее соотношение доходов и прожиточного минимума

Примечание. Составлено по: *Регионы России. Социально-экономические показатели. 2017* : стат. сб. / Росстат. М., 2017. — 1402 с.

Данные анализа позволяют сделать некоторые выводы.

1. Наиболее неблагоприятная в социально-демографическом отношении ситуация сложилась на территории Центрального федерального округа, что обусловлено как непреодоленным последствиями Ве-

¹ *Регионы России. Социально-экономические показатели. 2017* : стат. сб. / Росстат. М., 2017. — 1402 с.

² Там же.

ликой Отечественной войны, так и современной социально-экономической обстановкой, когда Москва остается сильнейшим миграционным магнитом для территорий-соседей. Устойчивый многолетний отток экономически активного населения с периферийных территорий Центра обусловил и резкое старение населения, и существенное ухудшение его генофонда, вследствие чего и наблюдаются весьма низкие значения ОППЖ.

В условиях реализации проекта Стратегии пространственного развития¹, где преимущества отдаются агломерациям и ряду сырьевых территорий, развитию этих территорий, являющихся историческим ядром России, может препятствовать демографическое «опустынивание».

2. Ни Москва, ни Санкт-Петербург не попали в перечень благополучных регионов по причине быстрого снижения пока еще относительно высокой доли трудоспособного населения (результат интенсивной миграции) на фоне низкой (а в Москве — самой низкой в России) рождаемости. При этом довольно высокая ОППЖ в Москве связана не только с качеством жизни, предоставляемых медицинских услуг, но и с устойчиво пополняемым со всей территории России довольно качественным генофондом. При этом очевидно, что молодежь, приезжающая в Москву, ориентирована прежде всего на карьерные возможности, но не на решение вопросов, связанных с созданием семьи, деторождением (отчего и столь низкий СКР). Высокие (в условиях России) доходы никак не стимулируют рождаемость, что говорит об ограниченности финансовых инструментов в вопросе повышения рождаемости.

3. Такие показатели, как СКР и ОППЖ, не коррелируют с доходами населения. В довольно бедных районах Юга России СКР и ОППЖ выше, чем в среднем по РФ.

4. Наиболее существенной проблемой социально-демографического развития Сибири и Дальнего Востока является устойчивый отток населения. Запас прочности, заложенный миграциями советского времени, иссякает. Так, рост удельного веса лиц старше трудоспособного возраста на территориях к востоку от Урала в 2002–2016 гг. составил от 7 до 10 % (Магаданская область). При сохранении тенденции качество сибирско-дальневосточного населения будет стремительно ухудшаться, что создаст для РФ проблемы геополитического, геостратегического, экономического и технологического характера.

Указанные проблемы являют собой неполный перечень проблем социально-демографического характера, присущих современной Рос-

¹ Проект Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 г. — URL : <http://economy.gov.ru/minec/activity/sections/planning/sd/201817081>.

сии. Но они требуют вдумчивого, гибкого решения уже сейчас, так как демографические проблемы и тенденции имеют свойство длительного действия: чем тяжелее проблема, тем сложнее и дольше ее решение.

Д. А. Чупина

Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург

Влияние нетарифных барьеров на развитие экспорта Свердловской области¹

Аннотация. Многостороннее регулирование международной торговли после 2008 г. демонстрирует усиление протекционизма, что вносит существенный вклад в замедление международной торговли. В 2008–2017 гг. экспорт Свердловской области сократился в 1,5 раза. Основу внешнеторговых поставок Свердловской области составляет металлургическая продукция, которая является наиболее защищаемой категорией товаров на международном рынке в связи с хроническим перепроизводством. Многочисленные нетарифные барьеры, применяемые к российской металлургической продукции, ограничивают экспортный потенциал свердловских предприятий. Даже на едином рынке ЕАЭС продукция российских металлургических предприятий сталкивается с высокими барьерами в Беларуси и Казахстане. В этой ситуации арсенал поддержки региональных властей довольно ограничен и в основном связан с информационной поддержкой экспортеров и диверсификацией экспорта.

Ключевые слова: нетарифные барьеры; экспорт; Свердловская область.

Посткризисный период развития мировой экономики характеризуется усилением протекционистских тенденций в международной торговле на фоне существенной тарифной либерализации. По итогам Уругвайского раунда ВТО (1986–1994 гг.) средние ставки пошлин на промышленные товары сократились на 40 % (с 6,3 до 3,8 %), а к началу XXI века 52 % мировой торговли велось по нулевым ставкам. В то же время, по оценкам Global Trade Alert², в мире количество введенных ограничительных мер в отношении импорта товаров выросло с 642 в 2010 г. до 855 в 2012–2013 гг. С 2014 г. наметился понижающий тренд: количество торговых барьеров снизилось до 502 в 2017 г. Однако за приходом к власти в США новой администрации во главе с Д. Трампом в начале 2017 г. последовал новый виток протекционизма. Последние два года ознаменованы чередой торговых войн, что поз-

¹ Статья подготовлена при поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-314-00018 «Оценка подходов к нетарифной либерализации торговли товарами в региональных интеграционных объединениях в посткризисный период».

² Исследовательский проект создан в 2008 г. по инициативе Центра исследований экономической политики CEPR.

волило некоторым экспертам говорить о возврате к печальной практике 1930-х годов — политике «разори соседа» [6] и об агонии Всемирной торговой организации, не способной адекватно регулировать внешнеторговые конфликты [3]. Важно отметить, что подавляющее большинство ограничений (81,5 %), введенных в отношении импорта товаров в 2009–2017 гг., имело нетарифный характер¹. К концу 2016 г. в мире насчитывался 2 421 нетарифный барьер, введенный с 2009 г. и не отмененный на конец 2016 г., причем количество таких ограничений превысило показатель 2009 г. более чем в шесть раз [8]. К настоящему времени на 96 % международного товарооборота накладывается как минимум одна нетарифная мера. При этом искажающий эффект нетарифных ограничений, как правило, гораздо сильнее влияния таможенных пошлин.

Пик торговых ограничений в отношении России пришелся на 2013 и 2015 гг., когда число введенных барьеров превысило 210. Причем почти 15 % всех ограничений выпало на долю представителей черной металлургии (876 мер)².

В условиях турбулентности на мировых товарных рынках экспорт Свердловской области был подвержен колебаниям. Пиковый показатель 2008 г. — 10,3 млн дол. — впоследствии так и не был достигнут. Отскок показателей в 2013–2014 гг. свыше 8,5 млн дол. не имел долгосрочного характера, и по итогам 2017 г. экспорт Свердловской области опустился ниже 7 млн дол. (6,9 млн дол.)³.

Товарная структура экспорта Свердловской области традиционна. По итогам 2017 г. 56,2 % внешнеторговых поставок пришлось на металлы и изделия из них (товарные группы 72–83); 14,9 % — на продукцию химической промышленности, каучук (товарные группы 28–40); 14,5 % — на машины, оборудование и транспортные средства (товарные группы 84–90) (табл. 1). Металлургическая продукция является флагманом экспортных поставок Свердловской области, причем более четверти отгрузок на внешние рынки обеспечиваются предприятиями черной металлургии. Экспортный потенциал цветной металлургии в первую очередь представлен производителями меди и изделий из нее. В связи с доминированием металлургов в свердловском экспорте в дальнейшем будет рассмотрено влияние нетарифных барьеров на внешнеторговые поставки именно в этой отрасли.

¹ *Global Trade Alert*. — URL : <https://www.globaltradealert.org> (access date: 07.09.2018).

² *Ibid.*

³ *Федеральная служба государственной статистики*. — URL : <http://www.gks.ru> (дата обращения: 07.09.2018).

Таблица 1

Товарная структура экспорта Свердловской области в 2017 г.

Место	Код товарной группы	Товарная группа	Экспорт	
			млн дол.	%
1	72	Черные металлы	1 584,4	22,9
2	74	Медь и изделия из нее	1 230,8	17,8
3	28	Продукты неорганической химии, пр.	936,3	13,5
4	81	Прочие недрагоценные металлы; изделия из них	545,5	7,9
5	87	Средства наземного транспорта, кроме железнодорожного или трамвайного	419,8	6,1
6	71	Жемчуг, (полу-)драгоценные камни, драгоценные металлы, пр.	367,3	5,3
7	88	Летательные и космические аппараты, их части	262,3	3,8
8	76	Алюминий и изделия из него	250,5	3,6
9	73	Изделия из черных металлов	228,1	3,3
10	44	Древесина и изделия из нее; древесный уголь	182,2	2,6
		Прочее	916,0	13,2

Примечание. Составлено по: Федеральная таможенная служба Уральское таможенное управление. — URL : <http://utu.customs.ru> (дата обращения: 05.09.2018).

По данным Портала внешнеэкономической информации Министерства экономического развития РФ, на 1 августа 2018 г. в отношении российских товаров действовали 154 ограничительные меры со стороны 28 стран¹. В целом это совпадает с оценками — 132 протекционистские меры по итогам 2017 г.² В отношении металлургической продукции, входящей в топ-10 экспортных позиций Свердловской области, действовало 34 барьера со стороны 12 стран (в том числе двух региональных интеграционных объединений — ЕС и ССАГПЗ). Преимущественно применялись защитные меры — антидемпинговые, специальные защитные (табл. 2). Данные Global Trade Alert и Министерства экономического развития РФ сильно отличаются от данных Всемирной торговой организации. ВТО насчитывает 355 нетарифных мер со стороны 64 стран только в отношении товарной продукции 72 «Черные металлы». При этом инструментальный разрез показывает доминирование технических барьеров в торговле (70 %), а еще почти 20 % мер представлены количественными ограничениями торговли. Однако стоит заметить, что, во-первых, ВТО фиксирует статистику по нотификациям стран-членов, а во-вторых, не дает оценки степени про-

¹ Портал внешнеэкономической информации. — URL : <http://www.ved.gov.ru> (access date: 23.08.2018).

² Global Trade Alert. — URL : <https://www.globaltradealert.org> (access date: 07.09.2018).

текционизма той или иной меры. Иными словами, ВТО не делит нетарифные инструменты на меры и барьеры.

Т а б л и ц а 2

**Нетарифные ограничительные меры,
действующие на зарубежных рынках в отношении отдельных видов
российской металлургической продукции на 1 августа 2018 г.**

Код и наименование товарной группы	Мера	Страна	Количество, шт.
72. Черные металлы	Антидемпинговые меры	Всего	15
		ЕС	4
		Мексика	4
		США	2
		Бразилия	1
		Индия	1
		Индонезия	1
		Таиланд	1
	Украина	1	
	Специальные защитные меры	Всего	7
		Вьетнам	2
		Таиланд	2
		Индия	1
		Марокко	1
	ССАГПЗ	1	
Автоматическое лицензирование	ЕС	1	
Технические барьеры	Индия	1	
Защитные меры по соображениям национальной безопасности	США	1	
73. Изделия из черных металлов	Антидемпинговые меры	Всего	4
		ЕС	3
		Турция	1
	Специальные защитные меры	ЕС	1
Защитные меры по соображениям национальной безопасности	США	1	
76. Алюминий и изделия из него	Антидемпинговые меры	ЕС	1
	Защитные меры по соображениям национальной безопасности	США	1
81. Прочие недрагоценные металлы; металлокерамика; изделия из них	Антидемпинговые меры	Бразилия	1

Примечание. Составлено по: Портал внешнеэкономической информации. — URL : <http://www.ved.gov.ru> (дата обращения: 23.08.2018).

Кроме того, ЕС начал специальное защитное расследование в отношении товаров групп 72 и 73, а также инициировал пересмотр анти-

демпинговых мер в отношении бесшовных труб и фитингов для труб (группа 73). Индонезия начала пересмотр антидемпинговой пошлины для горячекатаного плоского проката в рулонах (группа 72), а Таиланд — пересмотр специальной защитной меры в отношении горячекатаного плоского проката с определенным содержанием легированных элементов (группа 72). Также в перспективе негативный эффект может возникнуть из-за введения ЕС с 2021 г. «системы сертификации ответственных импортеров при поставках олова, вольфрама, тантала, золота и их руд, происходящих из зон вооруженных конфликтов или зон с высоким риском их возникновения»¹.

В целом необходимо отметить, что черная металлургия является наиболее защищаемой отраслью в международной торговле. В 2009–2017 гг. в отношении черных металлов и изделий из них было введено 1 423 торговых ограничения, или 6,3 % от общего числа². В 2018 г. апогеем торговых войн в металлургии стало введение США 25 %-х ввозных пошлин на сталь и 10 %-х — на алюминий [5]. Зарегулированность сектора связана с сохраняющимся препроизводством и нестабильностью мировых цен (в 2011–2015 г. цены на сталь упали на 50 %) [7].

Можно было бы ожидать, что свердловские металлурги встретят более благоприятную внешнеторговую среду в рамках единого рынка Евразийского экономического союза³. Однако, как показывает исследование Евразийского банка развития, это не совсем так. Рынки Беларуси и Казахстана оцениваются участниками внешнеэкономической деятельности из РФ как более открытые по сравнению с третьими странами. Однако нетарифные барьеры ведут к увеличению цены поставки на 17,6 % при поставках в Беларусь и 41,4 % — при поставках в Казахстан [4]. Здесь стоит отметить важность опросов участников ВЭД для оценки влияния нетарифных барьеров, ведь Евразийская экономическая комиссия не фиксирует барьеров, ограничений или изъятий на рынке металлургической продукции ЕАЭС [2].

В условиях столь агрессивной внешней среды региональные власти имеют довольно ограниченный инструментарий поддержки: информационная поддержка (поиск и перевод запрашиваемой информа-

¹ Портал внешнеэкономической информации. — URL : <http://www.ved.gov.ru> (дата обращения: 23.08.2018)

² Global Trade Alert. — URL : <https://www.globaltradealert.org> (access date: 07.09.2018).

³ Евразийский экономический союз (соответствует этапу интеграции экономический союз) создан в 2015 г. на базе Единого экономического пространства (существует с 2012 г., соответствует этапу интеграции «общий рынок») и Таможенного союза ЕврАзЭС (существует с 2010 г. и соответствует этапу интеграции «таможенный союз»).

ции и пр.); продвижение (проведение выставок и ярмарок, а также поддержка участия в таких мероприятиях за рубежом); поддержка диверсификация экспорта в части льгот по региональным налогам, расшивки «узких» мест инфраструктуры, подготовки кадров, привлечения иностранных и российских специалистов для обмена опытом и пр. [1].

Библиографический список

1. *Андреева Е. Л., Соболев А. О., Ратнер А. В.* Внешнеторговые связи Свердловской области и их перспективы с учетом новых ориентиров развития несырьевого экспорта // Российский внешнеэкономический вестник. — 2017. — № 2. — С. 55–70.
2. «Белая книга». Барьеры, изъятия и ограничения Евразийского экономического союза. — М. : Евразийская экономическая комиссия, 2017. — 37 с.
3. *Кофанов И. Т., Ткаченко А. А.* Судьба ВТО: кризис или провал // Азия и Африка сегодня. — 2017. — № 2. — С. 8–13.
4. *Оценка влияния нетарифных барьеров в ЕАЭС: результаты опросов предприятий.* — СПб. : ЦИИ ЕАБР, 2015. — 96 с.
5. *Петлевой В., Трифонова П.* Пошлины не напугали металлургов // Ведомости. — 2018. — 25 мая. — URL : <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2018/05/24/770538-poshlini-metallurgov>.
6. *Evenett S. J., Fritz J.* Will Awe Trump Rules? The 21st Global Trade Alert Report. — L. : CEPR Press, 2017. — 124 p.
7. *Evenett S. J., Fritz J.* Going Spare: Steel, Excess Capacity, and Protectionism. The 22nd Global Trade Alert Report. — L. : CEPR Press, 2017. — 100 p.
8. *Yalcin E., Felbermayr G., Kinzius L.* Hidden Protectionism: Non-Tariff Barriers and Implications for International Trade. — Munich : Ifo-Institut, 2017. — 44 p.

Связанность экономического пространства муниципальных районов Свердловской области в условиях формирования цифровой экономики

Аннотация. Для муниципальных районов РФ как муниципальных образований преимущественно сельского типа связанность экономического пространства представляет особое условие экономического развития. В статье анализируется связанность экономического пространства муниципальных районов Свердловской области на основе статистических данных, а также конкретизируется значение цифровых технологий в ее повышении. Сделан вывод, что элементом, в значительной степени поддерживающим связанность экономического пространства муниципальных районов области, является автобусное и железнодорожное сообщение. Обеспеченность почтовой и телефонной связью населенных пунктов практически не меняется, но не является критичной, кроме Таборинского муниципального района. Однако в муниципальных районах высока доля дорог местного значения, не отвечающих нормативным требованиям, что представляется существенным препятствием в обеспечении их внешней и внутренней интегрированности. На уровне муниципального района можно выделить такие направления повышения связанности экономического пространства на основе цифровых технологий, как содействие развитию цифровой и иной транспортно-коммуникационной инфраструктуры на территории муниципалитета, внедрение передовых отечественных информационно-коммуникационных технологий в муниципальном управлении и в производственном секторе, совершенствование информационного взаимодействия экономических агентов на территории муниципального образования.

Ключевые слова: муниципальный район; регион; связанность экономического пространства; цифровая экономика; сельская территория.

Связанность — важная характеристика экономического пространства, отражающая интенсивность связей между его элементами. Муниципальные районы Российской Федерации относятся к муниципальным образованиям сельского типа и, подобно сельской территории, характеризуются относительно удаленным расположением от крупных городских центров, дисперсностью населенных пунктов, входящих в их состав, низкой плотностью населения. В отношении муниципальных районов (МР) связанность выступает и как степень их интеграции в экономическое пространство региона, и как степень связанности элементов внутри территории. Цель исследования — оценка связанности экономического пространства МР Свердловской области и определение значения цифровых технологий в ее повышении.

Связанность в концепциях экономического пространства. В рамках территориального подхода (концепции) академик А. Г. Гранберг, характеризуя качество экономического пространства, среди многообразия различных параметров особое значение придавал *плотности, размещению и связанности* и определял последнюю как интен-

сивность экономических связей между частями и элементами пространства, условия мобильности товаров, услуг, капитала, людей, определяемые развитием транспортных и коммуникационных сетей [2, с. 25].

Информационный подход (концепция) к экономическому пространству, трактующий его сущность через информационную составляющую, концентрирует внимание на информации как базовом ресурсе хозяйства и информационных потоках между хозяйствующими субъектами как средстве формирования экономического пространства. Представитель подхода С. И. Паринов считает, что обмен предложениями между экономическими агентами по поводу новых вариантов деятельности и желательных перекомбинаций связей между ними происходит в информационном пространстве экономической системы [3, с. 63], т. е. к возникновению экономического пространства ведет обмен сигналами в процессе экономической деятельности. Другой сторонник подхода, Г. Шибусава определяет экономическое пространство через информационные потоки [6]. Таким образом, в рамках информационного подхода связанность экономического пространства обеспечивается плотностью и качеством сети каналов передачи информации.

Оценка связанности экономического пространства муниципальных районов Свердловской области. Для оценки связанности экономического пространства нами предложены следующие показатели муниципальной статистики РФ:

- доля населения, проживающего в населенных пунктах, не имеющих регулярного автобусного и (или) железнодорожного сообщения с административным центром МР, в общей численности населения МР;
- доля протяженности автомобильных дорог общего пользования местного значения, не отвечающих нормативным требованиям, в общей протяженности автомобильных дорог общего пользования местного значения;
- число сельских населенных пунктов, обслуживаемых почтовой связью;
- число телефонизированных сельских населенных пунктов.

Анализ показателей, характеризующих связанность экономического пространства, позволяет оценить инфраструктуру, поддерживающую взаимодействие экономических агентов. Нами проанализированы данные за пятилетний период 2011–2016 гг., кроме показателей обеспеченностью почтовой и телефонной связью — по ним данные доступны только за 2014–2016 гг. Динамика выбранных показателей представлена в табл. 1, 2 и на рисунке.

В трех муниципальных районах Свердловской области доля населения, проживающего в населенных пунктах, не имеющих регу-

лярного автобусного и (или) железнодорожного сообщения с административным центром МР за весь анализируемый период не превышала 1 % — Байкаловском, Нижнесергинском, Слободо-Туринском. В оставшихся двух МР она сократилась: в Камышловском — с 2,13 % до 1,36 %, в Таборинском намного более существенно — с 19,8 до 5 %.

Т а б л и ц а 1

Доля населения, проживающего в населенных пунктах, не имеющих регулярного автобусного и (или) железнодорожного сообщения с административным центром муниципального района, в общей численности населения МР по муниципальным районам Свердловской области, %

Муниципальное образование	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Байкаловский	0,91	0,87	0,87	0,99	0,95	0,40
Камышловский	2,13	1,72	1,62	1,62	1,60	1,36
Нижнесергинский	0,80	0,70	0,70	0,70	0,70	0,70
Слободо-Туринский	0,40	0,40	0,35	0,32	0,45	0,50
Таборинский	19,80	...	20,30	14,00	14,00	5,00

Примечание. Составлено по: База данных муниципальных образований / Федеральная служба государственной статистики. — URL: <http://www.gks.ru/dbscripts/munst/munst65/DBInet.cgi>.

Т а б л и ц а 2

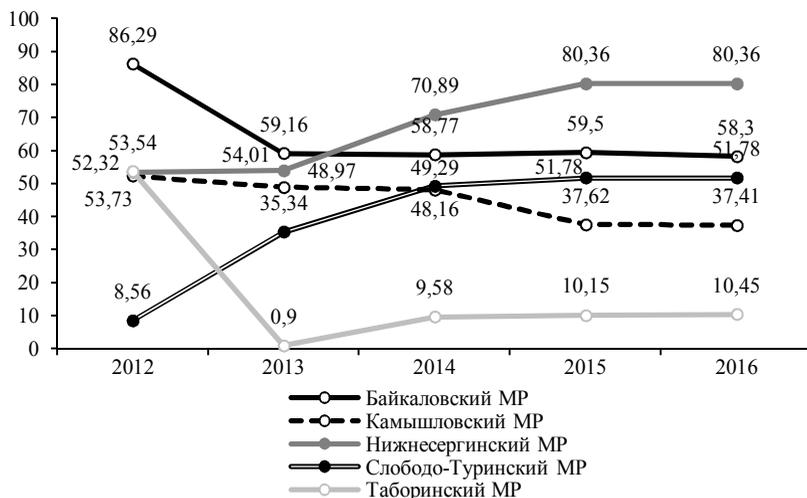
Число сельских населенных пунктов, обслуживаемых почтовой и телефонной связью, в МР Свердловской области

Муниципальное образование	2014		2015		2016	
	Почта	Телефон	Почта	Телефон	Почта	Телефон
Байкаловский	65	67	65	67	65	67
Камышловский	51	53	51	53	51	53
Нижнесергинский	31	30	31	31	31	31
Слободо-Туринский	44	44	44	44	44	44
Таборинский	16	20	23	24	23	24

Примечание. Составлено по: База данных муниципальных образований / Федеральная служба государственной статистики. URL: <http://www.gks.ru/dbscripts/munst/munst65/DBInet.cgi>.

С учетом низкой численности населения в Таборинском МР, в абсолютном значении количество такого населения — не более 156 чел., что ниже, чем в Камышловском и Нижнесергинском МР. В целом можно заключить, что доля населения, проживающего в насе-

ленных пунктах, не имеющих регулярного автобусного и (или) железнодорожного сообщения с административным центром МР, невелика (не более 960 чел.), а уровень связанности экономического пространства внутри МР, обеспечиваемый железнодорожным и автобусным сообщением, высок.

Доля протяженности автомобильных дорог общего пользования местного значения, не отвечающих нормативным требованиям, в общей протяженности автомобильных дорог общего пользования местного значения, по МР Свердловской области¹, %

Ситуация с качеством сети автомобильных дорог местного значения в МР Свердловской области намного драматичнее. Не отвечают нормативным требованиям от 10 % (Таборинский МР) до 80 % (Нижнесергинский МР) дорог местного значения, т. е. в среднем по муниципальным районам — 47 % дорог. В двух районах ситуация ухудшалась на протяжении всего периода — в Нижнесергинском и Слободо-Туринском. В обоих МР масштабы деградации дорожного покрытия выглядят критично: в первом доля дорог местного значения, не отвечающих нормативным требованиям, увеличилась с 53,5 до 80,4 %, во втором — с 8,6 до 51,8 %. Интересно, что в МР с самой низкой плот-

¹ Составлено по: База данных муниципальных образований / Федеральная служба государственной статистики. — URL : <http://www.gks.ru/dbscripts/munst/munst65/DBInet.cgi>

ностью населения — Таборинском — ситуация с показателями транспортной инфраструктуры выглядит более благополучной, чем в других МР. Отдельно стоит отметить также Камышловский МР, показатели транспортной инфраструктуры которого стабильно улучшаются.

Количество сельских населенных пунктов, обслуживаемых почтовой связью, оставалось неизменным во всех МР, кроме Таборинского, в котором количество таких населенных пунктов увеличилось. Необходимо также отметить, что на данный момент в МР не все сельские населенные пункты обслуживаются почтовой связью. Отсутствует почтовая связь в Байкаловском МР — в 3 населенных пунктах, в Камышловском — в 3, в Нижнесергинском — в 2, в Слободо-Туринском — в 4, в Таборинском — в 11. Масштабы телефонизации сельских населенных пунктов в МР Свердловской области также существенно не менялись. Изменения произошли только в Нижнесергинском МР (+1 населенный пункт) и Таборинском (+4 населенных пункта). При этом без телефонной связи остаются по одному сельскому населенному пункту в Байкаловском и Камышловском МР, 4 — в Слободо-Туринском, 2 — в Нижнесергинском и 10 — в Таборинском.

Можно сделать вывод, что с точки зрения связанности экономического пространства относительно хорошая ситуация в МР Свердловской области сложилась с регулярным автобусным и железнодорожным сообщением. По показателям обеспеченности почтовой и телефонной связью ситуация не меняется, хотя и не представляется критичной, кроме Таборинского МР. Что касается качества автомобильного покрытия, то высокая доля дорог местного значения, не отвечающая нормативным требованиям, является существенным препятствием в обеспечении внешней и внутренней интегрированности МР. Однако, как отмечают Е. Б. Дворядкина, Е. И. Кайбичева и И. И. Шурова, недостаток развития транспортной сети и транспортной инфраструктуры частично нивелируется развитием сотовой связи и интернета [5, с. 25]. В связи с этим рассмотрим роль цифровых технологий в повышении связанности экономического пространства.

Цифровые технологии в повышении связанности экономического пространства муниципальных районов. Повышение связанности экономического пространства как рост интенсивности связей между его элементами происходит через прирост в надежности, доступности, скорости и плотности существующих каналов передачи информации, который дают передовые информационно-коммуникационных технологии, а также формирование новых. Как отмечают Н. Ю. Власова и Е. С. Куликова, исследующие информационные взаимодействия территорий в сфере маркетинга, «если раньше территории для продвижения в основном использовали буклеты, брошюры, poste-

ры, печатную информацию, то сейчас большинство территорий активно используют интернет» [1, с. 71]. Второй способ повышения связанности экономического пространства в рамках цифровой экономики — развитие цифровой и иной транспортно-коммуникационной (использующей цифровые достижения) инфраструктуры, повышающей мобильность товаров, услуг, денежных и трудовых ресурсов.

По мнению профессора О. А. Романовой, можно выделить три блока направлений развития цифровой экономики как в стране, так и в ее регионах: технологический (анализ больших массивов данных, сетевые решения в производстве и исследованиях, беспилотные транспортные средства и др.), информационный (ИКТ, бизнес, основанный на платформах, интернет вещей и промышленный интернет и др.), социально-этический (кардинальные изменения профиля компетенций, востребованных на рынке труда, новая структура занятости и др.) [4, с. 58]. В контексте данных направлений повышение связанности экономического пространства в условиях цифровой экономики относится прежде всего ко второму блоку (в части формирования информационного пространства) и к первому (в части развития инфраструктуры).

Использование возможностей интернета для улучшения информационного взаимодействия как с экономическими агентами на территории МР (удовлетворение информационных запросов населения), так и с внешними экономическими агентами (с целью формирования виртуального образа территории, привлечения инвестиций, трудовых ресурсов, реализации туристического потенциала территории) является, на наш взгляд, одним из наиболее перспективных направлений повышения связанности экономического пространства МР. О его состоянии можно судить по наличию и содержанию официальных сайтов. Все МР Свердловской области, за исключением Таборинского МР, имеют отдельные сайты в сети Интернет, на которых представлены справочные сведения о районе, обязательная информация согласно требованиям законодательства, а также инвестиционные паспорта. Что касается Таборинского МР (имеющего наименьшую численность и плотность населения среди МР Свердловской области), то у него есть только страница на официальном сайте Правительства Свердловской области, на которой представлена только обязательная информация.

В определенной степени судить о связанности экономического пространства, обеспечиваемой цифровыми технологиями, можно по масштабам применения онлайн-касс, предусмотренных Федеральным законом РФ от 22 мая 2003 г. № 54-ФЗ «О применении контрольно-кассовой техники при осуществлении наличных денежных расчетов и (или) расчетов с использованием платежных карт». Закон предостав-

ляет возможность освобождения организаций и индивидуальных предпринимателей от применения контрольно-кассовой техники, а также возможность применять ее в режиме, не предусматривающем обязательной передачи фискальных документов в налоговые органы в электронной форме через оператора фискальных данных в случае их нахождения в отдаленных и труднодоступных территориях, или на территориях, удаленных от сетей связи. Для этого в Свердловской области утверждены «Перечень отдаленных или труднодоступных местностей Свердловской области...» и «Перечень местностей, удаленных от сетей связи...».

Представляется, что на уровне МР можно говорить о таких направлениях повышения связанности экономического пространства на основе цифровых технологий, как содействие развитию цифровой и иной транспортно-коммуникационной инфраструктуры на территории муниципалитета, внедрение передовых отечественных ИКТ в муниципальном управлении и в производственном секторе (точное земледелие и «умные» фермы), а также совершенствование информационного взаимодействия экономических агентов на территории муниципального образования.

Библиографический список

1. *Власова Н. Ю., Куликова Е. С.* Маркетинг территории в условиях становления цифровой экономики // Известия Уральского государственного экономического университета. — 2018. — Т. 19, № 3. — С. 69–81.
2. *Гранберг А. Г.* Основы региональной экономики : учебник. — М. : ГУ ВШЭ, 2000. — 495 с.
3. *Паринов С. И.* К теории сетевой экономики. — Новосибирск : ИЭОПП СО РАН, 2002. — 168 с.
4. *Романова О. А.* Стратегии социально-экономического развития регионов РФ в контексте вызовов цифровой экономики // Известия Уральского государственного экономического университета. — 2018. — Т. 19, № 3. — С. 55–68.
5. *Dvoryadkina E. B., Kaibicheva C. I., Shurova I. I.* Compression of economic space and its impact on peripheral areas // International Journal of Economics and Financial issue. — 2016. — Т. 6, no. 8 (Special Issue). — С. 24–29.
6. *Shibusawa H.* Cyberspace and Physical Space in an Urban Economy // Papers in Regional Science. — 2000. — Vol. 79. — P. 253–270

Е. Г. Ефимова

Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург

Тенденции цифрового развития региональной системы профессионального образования

Аннотация. В статье представлены результаты исследования особенностей пространственной организации региональной системы профессионального образования. Для эффективного функционирования национальной экономики в современных условиях требуется переход на инновационный путь развития, в котором роль региональной системы профессионального образования выдвигается на первый план. Проводимые в образовательной сфере реформы носят стратегический характер и позволяют региональной системе профессионального образования стать фундаментом инновационного развития общества в условиях новой индустриализации. С использованием авторской методики проведен анализ состояния и выявлена динамика процессов цифрового развития региональной системы профессионального образования. С помощью метода статистического анализа проведена оценка состояния цифрового развития региональной системы профессионального образования, которая включает такие показатели, как информационная открытость, показатели применения специальных программных средств, применения дистанционных образовательных технологий и электронного обучения в деятельности профессиональных образовательных организаций.

Ключевые слова: региональная система профессионального образования; цифровое развитие; цифровизация пространства.

Развитие современной региональной системы профессионального образования (РСПО) происходит в процессе ее реформирования. Влияние развития РСПО на экономику регионов в условиях новой индустриализации является направлением недостаточно исследованным, в чем заключается его актуальность [2].

К элементам профессионального образования, согласно закону «Об образовании в РФ», отнесены следующие уровни: начальное профессиональное образование, среднее профессиональное образование, высшее образование, послевузовское образование, включающее подготовку в аспирантуре и докторантуре.

Анализ статистики по исследуемым субъектам Уральского региона показывает, что к 2016 г. насыщенность их территорий элементами профобразования снижается. Динамика изменения общего количества организаций профессионального образования представлена на рис. 1.

Такая тенденция в большей степени является результатом проводимой государством образовательной реформы. Сокращение числа образовательных организаций и (или) их реструктуризация приводят к изменениям в характере размещения элементов РСПО в образовательном пространстве субъектов — оно становится более концентрированным в городских поселениях, происходит процесс его сжатия.

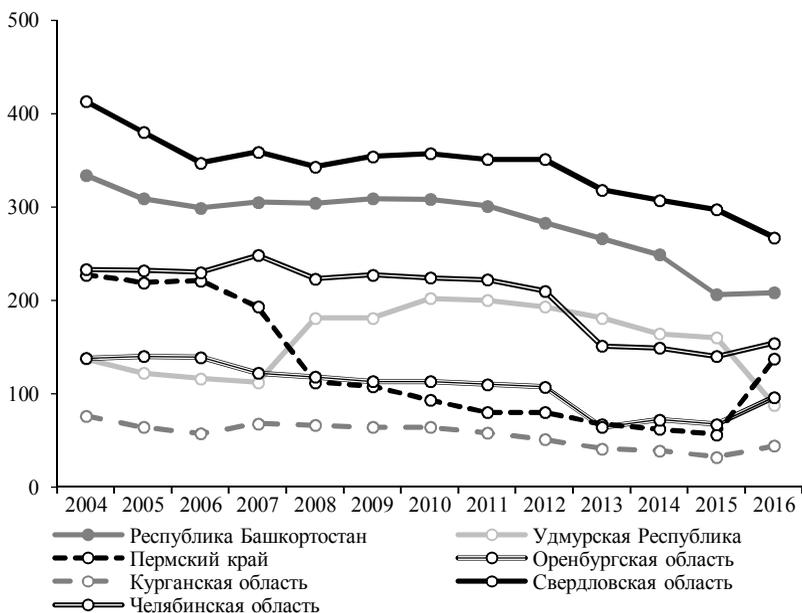

Рис. 1. Динамика изменения числа элементов РСПО в субъектах Уральского региона с 2004 по 2016 г. [3, с. 237, 786; 4, с. 815; 5, с. 803; 6, с. 253; 7, с. 372, 1121]

Тем не менее роль образовательной системы, в том числе РСПО в рамках стратегии инновационной модернизации российской экономики выдвигается на первый план. Так, в постановлении Правительства РФ от 7 февраля 2011 г. № 67 «О федеральной целевой программе развития образования на 2011–2015 гг.» обозначено, что «стратегической целью государственной политики в области образования является повышение доступности качественного образования, соответствующего требованиям инновационного развития экономики, современным потребностям общества и каждого гражданина».

Одним из инновационных направлений развития образовательного пространства является процесс его цифровизации. Авторская методика исследования включает оценку тенденций цифрового развития РСПО с позиций влияния на ее пространственную организацию, территориальную структуру. Для оценки тенденций цифрового развития РСПО выбраны следующие показатели, характеризующие данное направление в настоящее время: информационная открытость; применение специальных программных средств; реализация профессиональ-

ных образовательных программ при помощи дистанционных образовательных технологий и с применением электронного обучения образовательными организациями среднего профессионального и высшего образования.

Для развития РСПО и в целом для национальной системы образования в современных условиях одним из важных условий является обеспечение информационной открытости. Рынок образовательных услуг состоит из различных групп потребителей, заинтересованных в получении наиболее полной информации об образовательной деятельности организаций, качестве обучения и подготовки специалистов, их репутации, рейтинге, возможностях взаимодействия с различными структурами в обществе и т. п.

Обратимся к Федеральному закону РФ от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации». Согласно его ст. 29 (п. 1) «образовательные организации формируют открытые и общедоступные информационные ресурсы, содержащие информацию об их деятельности, и обеспечивают доступ к таким ресурсам посредством размещения их в информационно-телекоммуникационных сетях, в том числе на официальном сайте образовательной организации в сети Интернет». Важное условие относительно размещаемой информации — она не относится к сведениям, составляющим государственную и иную тайну в соответствии с законодательством РФ, что обеспечивает ее открытость, доступность.

Показатели процесса цифровизации РСПО являются одним из новейших направлений ее развития, в связи с чем отсутствует статистика за более ранний период (до 2013 г.) и не представляется возможным проанализировать их динамику. Тем не менее начиная с 2013 г. мы можем наблюдать скорее положительную динамику их изменения.

Еще одним из показателей информационной открытости образовательных организаций среднего профессионального и высшего образования являются их официальные интернет-сайты.

В табл. 1 приведена статистика образовательных организаций в субъектах Уральского региона, имеющих веб-сайт, электронную почту и доступ к сети Интернет. По таблице видим рост числа образовательных организаций, стремящихся к информационной открытости их деятельности, что является одним из важнейших приоритетов современной образовательной политики России.

Информационная открытость служит основой для создания двухсторонней (особенно обратной) связи между потребителями образовательных услуг и образовательными организациями, а для последних является также наиболее быстрым способом получения информации о степени удовлетворенности от получаемых услуг. Например,

Т. А. Мерцалова¹ считает информационную открытость образовательных организаций мировым трендом, государственным приоритетом, региональным ресурсом. Мы соглашаемся с утверждением о том, что информационная открытость приводит к повышению качества образования, подлежит нормативному регулированию, т. е. является стимулирующей, подконтрольной и управляемой.

Таблица 1

**Число образовательных организаций
среднего профессионального и высшего образования,
имеющих адрес электронной почты и веб-сайт в интернете, ед.**

Субъект Уральского региона	2013		2014		2015		2016	
	Электронная почта	Веб-сайт						
Республика Башкортостан	138	135	127	125	160	152	164	159
Удмуртская Республика	64	60	65	63	73	71	81	79
Пермский край	121	110	115	113	82	82	124	124
Оренбургская область	98	91	97	92	85	84	84	82
Курганская область	37	37	36	33	42	41	44	41
Свердловская область	221	211	215	209	225	219	213	210
Челябинская область	136	131	123	120	136	126	128	122

Примечание. Министерство образования и науки Российской Федерации. — URL : <https://минобрнауки.рф/министерство/статистика>.

Процесс цифровизации образовательного пространства приводит к более активному использованию организациями профессионального образования дистанционных образовательных технологий (ДОТ). В табл. 2 представлены статистические данные об использовании ДОТ организациями среднего профессионального и высшего образования.

Следует отметить, что при рассмотрении статистики по уровням среднего профессионального и высшего образования отдельно были выявлены противоположные тенденции использования ими образовательных программ с применением ДОТ: снижение в вузах и, наоборот, увеличение в учреждениях среднего профессионального образования. Данная тенденция объясняется в большей мере проводимой образовательной реформой, в результате которой произошло снижение количе-

¹ Мерцалова Т. А. Информационная открытость образовательной организации (в контексте государственно-общественного управления). — URL : http://273-фз.рф/sites/default/files/2015_03_19_informatsionnaya_otrkytost.pdf.

ства вузов и увеличение числа средних профессиональных образовательных учреждений, в большей мере за счет вошедших в их состав образовательных организаций начального профессионального образования (НПО до 2012 г.). Несмотря на значительное сокращение количества организаций высшего образования, в целом можно отметить положительную динамику применения образовательных программ с использованием ДОТ.

Т а б л и ц а 2

Использование ДОТ для реализации образовательных программ организациями высшего и среднего профессионального образования субъектов Уральского региона

Субъект Уральского региона	2013	2014	2015	2016
Республика Башкортостан	78	72	88	102
Удмуртская Республика	40	36	44	45
Пермский край	49	57	33	63
Оренбургская область	33	29	40	69
Курганская область	26	19	11	16
Свердловская область	118	119	126	109
Челябинская область	83	85	72	51

Примечание. Министерство образования и науки Российской Федерации. — URL : <https://минобрнауки.рф/министерство/статистика>.

Кроме того, ДОТ пока еще начинают свое развитие, и для более активного их применения требуется создание/усовершенствование средовых условий (например, выделенные линии связи, бесперебойная качественная связь, технические возможности оборудования, специалисты по его обслуживанию и т. п.), которые имеют далеко не все населенные пункты, особенно сельские. В целом применение ДОТ образовательными организациями имеет много положительных сторон, таких как «сокращение расстояния» в образовательном пространстве регионов, что делает его более доступным, удобным в использовании, более приемлемым по стоимости обучения и т. п.

К показателям цифрового развития образовательного пространства РСПО мы относим применение специальных программных средств в образовательном процессе. Динамика показателей их использования образовательными организациями представлена на рис. 2. Рисунок демонстрирует интенсивный рост применения специальных программных средств во всех исследуемых субъектах. Кроме того, с 2015 г. в статистику Минобрнауки России включены данные по применению специальных программных средств для решения организационных, управленческих и экономических задач (без учета систем автоматизи-

рованного документооборота), которые не используются в учебном процессе образовательных организаций. Таким образом, происходит процесс цифровизации организационной и управленческой деятельности образовательных организаций.

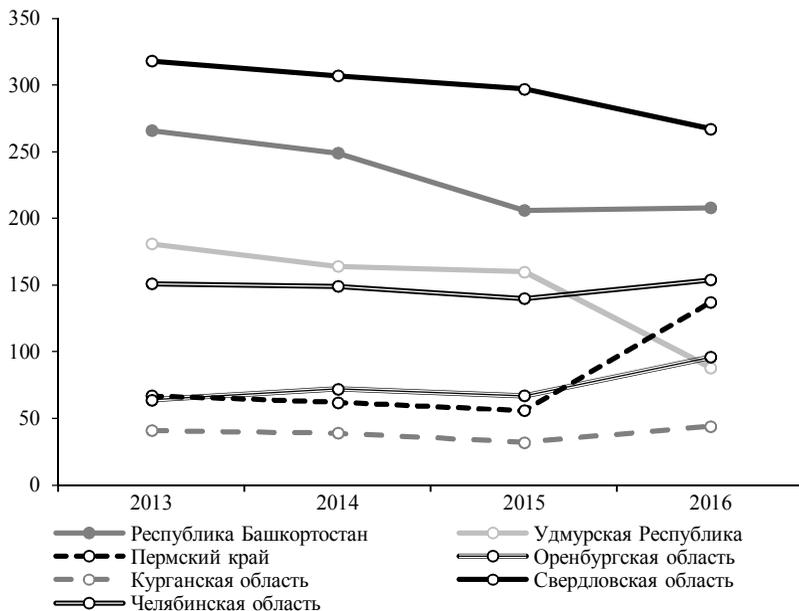

Рис. 2. Динамика показателей применения специальных программных средств (кроме программных средств общего назначения) организациями среднего профессионального и высшего образования в субъектах Уральского региона¹

В образовательном процессе появилась новая форма обучения — электронное обучение (ЭО). В ст. 16 Федерального закона от 29 декабря 2012 г. «Об образовании в Российской Федерации» (в ред. от 3 августа 2018 г.) разъясняется его сущность: электронное обучение — это «организация образовательной деятельности с применением содержащейся в базах данных и используемой при реализации образовательных программ информации и обеспечивающих ее обработку информационных технологий, технических средств, а также информаци-

¹ *Министерство образования и науки Российской Федерации.* — URL : <https://минобрнауки.рф/министерство/статистика>.

онно-телекоммуникационных сетей, обеспечивающих передачу по линиям связи указанной информации, взаимодействие обучающихся и педагогических работников». Таким образом, при ЭО между педагогическими работниками и обучающимися отсутствует непосредственный контакт, в том числе по видеосвязи; можно сказать, что они действуют в отрыве друг от друга (самостоятельно) через определенные линии связи. Это — главное отличие ЭО от дистанционной формы обучения, которое осуществляется в основном с «применением информационно-телекоммуникационных сетей при опосредованном (на расстоянии) взаимодействии обучающихся и педагогических работников».

Поскольку электронная форма обучения является новейшей, статистические данные по ее использованию в федеральной статистике до 2015 г. отсутствуют, не представляется возможным провести анализ ее динамики. По имеющимся статистическим данным Минобрнауки России за 2015 и 2016 гг. можно отметить следующую ситуацию: в большинстве исследуемых субъектов Уральского региона наблюдается увеличение числа образовательных программ с применением ЭО, организациями среднего профессионального и высшего образования¹. Так, в Республике Башкортостан число образовательных организаций, применяющих ЭО выросло со 137 до 158; в Удмуртской Республике — с 61 до 82; в Пермском крае — с 69 до 99; в Оренбургской области — с 85 до 104. В трех субъектах — Курганской, Свердловской и Челябинской областях — наблюдается некоторое снижение числа образовательных программ с применением ЭО: соответственно — с 28 до 24; с 205 до 201 и со 163 до 120². Некоторое снижение количество образовательных программ с применением ЭО в этих трех субъектах вызвано прежде всего сокращением числа организаций профессионального образования в результате образовательной реформы.

Показатель реализации образовательных программ с применением ЭО является направлением будущего ее развития в процессе цифровизации. По своей сути электронное обучение является программным продуктом, реализация которого возможна с помощью сети Интернет или по локальным сетям. Данный программный продукт можно назвать учебно-методическим комплексом дисциплины, включающим все учебные материалы, задания, контрольно-измерительные материалы и т. п. разработчика (преподавателя). С развитием современных технологий, интернета и других технических средств ЭО больше будет проникать в жизнь общества [1].

¹ *Министерство образования и науки Российской Федерации.* — URL : <https://минобрнауки.рф/министерство/статистика>.

² *Там же.*

Таким образом, анализ всех перечисленных выше показателей в целом, позволяет сделать вывод о тенденции цифрового развития РСПО в пространстве исследуемых субъектов Уральского региона. В результате цифровизации образовательного пространства продолжается процесс его сжатия, происходящий в том числе и за счет концентрации организаций профессионального образования в городских поселениях. Цифровизация сферы РСПО и в целом жизнедеятельности общества способствует повышению эффективности экономического и инновационного взаимодействия всех хозяйствующих субъектов в пространстве региона.

Библиографический список

1. *Алексеева Е. Н.* Развитие системы интернет-технологий в свете реализации Болонского соглашения как средство совершенствования качества подготовки в системе высшего профессионального образования // Ученые записки Орловского государственного университета. Сер.: Гуманитарные и социальные науки. — 2014. — № 4(60). — С. 255–257.

2. *Лешуков О. В., Борисова Л. В.* Высшие учебные заведения в социально-экономическом пространстве // Высшее образование сегодня. — 2014. — № 12. — С. 34–40.

3. *Регионы России: социально-экономические показатели. 2005* : стат. сб. / Росстат. — М., 2006. — 982 с.

4. *Регионы России: социально-экономические показатели. 2008* : стат. сб. / Росстат. — М., 2008. — 999 с.

5. *Регионы России: социально-экономические показатели. 2012* : стат. сб. / Росстат. — М., 2012. — 990 с.

6. *Регионы России: социально-экономические показатели. 2013* : стат. сб. / Росстат. — М., 2013. — 990 с.

7. *Регионы России: социально-экономические показатели. 2017* : стат. сб. / Росстат. — М., 2017. — 1402 с.

Модель оценки эффективности веб-сайтов вузов Уральского региона с помощью интернет-маркетинга

Аннотация. В период новой индустриализации и трансформации цифровой экономики неотъемлемой частью любых образовательных услуг становится не только наличие веб-сайта, но и его оптимизация и продвижение с помощью инструментов веб-аналитики и интернет-маркетинга. Сейчас, когда подавляющая часть абитуриентов выбирают университет исходя из информации о нем в интернете, сайт университета должен быть удобным и постоянно обновляться. Однако возникает вопрос: каким образом оценить «удобность» и «полезность» веб-сайта образовательного учреждения? Для этого в статье предложена разработка весовой математической модели эффективности веб-сайтов университетов, позволяющая оценить удобство использования и полноту информации того или иного сайта, а также предложить рекомендации по его совершенствованию на основе полученных данных. Данная модель успешно апробирована на нескольких веб-сайтах университетов Уральского региона.

Ключевые слова: интернет-маркетинг; оценка эффективности веб-сайта; модель оценки веб-сайта; Уральский регион; веб-сайт; цифровой маркетинг; веб-аналитика.

В период новой индустриализации любая организация, в том числе образовательная, должна присутствовать в сети Интернет и иметь современный оптимизированный веб-сайт. С развитием информационных технологий абитуриенты выбирают учреждение для получения высшего образования на основе представленности и полноты информации университета в интернет. Отражением виртуальной представленности университета является официальный веб-сайт [5].

Цель создания сайта в интернете — это в конечном итоге привлечение пользователей к его контенту. Возникает вопрос определения полезности и эффективности того или иного сайта. Для комплексного решения данного вопроса воспользуемся основными инструментами интернет-маркетинга [3].

Интернет-маркетинг — это практика использования всех аспектов традиционного маркетинга в интернете, затрагивающая основные элементы маркетинг-микса: цена, продукт, место продаж и продвижение [2]. Основная цель применения интернет-маркетинга — получение максимального экономического эффекта от потенциальной аудитории сайта. В данном случае потенциальная аудитория — это абитуриенты, которые хотят получить высшее образование, и их родители, поэтому основным инфоисточником об университете являются его веб-сайт и сообщества в социальных сетях [1; 4].

Специфика образовательной деятельности и введение сайта университета согласно требованиям Минобрнауки России не позволяет анализировать сайт с помощью известных инструментов. Поэтому

нами была разработана весовая математическая модель на основе расчета количественных и качественных критериев.

Для формирования математической модели оценки эффективности вузов необходимо сформировать пул критериев и показателей, оказывающих влияние на данные процессы. К этому пулу относятся не только веб-критерии, но и социально-психологические. Модель должна учитывать максимально возможное количество показателей, как количественных, так и качественных, включая неосязаемые факторы, которые достаточно трудно оценить.

Для разработки модели оценки эффективности веб-сайтов университетов были выявлены две крупные группы критериев (показателей), измеряемые в интервале от 0 до 1:

- 1) социально-психологические критерии;
- 2) веб-критерии.

Каждый критерий оказывает определенное влияние, следовательно, данная модель является качественно-весовой. На рисунке отражена системная оценка исходных укрупненных критериев на конечный показатель *CUS* (cumulative university score, или оценка эффективности университета).

Влияние критериев на показатель *CUS*

Данную экономическую модель можно представить в виде математической:

$$CUS = x_1S + x_2W,$$

где *CUS* — оценка веб-сайта эффективности университета; *S* — социально-психологические критерии; *W* — веб-критерии; $x_{1,2}$ — весовые коэффициенты при показателе.

Эффективность веб-сайта университета оценивается от 0 до бесконечности. Максимальное значение означает полноту веб-сайта вуза, а также достаточное его продвижение в сети Интернет.

В нашей модели под социально-психологическими критериями мы будем понимать: юзабилити сайта (S_1), а также его дизайн (S_2), т. е. это та группа критериев, которую невозможно точно определить количественно, поэтому данный пул критериев будет определяться экспертным методом.

Под веб-критериями для оценки эффективности веб-сайта университета мы будем понимать основные критерии оценки веб-сайта: тематический индекс цитирования (ТИЦ) «Яндекса» (T); количество страниц, проиндексированных на текущее время в Google (GC); количество страниц, проиндексированных на текущее время в «Яндексе» (YC); количество запросов в месяц, связанных с названием вуза, в «Яндексе» (YZ); количество запросов в месяц, связанных с названием вуза, в Google (GZ); место официального сайта при запросе названия вуза в «Яндексе» (YM); место официального сайта при запросе названия вуза в Google (GM).

Рассмотрим каждый критерий веб-сайта более подробно. ТИЦ «Яндекса» (T) — это способ вычисления авторитетности веб-ресурса с качественным учетом ссылок, которые ведут на ресурс с других сайтов. Основным подпараметром ТИЦ является тематическая близость сайтов. Иными словами, ссылки на сайт образовательного учреждения с сайта другого образовательного учреждения ценятся выше, чем, например, с новостного сайта. Причем значение вычисляется для каждой страницы сайта, а затем суммируется. Чем выше этот показатель, тем сайт лучше и успешнее.

Для того чтобы определить ТИЦ официального сайта вуза, необходимо воспользоваться сервисом <http://pr-cy.ru>.

Переходим к следующим критериям — количество сайтов, проиндексированных на текущее время в Google (GC) и количество сайтов, проиндексированных на текущее время в «Яндексе» (YC). Данные критерии обозначают, сколько страниц сайта проиндексировалось в поисковых системах в настоящее время. Для определения этих данных по конкретному сайту можно также воспользоваться вышеуказанным сервисом. Чем выше этот показатель, тем сайт лучше и успешнее.

Количество запросов в месяц, связанных с названием вуза, в «Яндексе» (YZ) и количество запросов в месяц, связанных с названием вуза, в Google (GZ) обозначают, насколько часто пользователи интернет ищут информацию о вузе. Чем выше этот показатель, тем сайт лучше и успешнее. Для определения данного критерия воспользуемся сервисом «Яндекс.Слова».

Последние критерии — место официального сайта при запросе названия вуза в «Яндексе» (YM) и место официального сайта при запросе названия вуза в Google (GM). Критерии показывают, насколько

сайт пользуется популярностью, насколько он оптимизирован для пользователей, а также для поисковых систем. Чем ниже этот показатель, тем сайт лучше и успешнее.

С учетом развернутых подкритериев первостепенная модель (1) примет вид:

$$CUS = (x_1(y_1S_1 + y_2S_2) + x_2(y_3T + y_4GC + y_5YC + y_6YZ + y_7GZ + y_8YM + y_9GM),$$

где $S_{1,2}$ — подкритерии группы социально-психологических критериев; $T, GC, YC, YZ, GZ, YM, GM$ — подкритерии группы веб-критериев; $x_{1,2}$ — весовые коэффициенты при группе критериев; $y_{1,2,3,4,5,6,7,8,9}$ — весовые коэффициенты при подкритериях.

Для завершения разработки модели нам необходимо определить весовые коэффициенты: $x_{1,2}$ — при группе критериев и $y_{1,2,3,4,5,6,7,8,9}$ — при подкритериях.

Для определения веса того или иного критерия воспользуемся экспертным методом анализа иерархий и выявим, насколько тот или иной критерий важнее другого. Для простоты восприятия воспользуемся аналитическим и интеллектуальным сервисом MakeItRational (<https://makeitrational.com/demo/decision-making-software>).

В итоге веса критериев были распределены следующим образом. Значения $EXP_1, EXP_2, EXP_3, EXP_4, EXP_5$ соответствуют пяти различным экспертным мнениям, а значение $VALUE$ определяет окончательный вес того или иного количественного критерия (табл. 1).

Таблица 1

Весовые коэффициенты критериев

Показатель	EXP_1	EXP_2	EXP_3	EXP_4	EXP_5	$VALUE$
x_1 при S	0,50	0,55	0,60	0,5	0,45	0,52
x_2 при W	0,50	0,45	0,40	0,5	0,55	0,48
y_1 при S_1	0,60	0,55	0,50	0,7	0,50	0,57
y_2 при S_2	0,40	0,45	0,50	0,3	0,50	0,43
y_3 при T	0,05	0,05	0,05	0,0	0,05	0,04
y_4 при GC	0,10	0,10	0,05	0,10	0,05	0,08
y_5 при YC	0,15	0,10	0,05	0,10	0,05	0,09
y_6 при YZ	0,05	0,20	0,10	0,15	0,20	0,14
y_7 при GZ	0,10	0,15	0,15	0,15	0,25	0,16
y_8 при YM	0,25	0,25	0,25	0,25	0,25	0,25
y_9 при GM	0,30	0,15	0,35	0,25	0,15	0,24

После разработки нашей модели оценки эффективности веб-сайтов необходимо провести ее апробацию. Сделаем это на основе веб-сайтов вузов Уральского региона. Нами были выбраны 10 университетов: Уральский федеральный университет, Уральский государственный экономический университет, Российский государственный профессионально-педагогический университет, Уральский государственный университет путей сообщения, Уральский государственный лесотехнический университет, Уральский государственный медицинский университет, Уральский государственный аграрный университет, Уральский государственный педагогический университет, Уральский государственный юридический университет, Уральский государственный горный университет.

Для оценки критериев «юзабилити веб-сайта» и «дизайн веб-сайта» использовались несколько экспертных мнений. Каждый эксперт оценивал юзабилити веб-сайта в промежутке от 0 до 1, а также дизайн веб-сайта в таком же промежутке. После чего модель считала среднее арифметическое для оценок экспертов по каждому критерию.

В результате выполнения математической модели оценки эффективности веб-сайтов вузов мы получили следующие результаты, представленные в табл. 2.

Таблица 2

Результаты разработанной модели

Вуз	T	YC	GC	YZ	GZ	S_1	S_2	CUS
УрФУ	4 900	16 916	265 000	216 953	249 496	0,9	0,8	49 761,0
УрГЭУ	1 200	8 327	119 000	52 320	71 005	0,8	0,8	15 658,0
УрГЮУ	1 100	22 3626	76 500	9 088	10 451	0,7	0,6	14 438,0
УрГУПС	1 100	46 046	93 700	47 472	52 219	0,7	0,6	14 125,0
УГМУ	800	13 216	104 000	33 320	34 986	0,8	0,9	10 771,0
РГПШУ	850	16 984	43 200	41 066	47 226	0,8	0,7	9 665,4
УГЛТУ	600	6 500	150 000	13 369	15 374	0,6	0,4	9 555,8
УрГПУ	2 300	8 253	45 100	39 883	43 871	0,8	0,7	9 056,0
УрГАУ	650	5 061	4 910	11 200	11 760	0,6	0,5	2 248,2
УГТУ	325	27 476	17 600	207	217	0,7	0,5	2 007,1

Из результатов видно, что наиболее эффективным с точки зрения инструментов интернет-маркетинга и аналитики является сайт Уральского федерального университета, далее следуют сайты Уральского государственного экономического университета, Уральского государственного юридического университета и Уральского государственного университета путей сообщения. У официальных сайтов перечисленных вузов грамотно выполнена внутренняя и внешняя SEO-опти-

мизация, что подтверждается высоким показателем тематического индекса цитирования «Яндекса».

Таким образом, разработанная модель была успешно апробирована и выявила достоинства и недостатки сайтов вузов Уральского региона.

В дальнейшем планируется внедрить в модель отрицательный фактор «риски» и реализовать ее в виде интеллектуальной системы анализа эффективности веб-сайтов, способной в автоматическом режиме просканировать веб-ресурс, выдать рекомендации по его улучшению на основе разработанных критериев, реализовать данные рекомендации в текущем режиме путем визуального и структурного изменения сайта.

Библиографический список

1. *Давыдов В. В.* Измерение рентабельности инвестиций в интернет-маркетинге: все аспекты правильной аналитики // *Маркетинг и финансы.* — 2013. — № 2. — С. 98–115.

2. *Данченко Л. А., Дейнекин Т. В.* Понятие и значение комплексного интернет-маркетинга в деятельности предприятий // *Маркетинг в России и за рубежом.* — 2014. — № 1. — С. 109–118.

3. *Загуменов А. Ю.* Как попасть в семантическую паутину, или современная оптимизация веб-контента // *Интернет-маркетинг.* — 2013. — № 5. — С. 280–290.

4. *Капустина, Л. М., Мосунов И. Д.* Интернет-маркетинг. Теория и практика продвижения бренда в сети : монография. — Екатеринбург : Изд-во Урал. гос. экон. ун-та, 2015. — 102 с.

5. *Назаров А. Д.* Модель оценки анализа лояльности пользователей веб-ресурсов с использованием наукоемких технологий // *Новая индустриализация: мировое, национальное, региональное измерение : материалы Междунар. науч.-практ. конф. : в 2 т. (Екатеринбург, 6 декабря 2016 г.).* — Екатеринбург : Изд-во Урал. гос. экон. ун-та, 2016. — Т. 2. — С. 60–63.

Производительность труда в обрабатывающей промышленности Екатеринбургской агломерации

Аннотация. Статья посвящена изучению вопроса о проявлении агломерационных эффектов в обрабатывающей промышленности на территории Екатеринбургской агломерации. В рамках агломерационных эффектов изучались эффекты локализации и урбанизации. Результативным признаком выступили производительность труда и среднегодовые темпы ее роста. В качестве факторных признаков были взяты расстояние между населенным пунктом и Екатеринбургом, факт вхождения города в состав Екатеринбургской агломерации, натуральные логарифмы численности населения и объема выручки в обрабатывающей промышленности в городе. Было выявлено, что агломерационные эффекты в обрабатывающей промышленности Екатеринбургской агломерации присутствуют. Производительность труда в агломерации на 50,32% выше внеагломерационных городов. Эффект урбанизации больше всего на периферии агломерации: удвоение населения города приводит к росту производительности труда на 47,4%. Стягивание населения в Екатеринбург с целью роста производительности труда уступает по эффективности последствиям концентрации населения на периферии агломерации. Эффект локализации, обуславливаемый ростом выручки предприятий, в агломерации на 46,7% выше, чем во внеагломерационных городах. Чем ближе город на периферии агломерации расположен к Екатеринбургу, тем выше производительность труда. Вне агломерации фактор расстояния от Екатеринбурга практически теряет свое значение.

Ключевые слова: Екатеринбургская агломерация; производительность труда в агломерации; агломерационные эффекты; обрабатывающая промышленность.

Введение

Влияет ли расположение предприятия в крупной городской агломерации на производительность труда? В данном небольшом исследовании мы попытаемся найти ответ на этот вопрос. В качестве примера возьмем Екатеринбургскую агломерацию.

Вопрос о пространственных факторах, оказывающих влияние на производительность труда, исследовали такие ученые, как П. В. Воробьев, Н. Б. Давидсон, Н. В. Кисляк, П. Д. Кузнецов [1], И. М. Драпкин, О. С. Мариев, А. А. Пушкарев [3], К. Р. Гончар, Т. А. Ратникова [2], Е. С. Куценко [4] и др. Выявлено множество эмпирических зависимостей между производительностью труда и влияющими на него факторами: численностью населения, плотностью населения, уровнем ВВП, уровнем образования, уровнем специализации, уровнем диверсификации, транспортной доступностью, возрастом города, рядом институциональных факторов [7].

Мы выдвигаем следующие *гипотезы*:

1) H_1 — чем выше численность населения городского округа, тем выше должен быть эффект урбанизации, который связан с развитием

общей экономической инфраструктуры и развитием всех отраслей, тем выше должна быть производительность труда;

2) H2 — чем выше удаленность городского округа от Екатеринбурга, тем ниже должны быть эффекты локализации и урбанизации, связанные с развитием внутриотраслевой и общеэкономической инфраструктуры, тем ниже должна быть производительность труда;

3) H3 — чем выше выручка предприятий обрабатывающего сектора, тем выше должен быть эффект локализации, тем выше должна быть производительность труда.

Поясним суть агломерационных эффектов [5]:

1) эффект масштаба, или внутренняя организационная экономия, проявляется в снижении себестоимости продукции при увеличении объема ее выпуска отдельным предприятием;

2) эффект локализации, или отраслевая экономия, показывает снижение затрат предприятия при пользовании инфраструктурой, имеющей значение в конкретной отрасли [1];

3) эффект урбанизации, или общеэкономическая экономия, показывает снижение затрат предприятия при пользовании инфраструктурой, имеющей значение для любого предприятия вне зависимости от отрасли.

Ограничения и допущения

В качестве выборки примем городские округа (ГО), которые располагаются только в Свердловской области. Этим мы устраняем риск игнорирования региональных факторов. Представлены только те ГО, по которым есть данные за 2009–2016 гг. Делимитация Екатеринбургской городской агломерации взята у ОАО «Гипрогор» [6, с. 27]. Данные по расстоянию между городским округом и Екатеринбургом возьмем частично у ОАО «Гипрогор» (для городского округа в городской агломерации), а также с Автомобильного портала грузоперевозок (для городского округа вне городской агломерации)¹.

Мы исследуем только один сектор экономики, а именно «Раздел D — обрабатывающие производства, отгружено товаров собственного производства, выполнено работ и услуг собственными силами (без субъектов малого предпринимательства)»². Информация по нему берется с сайта Федеральной службы государственной статистики.

В расчетах мы будем применять натуральный логарифм выручки предприятий и численности населения городского округа, что облегчает сравнение величин [8, с. 8, 15].

При оценке среднегодовых темпов роста применялись номинальные показатели, без учета изменения покупательной способности рубля.

¹ Автомобильный портал грузоперевозок. — URL : <https://www.avtodispetcher.ru>.

² Федеральная государственная служба статистики. — URL : <http://www.gks.ru>.

Результаты

Все исследуемые городские округа разобьем на три группы относительно участия в городских агломерациях: центр, периферия, вне городской агломерации (табл. 1).

Т а б л и ц а 1

Информационная база для расчетов

Муниципальное образование	Среднегодовой темп роста производительности труда за 2009–2016 гг., %	Производительность труда в 2016 г., тыс. р. на 1 работника	Население в 2016 г., чел.	Расстояние от центра км
Центр городской агломерации (Екатеринбург)	19,87	5 662	1 477 737	0
Периферия городской агломерации (10 городских округов)	17,49	8 406	607 862	—
Городская агломерация (Центр + Периферия) (1 + 10 = 11 городских округов)	18,64	6 829	2 085 599	—
Вне городской агломерации (23 городских округа)	17,27	4 543	1 450 699	—
Все муниципальные образования (34 городских округа)	18,12	5 614	3 536 298	—
Периферия городской агломерации				
Арамилский городской округ	20,20	4 425	18 220	25
Белоярский городской округ	5,98	3 693	34 378	50
Березовский городской округ	28,24	11 833	74 109	12
Городской округ Верхняя Пышма	13,91	20 220	81 530	16
Городской округ Заречный	23,41	2 338	31 185	45
Городской округ Первоуральск	17,29	4 804	148 450	46
Полевской городской округ	17,68	6 198	70 358	49
Городской округ Ревда	11,78	4 223	64 026	43
Городской округ Среднеуральск	5,05	782	23 087	24
Сысертский городской округ	13,05	2 833	62 519	50

Продолжение табл. 1

Муниципальное образование	Среднегодовой темп роста производительности труда за 2009–2016 гг., %	Производительность труда в 2016 г., тыс. р. на 1 работника	Население в 2016 г., чел.	Расстояние от Центра км
Вне городской агломерации				
Артемовский городской округ	17,16	1 466	56 759	116
Асбестовский городской округ	17,33	1 616	67 620	81
Верхнесалдинский городской округ	18,58	5 230	46 305	174
Городской округ Богданович	21,54	3 854	45 989	94
Городской округ Карпинск	12,87	1 045	30 001	394
Городской округ Краснотурьинск	27,40	6 670	63 181	385
Городской округ Красноуральск	17,10	3 950	23 752	207
Городской округ Красноуфимск	33,59	3 252	39 574	201
Городской округ Нижняя Салда	-10,54	718	17 670	185
Городской округ Сухой Лог	13,43	3 818	48 617	106
Город Каменск-Уральский	14,98	4 055	172 040	100
Город Нижний Тагил	14,48	5 315	359 450	141
Камышловский городской округ	16,90	1 733	26 569	138
Качканарский городской округ	2,98	748	41 978	253
Кировградский городской округ	6,92	1 035	26 772	95
Кушвинский городской округ	23,19	2 655	39 160	192
Муниципальное образование город Алапаевск	12,45	2 126	43 756	149
Муниципальное образование город Ирбит	23,64	4 308	37 444	199
Невьянский городской округ	16,36	2 843	41 830	89
Нижнетуринский городской округ	12,65	1 514	26 264	231
Режевской городской округ	30,01	5 466	47 817	83
Североуральский городской округ	76,51	16 973	41 579	441

Окончание табл. 1

Муниципальное образование	Среднегодовой темп роста производительности труда за 2009–2016 гг., %	Производительность труда в 2016 г., тыс. р. на 1 работника	Население в 2016 г., чел.	Расстояние от Центра км
Серовский городской округ	19,25	4 714	106 572	353

Из табл. 1 можно выявить следующие закономерности:

1) среднегодовые темпы роста производительности труда за 2009–2016 гг. в городской агломерации на 1,37 % выше, чем вне ее. Это отражает основную идею агломерации о повышении конкурентных преимуществ находящихся в городской агломерации предприятий и самих городских округов;

2) производительность труда в абсолютном выражении за 2016 г. в городской агломерации на 50,32 % выше, чем вне городской агломерации. Любопытно, что на периферии городской агломерации производительность труда на 48,46 % выше, чем в Екатеринбурге, и на 85,03% выше, чем на внеагломерационных территориях. В Екатеринбурге отрыв от внеагломерационных территорий составляет 24,63 %.

Сформировалось противоречие: темпы роста в центре выше, чем на периферии, но в абсолютном выражении производительность ниже. Для объяснения данного противоречия целесообразно провести отдельное исследование.

Если принять во внимание значимость численности населения городского округа, то мы получим следующие результаты (табл. 2).

Таблица 2

Влияние размера города на производительность труда

Муниципальное образование	Среднегодовой темп роста производительности труда за 2009–2016 гг., %	Производительность труда в 2016 г., тыс. р. на 1 работника	Население в 2016 г., чел.
Центр городской агломерации (Екатеринбург)	19,87	5 662	1 477 737
Периферия городской агломерации (4 городских округа), до 50 тыс. чел.	18,92	3 511	106 870
Периферия городской агломерации (6 городских округов), 50–250 тыс. чел.	17,74	8 776	500 992
Вне городской агломерации (17 городских округов), до 50 тыс. чел.	20,94	4 124	625 077

Окончание табл. 2

Муниципальное образование	Среднегодовой темп роста производительности труда за 2009–2016 гг., %	Производительность труда в 2016 г., тыс. р. на 1 работника	Население в 2016 г., чел.
Вне городской агломерации (6 городских округов), 50–250 тыс. чел.	15,73	4 755	825 622

Из табл. 2 можно выявить следующие закономерности:

1) производительность труда в периферийных городских округах с численностью населения 50–250 тыс. чел. на 84,56 % выше аналогичных городских округов вне городской агломерации и является наибольшей в Свердловской области. Среднегодовой темп роста производительности в таких округах на 2,01 % выше аналогичных по населению внеагломерационных городских округов. Таким образом, при открытии предприятий целесообразно в первую очередь рассматривать площадки в периферийных городских округах с численностью населения 50–250 тыс. чел.;

2) периферийные городские округа с населением до 50 тыс. чел не дают преимуществ по сравнению с внеагломерационными городскими округами с той же численностью населения. Это указывает на их слабое участие в агломерации, либо, наоборот, подавление их экономики более «сильными» соседями;

3) вне городской агломерации малые города имеют опережающие темпы роста производительности труда (на 5,19 %) по сравнению с городскими округами с численностью населения 50–250 тыс. чел. В абсолютном выражении города 50–250 тыс. чел. более производительны на 15,30 %. Таким образом, при открытии предприятия вне городской агломерации эти две противоположные тенденции примерно уравнивают преимущества малых и более крупных городов.

Рассмотрим теперь влияние исследуемых нами эффектов на производительность труда в абсолютном выражении (табл. 3).

Из табл. 3 можно выявить следующие закономерности:

1) удвоение численности населения дает наибольший урбанизационный эффект в периферийных городских округах (рост производительности на 3 981 тыс. р. против 1 174 тыс. р. вне городской агломерации, или на 47 % против 26 %). На всех территориях рост численности населения позитивно влияет на производительность, что подтверждает гипотезу H1. При этом эффект урбанизации непосредственно в центре городской агломерации (Екатеринбурге) самый низкий из исследуемых территорий. Таким образом, стягивание населения в Екатеринбург менее продуктивно, чем увеличение населения на периферии или даже вне городской агломерации;

Таблица 3

Влияние агломерационных эффектов на производительность труда в абсолютном выражении в 2016 г.

Объект	Факторная переменная	Вероятность того, что фактор оказывает влияние на результат (по значимости F), %	% вариации результата объясняется фактором (по коэффициенту детерминации R^2), %	Уравнение модели	Изменение производительности труда, тыс. р. на 1 работника (считается относительно территории объекта, обозначенного в строке)
Эффект урбанизации					
Периферия городской агломерации	Численность населения	80	20,05	$y = 3\,981x - 37\,004$	Удвоение населения ↑ на 3 981 тыс. р., или на 47 %
Городская агломерация	Численность населения	46	4,39	$y = 965x - 4\,656$	Удвоение населения ↑ на 965 тыс. р., или на 14 %
Вне городской агломерации	Численность населения	70	5,26	$y = 1\,174x - 8\,933$	Удвоение населения ↑ на 1 174 тыс. р., или на 26 %
Все муниципальные образования	Численность населения	86	6,79	$y = 1\,275x - 9\,408$	Удвоение населения ↑ на 1 275 тыс. р., или на 23 %
Эффекты урбанизации и локализации					
Периферия городской агломерации	Расстояние от центра	93	37,26	$y = -234x + 14\,566$	↑ расстояния на 1 км ↓ на 234 тыс. р., или на 3 %
Городская агломерация	Расстояние от центра	85	22,06	$y = -143x + 10\,785$	↑ расстояния на 1 км ↓ на 143 тыс. р., или на 2 %
Вне городской агломерации	Расстояние от центра	97	23,08	$y = 15x + 823$	↑ расстояния на 1 км ↑ на 15 тыс. р., или на 0 %
Все муниципальные образования	Расстояние от центра	14	0,11	$y = 1x + 4\,305$	↑ расстояния на 1 км ↑ на 1 тыс. р., или на 0 %
Эффект локализации					
Периферия городской агломерации	Выручка	98	52,29	$y = 2\,056x - 27\,170$	Удвоение выручки ↑ на 2 056 тыс. р., или на 24 %
Городская агломерация	Выручка	95	38,44	$y = 1\,543x - 19\,400$	Удвоение выручки ↑ на 1 543 тыс. р., или на 23 %
Вне городской агломерации	Выручка	99	27,99	$y = 1\,052x - 12\,834$	Удвоение выручки ↑ на 1 052 тыс. р., или на 23 %
Все муниципальные образования	Выручка	99	35,05	$y = 1\,336x - 16\,872$	Удвоение выручки ↑ на 1 336 тыс. р., или на 24 %

2) расстояние играет самую важную роль на периферии городской агломерации; с увеличением расстояния от центра агломерации производительность труда снижается. Это подтверждает гипотезу Н2. Вне городской агломерации расстояние от центра агломерации практически теряет значение. Таким образом, развитие инфраструктуры дает наибольший эффект на периферии городской агломерации;

3) эффект локализации от концентрации выручки предприятий присутствует на всех территориях, но наиболее ярко выражен на периферии городской агломерации. Это подтверждает гипотезу Н3.

Объем исследования ограничен, поэтому мы не будем рассматривать модели среднегодовых темпов роста производительности труда.

Заключение

По итогам сравнения эффектов локализации и урбанизации можно сказать, что для Екатеринбурга эффект локализации (наличие крупного кластера предприятий одной отрасли) более важен, чем эффект урбанизации (численность населения). Для городского округа на периферии городской агломерации наиболее значителен эффект урбанизации. Для городов вне городской агломерации эти два эффекта примерно равны. Увеличение расстояния от Екатеринбурга не оказывает практически никакого влияния вне городской агломерации, но значимо внутри городской агломерации (при росте расстояния производительность труда падает).

Таким образом, региональным органам власти имеет смысл учитывать следующие закономерности при разработке стратегии развития региона и пространственной политики:

1) стягивание населения в Екатеринбург приносит меньшую отдачу, чем увеличение численности иных агломерационных городов;

2) производительность труда в городах с численностью населения 50–250 тыс. чел. на периферии городской агломерации наибольшая, следовательно, такие города целесообразно использовать как точки роста;

3) целесообразно улучшать транспортную инфраструктуру на периферии городской агломерации, так как именно на этой территории оказывается значимым расстояние от Екатеринбурга до города.

Библиографический список

1. Воробьев П. В., Давидсон Н. Б., Кисляк Н. В., Кузнецов П. Д. Разнообразие и концентрация отраслей в российских городах как факторы экономической эффективности // Вестник Уральского федерального университета. Сер.: Экономика и управление. — 2014. — № 6. — С. 4–18.

2. Гончар К. Р., Ратникова Т. А. Оценка и объяснение городских агломерационных эффектов для обрабатывающей промышленности России

// XIV Апрельская международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества : в 4 кн. — М. : Изд. дом НИУ ВШЭ, 2014. — Кн. 3. — С. 55–64.

3. *Давидсон Н. Б., Дранкин И. М., Мариев О. С., Пушкарев А. А.* Особенности оценки влияния пространственной концентрации на производительность российских компаний // Журнал экономической теории. — 2016. — № 4. — С. 104–113.

4. *Куценко Е. С.* Зависимость от предшествующего развития в сфере пространственного размещения производительных сил — плохая новость для эмпирических исследований агломерационных эффектов // Журнал Новой экономической ассоциации. — 2012. — № 2(14). — С. 10–26.

5. *О’Салливан А.* Экономика города : пер. с англ. — 4-е изд. — М. : ИНФРА-М, 2002. — 706 с.

6. *Отчет* о научно-исследовательской работе. Принципы формирования Екатеринбургской агломерации. Этап 2. Подготовка проектных предложений по формированию Екатеринбургской агломерации.— М., 2016. — Кн. 1 : Аналитический отчет. Ч. 1. — 87 с.

7. *Павлов Ю. В.* Влияние численности населения на экономическую эффективность модели управления городской агломерацией // Статистика и экономика. — 2017. — № 3. — С. 92–104.

8. *Ahrend R. et al.* What Makes Cities More Productive? Evidence on the Role of Urban Governance from Five OECD Countries (OECD Regional Development Working Papers, No. 2014/05). — Paris : OECD Publishing, 2014. — 32 p.

Н. В. Сбродова, М. Д. Албычева

Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург

Проблемы развития машиностроения в Свердловской области

Аннотация. Машиностроение, являющееся традиционным, базовым видом деятельности для Свердловской области, характеризуется не только сильными сторонами, но и устойчивыми серьезными проблемами. Снижение численности занятых, значительный износ оборудования, зависимость от импортных поставок тормозят развитие как машиностроительных производств, так и всей экономики региона. Несмотря на сложившееся мнение, что развитие машиностроения на Среднем Урале определяется исключительно внешними факторами, в первую очередь поддержкой на федеральном уровне, проведенный в статье анализ демонстрирует, что региональные органы власти также обладают значительными компетенциями в решения каждой из выявленных проблем. Их действия в рамках поддержки машиностроительных предприятий Свердловской области носят комплексный характер, но возможности для вмешательства серьезно лимитированы финансовыми ограничениями, что не позволяет ожидать существенных изменений в показателях машиностроения региона в среднесрочной перспективе.

Ключевые слова: машиностроение; Свердловская область; меры поддержки.

Свердловская область исторически обладает существенными предпосылками для развития машиностроительных производств: сы-

рьевой базой, выгодным транспортным положением, сложившейся системой подготовки кадров. Благодаря этому на ее территории действует более 100 предприятий 18 видов направленности, от сельскохозяйственного и транспортного машиностроения до приборостроения и ракетостроения. Свердловские машиностроители лидируют в стране по выпуску грузовых вагонов (39 % российского рынка), магистральных электровозов (42 % российского рынка), универсальных электродвигателей мощностью более 37,5 Вт (51 % российского рынка), нефтегазодобывающего оборудования (28 % российского рынка), металлургического оборудования (35 % российского рынка). В целом область производит 5 % от общего объема машиностроительной продукции в Российской Федерации.

Вклад машиностроительных предприятий в ВРП Свердловской области растет с каждым годом, за период с 2012 по 2016 г. он увеличился в денежном эквиваленте с 64,3 млрд до 98,2 млрд р. (на 52,5 %). Тем не менее доля машиностроения в ВРП региона за это же время изменилась далеко не так существенно: с 4,3 до 4,96 %¹.

Рассмотрим основные узкие места дальнейшего развития машиностроения в Свердловской области.

Во-первых, это объем и динамика инвестиций в основной капитал (табл. 1).

Т а б л и ц а 1

Инвестиции в основной капитал в Свердловской области, млрд р.

Показатель	2012	2013	2014	2015	2016	2016 к 2012, %
Инвестиции в основной капитал — обрабатывающие производства	53,5	54,6	66,2	65,7	72,4	135,3
Производство машин и оборудования	2,8	1,8	1,6	2,7	1,6	57,1
Производство электрооборудования, электронного и оптического оборудования	4,2	3,1	3,4	3,8	4,9	116,7
Производство транспортных средств и оборудования	3,3	7,1	9,5	4,1	2,2	66,7

Примечание. Составлено по: *Инвестиции* в основной капитал по видам экономической деятельности в Свердловской области / Управление Федеральной службы государственной статистики по Свердловской области и Курганской области. — URL: http://sverdl.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/sverdl/ru/statistics/kurgStat/enterprises/investment (дата обращения: 29.02.2018).

¹ ВРП Свердловской области / Управление Федеральной службы государственной статистики по Свердловской области и Курганской области. — URL: <http://sverdl.gks.ru> (дата обращения 13.03.2018).

В течение исследуемого периода положительная динамика наблюдалась только в одном направлении деятельности — производстве электрооборудования, электронного и оптического оборудования; по остальным сегментам динамика показателей носит неровный, «рваный» характер. Ситуация выглядит еще критичнее, если принять во внимание тот факт, что учетная стоимость всех основных фондов обрабатывающих производств Свердловской области в конце 2016 г. составила 897,3 млрд р. Рассчитанный на основе этих данных коэффициент обновления будет равен 0,08, т. е. полное восстановление основного капитала занимает более 12 лет, что неприемлемо при существующих темпах научно-технического прогресса, особенно для высокотехнологичных машиностроительных производств.

Второй проблемой, логически проистекающей из первой, является высокий физический износ основных производственных фондов. В настоящее время средний возраст станочного парка машиностроения в Свердловской области составляет 20–21 год при рекомендуемом уровне изношенности оборудования до 10 лет. В табл. 2 представлены данные об изменении возрастной структуры оборудования начиная с 2012 г.

Третья проблема машиностроения Свердловской области — отстающая от среднерегиональных темпов динамика заработной платы. Оплата труда в обрабатывающих производствах в целом по области возросла на 32 % за четыре года (35,9 тыс. р. в 2016 г. по сравнению с 27,2 тыс. р. в 2012 г.)¹. В машиностроительной деятельности за это время заработная плата в среднем повысилась примерно на 22 %, что демотивирует сотрудников производств и во многом обуславливает негативные тенденции в численности занятых.

Таблица 2

Возрастная структура производственного оборудования в промышленности в Свердловской области, %

Год	Всего оборудования (на конец года), %	В том числе в возрасте, лет					Средний возраст, лет
		до 5	6–10	11–15	16–20	более 20	
2012	100	11,2	7,0	14,3	19,9	47,6	20,8
2013	100	9,8	7,1	15,0	20,5	47,6	21,0
2014	100	9,3	7,7	14,8	19,4	48,8	21,9

¹ Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников организаций обрабатывающих производств / Управление Федеральной службы государственной статистики по Свердловской области и Курганской области. — URL : <http://sverdl.gks.ru> (дата обращения 13.03.2017).

Год	Всего оборудования (на конец года), %	В том числе в возрасте, лет					Средний возраст, лет
		до 5	6–10	11–15	16–20	более 20	
2015	100	10,5	7,0	13,5	22,1	46,9	21,5
2016	100	10,9	6,9	13,9	22,5	45,8	20,9

Примечание. Составлено по: *Возрастная структура производственного оборудования в промышленности в Свердловской области / Управление Федеральной службы государственной статистики по Свердловской области и Курганской области.* — URL : <http://sverdl.gks.ru> (дата обращения: 29.02.2018).

В целом по Свердловской области занятость с 2012 по 2016 г. выросла на 2,4 % (с 2 043,2 до 2 093,9 тыс. чел.), в обрабатывающих производствах она снизилась на 6,6% (до 429,4 тыс. чел.), а суммарное сокращение численности занятых по всем подразделам машиностроения составило 17,2 %. Конечно, позитивным можно назвать рост в сегменте производства электрооборудования, но тем печальнее выглядит динамика остальных направлений: регион теряет наиболее квалифицированный и перспективный с точки зрения следования общемировым тенденциям персонал.

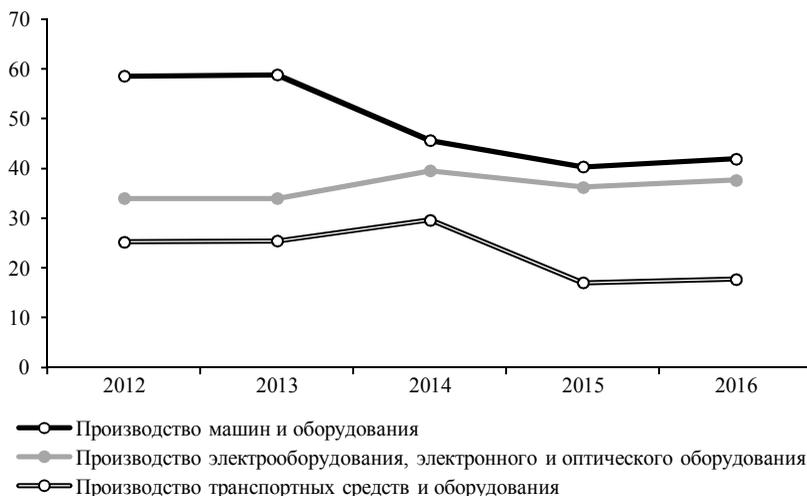

Рис. 1. Среднегодовая численность занятых в машиностроительных производствах в Свердловской области¹, тыс. чел.

¹ Среднесписочная численность работников обрабатывающих производств / Управление Федеральной службы государственной статистики по Свердловской области и Курганской области. — URL : <http://sverdl.gks.ru> (дата обращения 13.03.2017).

Четвертая проблема машиностроительных производств региона — наличие стабильно сохраняющегося количества убыточных предприятий (25–30 — в производстве машин и оборудования; 10–11 — в производстве электрооборудования; 6–7 — в производстве транспортных средств) и общей суммы убытков (порядка 6 млрд р. для всех видов деятельности; по-прежнему позитивной выглядит динамика показателя для производства электрооборудования — сокращение убытков вдвое; обращает на себя внимание утроение убытков производств, связанных с производством транспортных средств и оборудования)¹.

Наконец, пятой существенной проблемой для машиностроения региона является значительная импортозависимость. Товарная структура импорта Свердловской области представлена на рис. 2.

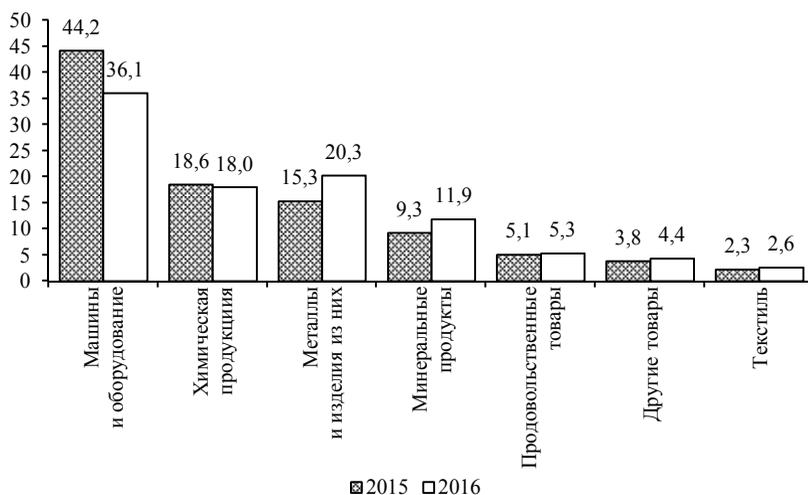

Рис. 2. Товарная структура импорта в Свердловскую область в 2015 и 2016 гг.², %

Импорт продукции машиностроения в Свердловскую область в 2016 г. по сравнению с аналогичным периодом 2015 г. снизился на

¹ Число убыточных предприятий на территории Свердловской области и сумма их убытка / Управление Федеральной службы государственной статистики по Свердловской области и Курганской области. — URL : <http://sverdl.gks.ru> (дата обращения: 13.03.2017).

² Внешняя торговля Свердловской области / Управление Федеральной службы государственной статистики по Свердловской области и Курганской области. — URL : <http://sverdl.gks.ru> (дата обращения: 13.03.2017).

26 % (в основном за счет доли стран дальнего зарубежья). Поставки механического оборудования сократились на 33 %, электрических машин — на 33 %, железнодорожного оборудования — более чем в три раза. При этом поставки оптических приборов и аппаратов увеличились на 23 %. Ситуация двойственная: с одной стороны, существуют стимулы для переориентации потребителей ряда импортных товаров на отечественные аналоги (девальвация рубля, санкции), с другой — существенное сокращение импорта коснулось инвестиционных товаров (машиностроительной продукции), что привело к приостановлению программ технического перевооружения промышленных предприятий.

Все выявленные проблемы тем или иным образом учитываются в деятельности Правительства Свердловской области, которое выступает как проводником государственной поддержки машиностроения, так и инициатором и исполнителем региональных мероприятий. Для этого в соответствии с выбранной концепцией государственного регулирования экономики применяется различный набор инструментов¹.

На федеральном уровне в сфере высокотехнологичного машиностроения приняты и действуют восемь комплексных государственных программ²:

- «Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности» (2012–2020 гг.);
- «Развитие фармацевтической и медицинской промышленности» (2013–2020 гг.);
- «Развитие транспортной системы» (2013–2020 гг.);
- «Развитие авиационной промышленности» (2013–2025 гг.);
- «Развитие судостроения» (2013–2030 гг.);
- «Развитие электронной и радиоэлектронной промышленности» (2013–2025 гг.);
- «Развитие оборонно-промышленного комплекса»;
- «Космическая деятельность России» (2013–2020 гг.).

К примеру, бюджет только одной программы «Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности» составляет 1,06 трлн р., что, несомненно, будет оказывать заметное влияние на деятельность предприятий-участников и регионы, в которых эти производства располагаются.

¹ Пестряков А. Н., Сбродова Н. В. Модели государственной поддержки инноваций // Новая индустриализация: мировое, национальное, региональное измерение : материалы междунар. науч.-практ. конф. (Екатеринбург, 6 декабря 2016 г.) : в 2 т. — Екатеринбург : Изд-во Урал. гос. экон. ун-та, 2016. — Т. 1. — С. 146–150.

² Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности : гос. программа, утв. распоряжением Правительства РФ от 29 августа 2013 г. № 1535-р.

Инициативная деятельность Правительства Свердловской области в сфере поддержки развития машиностроения включает работу в различных направлениях: компенсация затрат предприятий на приобретение оборудования, внедрение в производство более совершенных технологических процессов, результатов НИОКР; субсидирование процентных ставок по банковским кредитам; возмещение затрат на внедрение в производство новых, значительно технологически измененных или усовершенствованных продуктов; финансирование НИОКР и т. п.

Выделяемый из областного бюджета объем средств может быть проиллюстрирован программой «Развитие промышленности и науки на территории Свердловской области до 2020 г.» — 5,5 млрд р. за 2013–2020 гг.¹ Иначе говоря, за семь лет общая сумма региональных инвестиций составит менее 2/3 от ежегодного (недостаточного!) объема инвестирования трех направлений машиностроительной деятельности региона.

Таким образом, региональные органы власти обладают значительными компетенциями для решения каждой из выявленных проблем, их действия в рамках поддержки машиностроительных предприятий Свердловской области носят комплексный характер, но возможности для вмешательства серьезно лимитированы финансовыми ограничениями, что не позволяет ожидать существенных изменений в показателях машиностроения региона в среднесрочной перспективе.

¹ *Развитие* промышленности и науки на территории Свердловской области до 2020 г. : постановление Правительства Свердловской области от 24 октября 2013 г. № 1293-ПП.

ПРОМЫШЛЕННО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ РЕСУРСЫ ДЛЯ ИННОВАЦИОННОГО ПРОРЫВА В ПРОСТРАНСТВЕ МАКРОРЕГИОНА

Л. Ф. Шайбакова

Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург,

К. П. Куранова

ПАО «Сбербанк России», г. Екатеринбург

Развитие институциональной среды инновационной деятельности

Аннотация. Исследуются теоретические и практические подходы к построению институциональной среды инновационной деятельности. Обосновывается разноречивое трактование понятия «институциональная среда». Предлагается авторское видение сущности словосочетания «институциональная среда инновационной деятельности», а также его структурообразующих элементов. Отмечены недостатки современной институциональной среды, в числе которых ведущее место занимают несовершенство российской нормативно-правовой базы инновационной деятельности и недостаточная развитость инструментария финансовой поддержки новаторов. В целях развития институциональной среды инновационной деятельности предлагается в регионах формировать инновационные платформы, которые позволят объединить усилия по созданию новых продуктов и перспективных технологий, привлечению ресурсов, необходимых для проведения НИОКР при участии государства, бизнеса, науки и общества. Инновационные платформы должны объединять все институты инновационного развития и поддерживаться государством.

Ключевые слова: инновации; инновационная деятельность; институты развития; институциональная среда; государственная поддержка; технологическая платформа.

В современном мире инновации все больше превращаются в основную движущую силу как экономического, так и социального развития. Большинство развитых стран считают, что без разработки и внедрения инновационных технологий невозможно обеспечение экономического роста. Инновации оказывают колоссальное влияние на экономику. Во-первых, благодаря инновациям создаются абсолютно новые либо усовершенствованные продукты, наиболее полно удовлетворяющие потребности человека. Во-вторых, создавая новые отрасли экономики, единый рынок, они способствуют экономическому росту. Также инновации способны влиять на уровень жизни населения, улучшать условия жизни людей. Инновации способствуют увеличению прибыли и снижению издержек с помощью новых технологий, которые позволяют повысить качество и количество продукции без дополнительных расходов. Поэтому на современном этапе развития экономики России становится актуальным вопрос создания на государственном уровне благоприятных условий для развития инновационной деятельности. Необходима направленность на формирование и развитие институцио-

нальной среды инновационной деятельности. Главная задача институциональной среды — обеспечение непрерывности инновационного процесса, а также повышение его эффективности. Причем развитие институциональной среды инновационной деятельности должно охватывать не только государство в целом, но и его отдельные регионы, так как инновации выступают центральным фактором конкурентоспособности региона. Особую роль играет нормативно-правовая база как один из важнейших институтов институциональной среды. Изъятия правового регулирования могут сдерживать развитие инновационной деятельности. Исходя из этого целью исследования выступало изучение теоретических подходов и практического опыта формирования институтов инновационного развития и разработка рекомендаций по их совершенствованию. Теоретическую и методологическую основу исследования составили научные труды российских и зарубежных ученых в области институциональной экономики и инновационной теории. Эмпирической базой выступили нормативно-правовые акты Российской Федерации и опыт Свердловской области.

Понятие институциональной среды является одним из дискуссионных вопросов в современной экономической литературе. Оно трактуется как совокупность основополагающих политических, социальных и юридических правил, которые образуют базис для производства, обмена и распределения; систему правил, влияющих на распределение прав собственности; совокупность формальных и неформальных рамок поведения участников экономических процессов [1, с. 40]. Ученые единодушны в том, что институциональная среда влияет на качественный компонент реализации прав собственника, стратегию развития и в итоге на результативность отдельно взятых инновационных проектов. По нашему мнению, *совокупность взаимозависимых и взаимосвязанных политических, законодательных, юридических, экономических, а также социокультурных институтов, которые создают стимулы к инновационной активности, называется институциональной средой инновационной деятельности*. Следует отметить, что импульс к инновационной активности создает именно безопасность в сфере прав на интеллектуальную собственность. Стимулы инноваторов становятся сильнее в том случае, когда барьеры для неправоимитации повышаются, т. е. они чувствуют свои права наиболее защищенными [4].

Рассмотрим институты национальной инновационной системы (далее — НИС), которая представляет собой «совокупность субъектов и объектов инновационной деятельности, взаимодействующих в процессе создания и реализации инновационной продукции и осуществляющих свою деятельность в рамках проводимой государством политики развития инновационной системы» [6]. В состав НИС входят ор-

ганизации, которые создают, внедряют, осуществляют коммерциализацию и финансирование инноваций, а также подготовку соответствующих кадров. Национальная инновационная система содержит в себе, помимо прочих, следующие базовые элементы: нормативно-правовую базу, инновационную инфраструктуру, «инновационный лифт». Научный, экспертно-консалтинговый, производственно-технологический, кадровый, финансовый, информационный и сбытовой блоки выступают ключевыми элементами инновационной инфраструктуры. «Инновационный лифт» — это совокупность созданных государством институтов развития, которые поддерживают инновационные проекты на всех стадиях развития. В систему инновационного лифта включаются следующие институты развития: государственные корпорации, сети венчурных инвесторов и бизнес-ангелов, фонды поддержки наукоемкого бизнеса; государственные институты, способствующие выявлению и развитию одаренной творческой молодежи (например, Федеральное агентство по делам молодежи «Росмолодежь») [3].

Оказывая влияние на действующих и потенциальных участников национальной инновационной системы, институты развития связывают институты НИС с институтами стимулирования инновационного поведения. В отличие от них, институты стимулирования в большей мере влияют на потенциальных участников НИС, находя способы для вовлечения их в инновационный процесс. В настоящее время нет единого мнения относительно трактовки понятия «институты развития». Рассмотрим некоторые подходы к его определению. Например, М. А. Захарова предлагает определять институты развития как «специализированные государственные или квазигосударственные организации, деятельность которых направлена на устранение „провалов рынка“, сдерживающих экономическое и социальное развитие страны» [2]. А. А. Сытник и Д.А. Колотырин понимают институты развития как специализированные государственные организации, деятельность которых направлена на аккумуляцию и перераспределение финансовых, трудовых и интеллектуальных ресурсов для решения социально-экономических проблем инновационного развития экономики [5]. На сайте Министерства экономического развития Российской Федерации институты развития определяются как «один из инструментов государственной политики, стимулирующих инновационные процессы и развитие инфраструктуры с использованием механизмов государственно-частного партнерства»¹.

¹ *Деятельность* институтов развития // Министерство экономического развития Российской Федерации. — URL : <http://economy.gov.ru/minec/activity/sections/instdev/institute>.

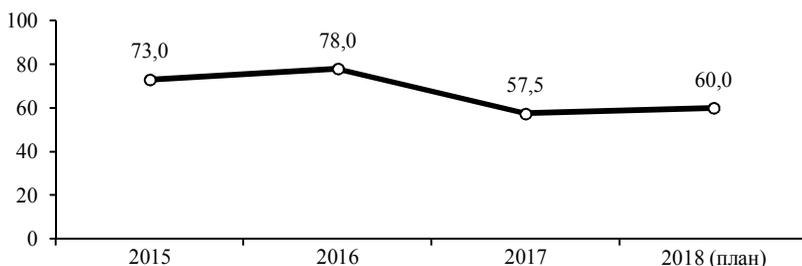
Одним из институтов развития инновационной деятельности выступают технологические платформы. Это коммуникационная площадка, на которой имеют возможность взаимодействовать наука, бизнес, потребители и государство по проблемам совершенствования и научно-технического развития в конкретных технологических направлениях. Их финансирование может быть как государственным, так и частным или смешанным. Они имеют своей целью модернизацию экономики при помощи взаимодействия усилий власти, науки и бизнеса. На наш взгляд, институциональная среда инновационной деятельности должна формировать такие условия, при которых у новаторов не только появится желание заниматься инновациями, но они смогут позволить себе нести издержки, сопутствующие инновационной деятельности. На данном этапе многих субъектов удерживает от исследований и разработок в этой области слабая политика финансирования инновационной сферы. Она недостаточно эффективна, а многие ее условия слишком жесткие для выполнения.

К основным институтам инновационного развития относится прежде всего законодательство, так как оно регулирует ключевые аспекты инновационной деятельности и функционирования ее субъектов. Важным институтом выступают региональные инновационные системы, которые состоят из совокупности организаций, осуществляющих производство и использование инноваций, а также институтов, поддерживающих, стимулирующих и регулирующих инновационные процессы. Нельзя не согласиться с мнением, что для эффективного функционирования региональных инновационных систем необходимо обеспечение взаимосвязи между институтами, входящими в их состав.

Составными частями институциональной среды инновационной деятельности в Свердловской области являются технопарки и инновационный территориальный кластер Особая экономическая зона «Титановая долина». По данным портала «Индустриальные парки и технопарки России» в Свердловской области расположено семь действующих технопарков, из которых 6 государственной формы собственности и один частный. Создается еще пять технопарков, из которых два государственных, два частных и один на условиях государственно-частного партнерства. Управляющим компаниям технопарков в Свердловской области предоставляются субсидии на обеспечение затрат, связанных с выполнением работ и (или) оказанием услуг по содержанию и развитию инфраструктуры технопарков¹. Сумма субсидий

¹ *Об утверждении государственной программы Свердловской области «Развитие промышленности и науки на территории Свердловской области до 2024 г.»* : постановление Правительства Свердловской области от 24 октября 2013 г. № 1293-ПП.

в 2015–2017 гг. составила в среднем 69,5 млн р. (см. рисунок), а на 2018–2020 гг. запланировано около 50 млн р. ежегодно.

Субсидии управляющим компаниям технопарков Свердловской области в 2015–2017 гг.¹, млн р.

Говоря о фондах поддержки, следует отметить их ориентацию преимущественно на содействие развитию малых и средних предприятий и инфраструктуры венчурного (рискового) финансирования субъектов малого и среднего предпринимательства в научно-технической сфере. Очень мало фондов поддержки инновационной деятельности. Действующие фонды в большей степени направлены на поддержку субъектов предпринимательства и их развитие, чем на повышение инновационной активности. Необходимо либо совершенствование существующих фондов, либо создание новых фондов, которые способствовали бы развитию инновационных организаций, стимулировали бы субъектов к инновационному поведению.

Эффективным инструментом государственно-частного партнерства являются технологические платформы. Они представляют собой коммуникационную площадку для взаимодействия государства, науки, бизнеса, потребителей с целью модернизации и научно-технического развития инновационной сферы. Для повышения эффективности и развития инновационных институтов в регионе можно рекомендовать *формирование инновационных платформ*, выступающих самоуправляемым и самофинансируемым комплексом, в состав которого войдут действующие инновационные институты. Организация таких платформ должна быть направлена на объединение усилий по созданию новых продуктов и перспективных технологий в инновационной сфере, привлечение ресурсов, требуемых для проведения НИОКР при уча-

¹ Составлено по: *Краткая аналитика* на основании статистики о состоянии науки в Свердловской области. — URL: <http://mpr.midural.ru/nauka-i-innovatsii>.

стии государства, бизнеса, науки и общества. При этом необходимо объединять усилия всех субъектов инновационной деятельности региона. В структуре такой платформы могут быть представлены координирующие и совещательные органы, которые должны контролировать деятельность совета экспертов и выдавать задание институтам, если поступают заказы от бизнеса или государства. Совет экспертов, в свою очередь, исследует предлагаемые институтами развития региона инновационные проекты на предмет реальности их исполнения, возможных рисков и последствий их реализации. Органы государственной власти, как федеральные, так и областные, должны осуществлять финансовую, информационную и другую поддержку платформы, формировать приоритетные направления для исследований, осуществлять государственные заказы. Бизнес также может осуществлять инвестиции в исследования и разработку различными способами, делать заказы. Таким образом, большая часть исследований и разработок может быть востребована и коммерциализована. Организации должны быть заинтересованы в модернизации своей деятельности и производства, так как это повышает их конкурентоспособность на рынке по сравнению с другими организациями, использующими устаревшие технологии. При возникновении проблемы низкой активности бизнеса необходимы меры его стимулирования либо принуждения. Формирование инновационной платформы в регионе будет способствовать реализации инновационного сценария развития Свердловской области на период до 2020 г. Таким образом, создание на территории Свердловской области инновационной платформы не только повысит эффективность субъектов инновационной деятельности и хозяйствующих субъектов, использующих НИОКР в процессе ведения экономической деятельности, но и позволит усовершенствовать региональную инновационную систему, будет способствовать росту валового регионального продукта.

Исходя из вышесказанного можно сделать следующие выводы.

Во-первых, инновационный сценарий развития Российской Федерации предполагает формирование институциональной среды инновационной деятельности.

Во-вторых, институциональная среда инновационной деятельности в России находится в стадии формирования и развития. Она имеет серьезные недостатки в нормативно-правовой регламентации инструментария государственной поддержки новаторов, а также финансовых институтов содействия инновационной деятельности бизнеса. Государство не в полной мере разделяет с новаторами риски инновационной деятельности.

В-третьих, количество фондов поддержки инновационной деятельности недостаточно. Действующие фонды в большей степени

направлены на поддержку субъектов предпринимательства и их развитие, чем на повышение инновационной активности.

В-четвертых, для развития институциональной среды целесообразно в регионах формировать инновационные платформы, эффект от создания которых будет связан с объединением институтов, действующих разрозненно, в комплекс, функционирующий на основе опыта его структурных элементов, при участии государства и бизнеса.

Библиографический список

1. *Гарипов Р. И., Кондратов М. В.* Институциональная среда как экономическая категория // Вестник Совета молодых ученых и специалистов Челябинской области. — 2015. — № 1(8). — С. 40–43.

2. *Захарова М. А.* О роли институтов развития в диверсификации экономики страны // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Экономические науки. — 2009. — № 5. — С. 242–248.

3. *Лимарева Д. А.* Анализ состояния национальной инновационной системы России и направления ее развития // SCI-ARTICLE. — 2013. — № 3. — URL : http://sci-article.ru/stat.php?i=analiz_sostoyaniya_nacionalnoy_innovacionnoy_sistemy_rossii_i_napravleniya_ee_razvitiya.

4. *Прокопенко З. В.* Институциональная среда реализации экономических интересов в сфере инновационной деятельности // Интернет-журнал «Наукovedение». — 2016. — Т. 8, № 6. — URL : <https://naukovedenie.ru/vol8-6.php>.

5. *Сытник А. А., Колотырин Д. А.* Институты развития как организационная форма осуществления венчурного инвестирования // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер.: Экономика. Управление. Право. — 2014. — № 1. — С. 158–162.

6. *Харченко Л. Н.* Инновационная деятельность в современном университете: нормативно-правовые документы. — М. : Директ-Медиа, 2014. — 304 с.

Специфика инновационного развития промышленных рынков

Аннотация. Работа посвящена исследованию специфических черт рынков промышленной продукции. Посредством модификации модели рыночных взаимодействий О. Уильямсона разработан механизм функционирования промышленного рынка. Установлено, что базовой характеристикой такого рынка является ограниченная конкуренция, которая определяет гибридный механизм координации его участников. Доказано, что промышленный рынок, в отличие от других товарных рынков, обладает чертами властной асимметрии. Данный факт обуславливает особый порядок развития промышленных рынков, основанный на активном участии государства в принятии решений об инновациях, долгосрочный характер инвестиций в инновации, акцент на технологии и материальную базу.

Ключевые слова: промышленный рынок; ограниченная конкуренция; гибридный механизм; институциональная среда; товарный рынок; инновационное развитие.

Основой экономической деятельности индустриальных регионов, к которым относится и Уральский макрорегион, являются промышленные производства. Жизнеспособность региона во многом определяется спецификой функционирования и развития его промышленных рынков.

В качестве основных промышленных рынков Уральского макрорегиона выделяют рынки производства продукции машиностроения, металлургии и топливно-энергетического комплекса. Трансформация промышленного комплекса это всегда дискретный процесс структурных изменений и институциональных преобразований [1, с. 82].

Стратегия инновационного развития региона, таким образом, должна учитывать особенности функционирования промышленных рынков. В то же время исследователи в большей степени сосредотачивают внимание на анализе либо отраслевых рынков в целом, либо отдельных отраслей промышленности.

Цель настоящего исследования — выявление особенностей инновационного развития промышленного рынка. Реализация цели возможна за счет решения следующих задач:

- 1) уточнение подходов к пониманию промышленного рынка;
- 2) разработка механизма функционирования промышленного рынка, что позволит, в свою очередь, выделить и особенности инновационного.

Теоретические основы функционирования промышленного рынка

Под товарным рынком понимается совокупность институциональных соглашений (контрактов), в рамках которых происходит организованный обмен товарами и ресурсами между участниками, а их

действия регулируются не только ценами, но и структурными связями, институциональными формами и властными иерархиями.

Следует зафиксировать парадокс: при масштабном практическом значении для российской экономики промышленных рынков в российской экономической науке не существует четкого и устоявшегося определения данного понятия (табл. 1).

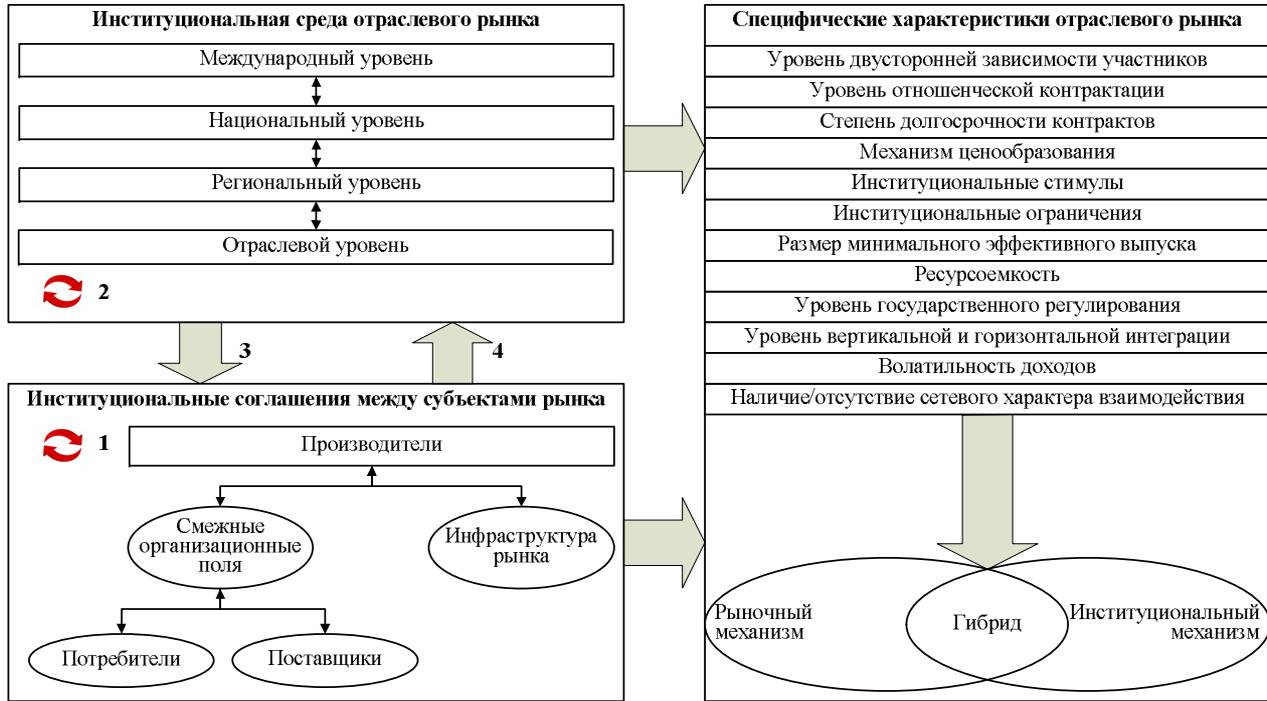
Т а б л и ц а 1

Подходы к трактовке понятия «промышленный рынок»

Теория (концепция)	Определение промышленного рынка	Сущность
Экономика промышленности	Товарный рынок, объектом продажи которого является промышленная продукция	Промышленный рынок приравнивается к рынку промышленной продукции
Теория отраслевых рынков	Рынок товаров необходимых для производства других продуктов	Промышленный рынок приравнивается к отраслевому рынку
Концепция маркетинга	Совокупность взаимоотношений между деятелями рынка, осуществляемых в границах определенной территории в определенный момент времени по поводу товаров производственного назначения	Промышленный рынок приравнивается к рынку товаров производственного назначения (рынок B2B)

Рассматривая промышленный рынок как один из видов товарного, к нему можно отнести рынки топлива, промышленного сырья, сельскохозяйственных и лесных товаров, т. е. рынки товаров производственного назначения. В маркетинге промышленные рынки подразделяют на рынки продукции производственно-технического назначения (сырье и материалы, полуфабрикаты, комплектующие изделия, взаимодополняющие детали, оборудование и пр.), рынки товаров народного потребления и рынки промышленных услуг. В теории отраслевых рынков понятие промышленного рынка отождествляют с отраслевым, т. е. с совокупностью предприятий подотрасли со взаимозаменяемыми благами.

Нами под промышленным рынком понимается товарный рынок, участники которого осуществляют производство промышленных видов продукции для других участников в цепи создания стоимости. Наше исследование акцентирует внимание на рынках тяжелой промышленности, в первую очередь машиностроения, металлургии и ТЭК, так как именно они составляют основу индустрии Уральского региона.

Механизм функционирования промышленного рынка

Исследование механизма функционирования промышленного рынка

Формирование сложных экономических систем, таких как промышленный рынок, предполагает наличие особого механизма взаимодействия, регулирования и координации его участников. Под механизмом функционирования промышленного рынка будем понимать взаимосвязанную совокупность функциональных и обеспечивающих элементов экономической системы, а также инструментов, используемых предприятиями на рынке, характеризующуюся устойчивыми связями, иерархией, различной спецификой и масштабом, воздействующую (прямо или косвенно) на формирование рыночных процессов и взаимодействие между субъектами рынка.

На основе схемы рыночных институциональных взаимодействий О. Уильямсона [5] нами предложена трехуровневая схема анализа рынка (см. рисунок).

Остановимся подробнее на элементах данного механизма и специфике его функционирования в целом (табл. 2).

Таблица 2

Специфические характеристики элементов механизма функционирования промышленного рынка

Блоки механизма	Составляющие	Специфические черты
Институциональная среда	Международный уровень	Промышленные рынки являются глобальными и ориентированы на экспорт
	Национальный уровень	Стратегия развития рынка во многом зависит от промышленной политики и государственных программ. Активное государственное регулирование таких рынков
	Региональный уровень	Концентрация предприятий в отдельных регионах. Зависимость индустриальных регионов от деятельности предприятий промышленности
	Отраслевой уровень	Значительные административные барьеры входа (лицензирование, сертифицирование продукции, необходимость получения разрешения на использование природных ресурсов, уплата отраслевых платежей)
Институциональные соглашения между субъектами рынка	Производители	Работа на рынках B2B. Крупные предприятия топливно-энергетического, металлургического и машиностроительного комплекса.

Блоки механизма	Составляющие	Специфические черты
		<p>Высокий порог минимального эффективного выпуска в результате значительных инвестиций в технологии и оборудование и длительный срок окупаемости инвестиций.</p> <p>Ярко выраженный технологический характер деятельности</p>
	Поставщики	<p>Количество поставщиков ограничено.</p> <p>Зависимость от поставщиков — владельцев сырьевой базы (природных ресурсов).</p> <p>Масштабность и долгосрочность портфеля заказов соглашений</p>
	Потребители	<p>Рынок B2B.</p> <p>Долгосрочное сотрудничество, часто ориентация в производстве на нужды конкретного потребителя.</p> <p>Профессионализм потребителей при выборе производителя.</p> <p>Малое количество покупателей, являющихся крупными игроками.</p> <p>Географическая концентрация в определенных районах</p>
	Инфраструктура рынка	<p>Серьезная зависимость при осуществлении инноваций от банковского сектора.</p> <p>Эффективность производителя часто зависит от транспортной инфраструктуры и логистических решений</p>

Особые связи между блоками механизма функционирования определяют уровень инновационного развития промышленного рынка. Так, связь 1 представляет собой взаимное влияние участников процессов, протекающих на промышленном рынке, влияющих на специфику институциональных соглашений. Взаимное влияние институциональных соглашений можно рассматривать для разных групп участников: прямых конкурентов, поставщиков производственных ресурсов и потребителей промышленных товаров, организаций инфраструктуры рынка.

Формирование *институциональных соглашений* на промышленном рынке имеет гибридную форму, что обуславливает следующие его характеристики:

1) возникновение двусторонней зависимости участников рынка, не требующее полной интеграции;

2) широкий спектр контрактных отношений между рыночными и внутрифирменными участниками, что соответствует неоклассической и отношенческой контрактации [6];

3) долгосрочные контрактные отношения, сохраняющие автономность сторон, но предполагающие создание транзакционно-специфических мер предосторожности, препятствующих оппортунистическому поведению участников;

4) квазирыночный механизм ценообразования, основанный на долгосрочных отношениях, институциональных ограничениях и стимулах участников взаимодействия.

Эти черты промышленного рынка становятся причиной того, что инновационное развитие одних участников рынка невозможно без развития других. Гибридный механизм координации обуславливает наличие мощных сетевых эффектов (как положительных, так и отрицательных). Такая организация рынка приводит к тому, что развитие одного участника рынка (например, производителя) невозможно без инноваций со стороны поставщиков и спроса на эти инновации со стороны потребителей.

Как отмечает О. А. Романова, инклюзивное развитие позволяет вовлекать менее развитые страны, различные социальные слои отдельных стран в формирование общего будущего [4, с. 66]. Представляется, что для инновационного развития промышленного рынка принципы инклюзивности (вовлеченности) всех участников являются также основополагающими.

В этой связи принципиально важным для экономического роста рынка будет блок «Институциональная среда», которая трактуется нами как совокупность норм и правил, регулирующих и определяющих механизм функционирования рынка в целом, а также уровень конкуренции и специфику взаимодействия основных участников институциональных соглашений. Именно институциональная среда определяет информационное и финансово-экономическое обеспечение инновационного развития экономики отдельных регионов и рынков [2]. Связь 2 представляет собой взаимное влияние различных уровней институциональной среды.

Связь 3 обусловлена влиянием институциональной среды на содержание и издержки заключения институциональных соглашений.

Связь 4 характеризует влияние институциональных соглашений, заключенных между участниками рынка, на институциональную среду. Так, контракты между участниками промышленного рынка (в особенности неформальные) зачастую направлены на изменение условий институциональной среды, что проявляется в лоббировании интересов производителей промышленных товаров на международном, национальном и региональном уровнях. Ресурсоемкие промышленные рынки имеют достаточно длительный срок окупаемости инвестиций, что затрудняет вход на них новых компаний. Некоторые рынки характери-

зуются волатильностью доходов, что говорит об отсутствии надежных источников капитальных вложений [3]. При этом такие рынки являются стратегически важными для институциональной среды, что, в свою очередь, дает предприятиям возможность диктовать определенные условия.

Таким образом, механизм функционирования промышленных рынков обладает рядом специфических черт, определяющих возможности его инновационного развития и экономического роста. Гибридная форма механизма функционирования промышленного рынка не требует от участников рынка полной интеграции, препятствует их оппортунистическому поведению и предполагает использование квазирыночного типа ценообразования.

Библиографический список

1. *Акбердина В. В.* Трансформация промышленного комплекса России в условиях цифровизации экономики // Известия Уральского государственного экономического университета. — 2018. — Т. 19, № 3. — С. 82–99.
2. *Бенц Д. С., Бархатов В. И.* Промышленный регион: потенциал роста Уральского федерального округа // Финансово-экономическое и информационное обеспечение инновационного развития региона : материалы Всерос. науч.-практ. конф. (Ялта, 14–16 марта 2018 г.). — Симферополь : Ариал, 2018. — С. 311–315.
3. *Кондратьев В. Б.* Минерально-сырьевые ресурсы как фактор глобальной конкурентоспособности // Мировая экономика и международные отношения. — 2010. — № 6. — С. 20–30.
4. *Романова О. А.* Стратегии социально-экономического развития регионов РФ в контексте вызовов цифровой экономики // Известия Уральского государственного экономического университета. — 2018. — Т. 19, № 3. — С. 55–68.
5. *Уильямсон О. И.* Экономические институты капитализма: фирмы, рынки, отношенческая контрактация. — СПб. : Лениздат; SEV Press, 1996. — 702 с.
6. *Menard C.* The economics of hybrid organizations // Journal of Institutional and Theoretical Economics. — 2004. — Vol. 160, no. 3. — P. 345–376.

Китайская модель развития старопромышленных регионов¹

Аннотация. Проблема старопромышленных регионов, ярко проявившаяся в Западной Европе и США во второй половине XX века, постепенно смещается в сторону азиатских государств, в частности Китая. В статье рассмотрены особенности формирования, индустриализации и развития старопромышленных территорий Китая на примере северо-востока КНР. Выявлена зависимость экономического состояния региона от ключевого вектора федеральной политики страны. Определены этапы экономического развития северо-восточных территорий КНР в контексте проводимой государством экономической политики. Определена роль государства в становлении, развитии и ревитализации экономики старопромышленных регионов Китая.

Ключевые слова: Китай; Маньчжурия; промышленная политика; региональная экономика; старопромышленный регион.

В экономической литературе проблема старопромышленных регионов (СПР) традиционно рассматривается с позиции развития бывших ведущих промышленных центров Западной Европы (Рур, Глазго, Манчестер, Лилль, Бильбао) и США (Детройт, Питтсбург, Чикаго). Между тем, экономический рост и процессы глобализации заметно усилили конкуренцию в мировой экономике и проявились в смещении производственных центров из развитых стран в развивающиеся. Результатом стало возникновение старопромышленных регионов в ряде азиатских государств, включая Китай.

Старопромышленные территории КНР сосредоточены на северо-востоке страны (Дунбэй), также известно как Маньчжурия и состоящем из трех провинций: Ляонин, Хэйлуцзян и Цзилинь. С середины XIX века в разное время регион находился под влиянием России, Японии и самого Китая. Свои интересы здесь продвигали также Корея и Великобритания. Под контроль КНР территория окончательно перешла после завершения Второй мировой войны и именно с этого периода, абстрагируясь от предшествующих внешнеполитических аспектов, целесообразно рассматривать экономическое развитие региона.

Одной из отличительных черт китайской экономики, как известно, выступает ведущая роль государства. В этом отношении северо-восточные территории не отличались от остальных районов страны. Характер проводимой национальными властями государственной политики позволяет достаточно точно определить основные этапы развития СПР Китая. Их краткая характеристика с указанием особенностей политического вектора каждого периода и его влияния на экономическое состояние Северо-Восточного региона представлена в таблице.

¹ Статья подготовлена в рамках гранта РФФИ (проект № 18-010-00056).

Этапы развития старопромышленных регионов Китая

Этап	Особенности политики, затрагивающей СПР	Влияние на СПР	Характеристика
1. Развитие	Централизация 1949–1976 гг.: <ul style="list-style-type: none"> ◦ «Большой скачок» (The Great Leap Forward); ◦ 1-й и 2-й пятилетние планы; ◦ привлечение помощи СССР; ◦ программа перемещения предприятий на север региона 	Северо-Восток становится наиболее промышленно развитым регионом страны	За 1952–1975 гг. валовый продукт Северо-Восточного региона вырос почти в 4,9 раза — с 8,4 млрд до 41,5 млрд юаней (13,86 % национального уровня)
2. Стагнация	Политика нелиберализма 1976–2002 гг.: <ul style="list-style-type: none"> ◦ реформирование государственных предприятий; ◦ акцент на развитие прибрежных регионов; ◦ программа развития западных регионов страны 	Снижение показателей социально-экономического развития. Рост социальной напряженности	Доля региона в ВВП Китая упала до 9,51 % к 2002 г. Более 60% валового продукта региона производилось убыточными государственными корпорациями
3. Восстановление	Период реструктуризации 2003–2013 гг.: Программа поддержки развития Северо-Восточных регионов	Поиск альтернативных сценариев. Восстановление притока ПИИ	В 2010 г. компания Intel вложила 2,5 млрд дол. в строительство завода по производству чипов
4. Кризис	Концепция Экономического пояса Шелкового пути (ЭПШП) 2013 г. — настоящее время: <ul style="list-style-type: none"> ◦ акцент на развитие западных регионов страны; ◦ устранение избыточных производственных мощностей 	Обострение социальной напряженности. Сокращение рабочих мест в промышленности	В феврале 2016 г. Китай заявил о намерении сократить 1,3 млн рабочих мест в угольном секторе и 500 тыс. в сталелитейной отрасли. Это обострило недовольство населения. Так, в феврале 2016 г. в Китае прошло свыше 1 000 митингов и забастовок

Примечание. Составлено по: [1; 4]. См. также: *Back in the cold* // The Economist. — 2014. — December 30. — URL : <http://www.economist.com/news/china/21637449-after-promising-signs-renaissance-chinas-old-rustbelt-suffers-big-setback-back-cold>; *Reforming the north-east: Rust-belt revival* // The Economist. — 2012. — June 12. — URL : <http://www.economist.com/node/21556988>; *Yan S. China plans to cut 1.8 million coal and steel jobs* // CNN Money. — 2016. — February 29. — URL : <http://money.cnn.com/2016/02/29/news/economy/china-steel-coal-jobs/index.html?iid=EL>.

После прихода в Китае к власти коммунистической партии основные усилия нового правительства были направлены на создание мощной промышленной базы. В этом контексте Северо-Восточный регион, унаследовавший оставшийся после японской оккупации высокий промышленный потенциал, а также железнодорожную и портовую инфраструктуру, созданную с участием российской стороны еще в начале XX века, представлял собой оптимальную площадку для ускоренной индустриализации. Не последнюю роль в процессе реструктуризации и формирования производственных мощностей в регионе сыграла помощь со стороны СССР, посредством сотрудничества с которым в КНР во время 1-го и 2-го пятилетних планов было создано около 300 промышленных предприятий [1]. На реализацию поставленной задачи власти направили существенное количество инвестиций. Например, в 1952 г. на регион приходилось 34 % всех внутренних инвестиций в стране, при этом почти 70 % из них поступали в провинцию Ляонин [1].

За счет привлечения советских технологий, кадров и финансовых средств, а также посредством активной политики властей КНР за сравнительно короткий срок удалось достичь существенных успехов в развитии промышленной базы Дунбэя. К концу первого рассматриваемого этапа развития СПР ВРП региона увеличился почти в пять раз по отношению к результатам 1952 г. [2]. Его основу составляли металлургия, машиностроение, химическая и текстильная промышленность, а также производство продуктов питания.

Начавшиеся во второй половине 1970-х годов рыночные реформы существенно осложнили положение старопромышленных территорий и ознаменовали начало второго этапа их экономического развития. Акцент региональной политики властей сместился к прибрежным районам Китая, активно развивающимся за счет увеличения объемов международной торговли и транспортных перевозок. Действия правительства республики, ориентированные на переход к рыночным отношениям, в первую очередь привели к ухудшению состояния государственных предприятий, оказавшихся неспособными конкурировать с частным сектором на рыночных условиях. Между тем Северо-Восточный регион гораздо больше, чем другие территории страны, зависел от деятельности государственных корпораций, на которые приходилось около двух третей ВРП Дунбэя [4]. Сопровождающее этот процесс сокращение рабочих мест обострило социальную напряженность в регионе и спровоцировало забастовки, особенно в угольной промышленности.

Местное руководство, неспособное справиться со сложившейся ситуацией, неоднократно обращалось за помощью к национальным

властям, однако их просьбы получили ответ только в 2003 г. с принятием программы возрождения Северо-Востока, положившей начало третьему этапу. Программа была разработана почти сразу после утверждения аналогичного документа в отношении западных регионов страны и стала частью масштабной концепции сбалансированного регионального развития, призванной уравновесить социально-экономическое состояние регионов. В рамках программы власти республики основное внимание уделили реконструкции промышленных предприятий, привлечению иностранных инвестиций и развитию приграничных торговых зон. Кроме того, восстановлению региона во многом способствовал высокий внутренний стабильный спрос на продукцию основных отраслей специализации СПР, а также политика поиска альтернативных сценариев развития и создания новых отраслей промышленности (например, в г. Фусине).

Посредством активных мер национальных властей к 2013 г. удалось снизить долю государственных предприятий в ВВП региона до 50 % (при среднем по стране уровне 30 %). При этом к наиболее важным результатам проводимой политики можно отнести достижение невероятных темпов роста ВРП. В период 2008–2012 гг. экономика региона росла в среднем на 12,4 %, что гораздо выше общенациональных темпов роста¹.

Тем не менее, как показали последующие события, принятые меры не решили структурных проблем региона и лишь отсрочили более глубокий кризис на северо-востоке страны. Промышленность оставалась основным локомотивом роста региона, ее доля в ВРП к 2013 г. увеличилась до 50 % (с 47 % в 2003 г.)². Катализатором второй волны кризиса в Дунбэе стало общее замедление темпов роста китайской экономики. Власти республики приняли решение стимулировать экономический рост за счет концепции Экономического пояса Шелкового пути и Морского Шелкового пути, ориентированной на развитие внешних торговых контактов. При этом ЭПШП направлен на стимулирование роста западных регионов страны, а в рамках идеи морского пути преобладающее значение имеют прибрежные регионы, что существенно снижает инвестиционную привлекательность традиционных индустриальных районов Северо-Востока.

Ситуацию обострило объявленное в феврале 2016 г. намерение Китая устранить избыточные производственные мощности в сталелитейной и угледобывающей отраслях промышленности, являющихся

¹ *Back in the cold*// The Economist. — 2014. — December 30. — URL : <http://www.economist.com/news/china/21637449-after-promising-signs-renaissance-chinas-old-rustbelt-suffers-big-setback-back-cold>.

² *Ibid.*

специализацией Дунбэя. Заявленное сокращение приведет к утрате в течение пяти лет в общей сложности 1,8 млн рабочих мест в промышленности, из них 1,3 млн — в угольном секторе. Это составляет 20 % всех рабочих мест в угледобыче¹.

Политика национальных властей вызывает крайне негативную реакцию как в регионе в целом, так и в рамках отдельных территорий. Так, в городском округе Шуанъяшань провинции Хэйлуцзян крупная государственная угледобывающая компания Longmai намерена сократить 100 тыс. рабочих мест из 240 тыс. существующих². К моменту написания статьи ситуацию в регионе удалось несколько стабилизировать. Число забастовок сократилось с 37 в начале 2016 г. до 2 в марте 2017 г.³, однако внутренние проблемы региона властям еще предстоит решить.

Впрочем, в рамках развития отдельных территорий в северо-восточных районах Китая есть и положительные примеры успешной ревитализации СПР. Один из них — городской округ Фусинь в провинции Ляонин, также традиционно специализировавшийся на угольной промышленности. Столкнувшись с обострением социальной напряженности еще во второй половине 1990-х годов, местные власти активно лоббировали интересы района в высших инстанциях и смогли привлечь внимание национальных властей на проблемы округа.

В целях оздоровления Фусина было принято решение сделать акцент на развитии альтернативных отраслей промышленности. Такой отраслью, ввиду особенностей географического положения региона, стала энергетика, основанная на ветряных мельницах. Проект развития данной сферы в Фусине поручили крупнейшей государственной компании по использованию энергии ветра China Huaneng [3].

Несмотря на то что данный сценарий развития был решением национальных властей, его реализация не была бы успешной без «энтузиазма» и активного содействия со стороны местного руководства. В частности, в целях поддержки Huaneng местные власти создали предприятие Wind Power Taskforce для предоставления инвестору требуемых общественных услуг [3]. Дополнительный импульс проект Фусина получил в 2009 г., когда сразу 5 государственных корпораций,

¹ Yan S. China plans to cut 1.8 million coal and steel jobs // CNN Money. — 2016. — February 29. — URL : <http://money.cnn.com/2016/02/29/news/economy/china-steel-coal-jobs/index.html?iid=EL>.

² Labour unrest // The Economist. — 2016. — March 19. — URL : <http://www.economist.com/news/china/21695091-large-protests-miners-augur-ill-governments-reform-plans-deep-pit>.

³ In China's Rustbelt Towns, Displaced Coal and Steel Workers Lose Hope // Fortune. — 2017. — March 6. — URL : <http://fortune.com/2017/03/06/china-rustbelt-steel-workers>.

связанных с использованием энергии ветра, решили инвестировать в ее развитие на территории городского округа¹. В результате мер, принятых национальным правительством и дополненных усилиями местных властей, мощности городского округа по производству электроэнергии увеличились с 49 МВт в 2005 г. до 2094 МВт в 2011 г. [3].

Таким образом, индустриализация и развитие китайских СПР пришлось на вторую половину XX века и стали результатом активной государственной политики. Тем не менее ведущая роль государства не помогла СПР Китая избежать промышленного спада, а высокая зависимость региональной экономики от действий федеральных властей стала одной из причин ее низкой адаптивности. В результате китайские СПР, несмотря на заметные отличия в сроках индустриализации и особенностях экономической модели, во многом повторяют путь, пройденный ранее старопромышленными регионами Европы и США.

Библиографический список

1. *Александрова В. М.* Экономика Северо-Восточного Китая и советская помощь КНР в 50-х годах XX века // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. — 2013. — № 18. — С. 326–348.

2. *Лукьянова Е. Л.* Изменение роли северо-восточного Китая в экономическом развитии страны за последние 55 лет // География и природные ресурсы. — 2009. — № 3. — С. 157–160.

3. *Hu X. H.* State-led path creation in China's rustbelt: the case of Fuxin // *Regional Studies, Regional Science*. — 2014. — Vol. 1, no. 1. — P. 294–300.

4. *Hu X., Hassink R.* New Perspectives on Restructuring of Old Industrial Areas in China: A Critical Review and Research Agenda // *Chinese Geographical Science*. — 2017. — Vol. 27, no. 1. — P. 110–122.

¹ *Yan S.* China plans to cut 1.8 million coal and steel jobs // *CNN Money*. — 2016. — February 29. — URL : <http://money.cnn.com/2016/02/29/news/economy/ china-steel-coal-jobs/index.html?iid=EL>.

А. А. Мальцев

Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург

Экспортные возможности среднего бизнеса уральской промышленности: рейтинговая оценка¹

Аннотация. Предпринята попытка провести сравнительный анализ вклада среднего бизнеса в ВВП России и ведущих западных стран. Исследована эволюция развития среднего предпринимательства промышленности Свердловской области в ретроспективе 2003–2016 гг. Подтверждена малочисленность и нестабильность индустриального звена среднего бизнеса. Выявлено усиление доминанты оптово-розничного торгового звена в среднем предпринимательстве региона и страны в целом. Установлена важная особенность развития производственного сектора среднего бизнеса, заключающаяся в опережающей совокупность крупных предприятий динамике роста. Проведен анализ рейтингов экспортеров журнала «Эксперт-Урал» за 2008–2016 гг. Показано, что при небольшом вкладе малых и средних предприятий в общеуральский экспорт (1–2%) для тех из них, кто попадал в соответствующие рейтинги, поставки за рубеж играли определяющую в бизнес-стратегии роль, обеспечивая от минимальных 24,4 % до максимальных 100 % годовой выручки от реализации, что настоятельным образом требует активизации соответствующего комплекса мер государственной поддержки.

Ключевые слова: крупные предприятия; малое и среднее предпринимательство; промышленность; рейтинг; Свердловская область; средний бизнес; экспорт.

Системообразующая роль среднего бизнеса (СБ) в экономике многогранно подтверждена мировой практикой. Так, в Италии на средние предприятия (СП) приходится 21 % совокупной выручки всех фирм страны, а на крупные (КП) — 45 %, в Швеции — 39 и 44 % соответственно, в Японии (в промышленности) соотношение получилось 25:32. В США, правда, перевес КП (53 % ВВП) оказался значительно большим (13 % ВВП у СБ) [1, с. 36].

Как же обстоят дела в этом плане в России? Здесь прежде всего следует заметить, что квалиметрирование категории «среднее предприятие» в российском законодательстве впервые произошло только в 2007 г. с принятием Федерального закона от 24 июля 2007 г. № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации». Что касается оценки вклада именно СБ в российский ВВП, то главная заминка будет состоять в особенностях методологических подходов российской статистики, которая феномен «малого и среднего предпринимательства» (МСП) не разграничивает на малое и среднее, при этом замыкая весь поток сводимой статистической ин-

¹ Статья подготовлена при поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-010-00056 «Оценка экспортных возможностей среднего бизнеса старопромышленных регионов России в условиях новой индустриализации».

формации на малый бизнес (МБ)¹. Поэтому приходится обращаться к оценкам экспертов. По данным «Опоры России», например, вклад МСП в российский ВВП за 2016–2017 гг. увеличился с 19,5 до 21,5 % против, для сравнения, более 50 % во многих развитых странах [5, с. 24]. Собственно же средний бизнес по выручке от реализации товаров, как подсчитали аналитики журнала «Эксперт», совсем немного уступал КБ: 44,4 против 55,6 % [1, с. 34] (правда, по расчетам, выполненным по итогам 2006 г.).

Вообще-то первый в России проект «Средний бизнес — основа будущего роста» журнал «Эксперт-Урал» инициировал еще в начале 2000-х годов. Впервые составленный рейтинг «300 лидеров среднего бизнеса Урала» дал основания говорить о среднем бизнесе как «основном потенциале экономики» [11], позволил определиться с главными вызовами и обозначить перспективные направления развития СБ региона. Небезынтересно, что «входным билетом» в клуб Топ-300 СП Большого Урала (7 регионов Урала плюс Тюменская область) стали 300 млн р. годовой выручки за 2003 г. Кстати, именно этот «порог отсечения» чуть позднее журнал «Эксперт» выбрал для первого общероссийского обследования существовавших к тому моменту не менее трех лет 13 тыс. средних компаний страны (исключив из перечня компании нерыночного типа: унитарные предприятия, некоммерческие партнерства, ликвидационные компании, пр.) [1]. С выбранным параметром «Эксперт» в принципе не промахнулся: 22 июля 2008 г. правительство РФ впервые утвердило предельные значения выручки от реализации товаров за предшествующий календарный год (без НДС) для СП в диапазоне 400–1000 млн р.²

Вместе с тем с выхода «в свет» первого уральского рейтинга лидеров СБ прошло 15 лет. Попытку поближе рассмотреть структурно-динамические сдвиги, происходящие непосредственно в сегменте СП на современном этапе, мы предприняли на примере промышленного сектора (добыча полезных ископаемых и обрабатывающие производства) Свердловской области, взяв за контрольные точки 2008 г. (год первой «оцифровки» количественных параметров среднего бизнеса российским правительством) и 2016 г. (год, по которому на середину 2018 г. — момент подготовки настоящей публикации — в «СПАРК

¹ См., например: Российский статистический ежегодник (за соответствующие годы), раздел 14 «Предприятия и организации» с подразделами «Общая характеристика предприятий и организаций», «Малое предпринимательство», «Индивидуальное предпринимательство».

² *О предельных значениях выручки от реализации товаров (работ, услуг) для каждой категории субъектов малого и среднего предпринимательства* : постановление Правительства РФ от 22 июля 2008 г. № 556.

Интерфакс», как главном официальном источнике информации, имелась наиболее полная статотчетность отечественных предприятий)¹.

В развитие отдельных положений хотелось бы обратить внимание на ряд моментов. Во-первых, подтверждается малочисленность и нестабильность «индустриального» эшелона СБ. Если в 2003 г. в первый рейтинг Топ-300 средних предприятий Урала попали 38 СП, представлявших промышленность (из 94), из которых к 2016 г. свой статус смогли подтвердить или улучшить, перейдя в категорию КП, ровно 20 (52,6 %), то из нами подготовленного рейтинга Топ-83 по итогам 2008 г. к 2016 г. свою «успешность» сохранили 35 (28 средних плюс 7 хозяйствующих единиц, поднявшихся ступенькой выше в сегмент КП, или 42,2 %). Конечно, эти данные ни в какое сравнение не идут с показателями «смертности» малого бизнеса: только 3–5 % МП в РФ живут более трех лет, а большинство исчезает в первый год [3]. Однако вопросы, что называется, остаются. Тем более что массив СП в общем количестве действующих бизнес-структур в 2008–2016 гг. стабильно снижался и в РФ (с 0,55 до 0,39 %), и в Свердловской области (с 0,59 до 0,33 %) (табл. 1).

Таблица 1

**Изменение организационной структуры
важнейших секторов экономики
Российской Федерации и Свердловской области
в динамике 2008–2016 гг., количество предприятий, ед.**

Показатель	Российская Федерация			Свердловская область		
	2008	2016	2016/2008	2008	2016	2016/2008
Компании, всего	1 600 000	3 700 000	2,31	48 059	129 670	2,70
В том числе:						
средние	8 754	14 503	1,66	283	419	1,48
крупные	6 577	9 229	1,40	204	248	1,22
Промышленность, всего	131 791	298 261	2,26	4 095	11 128	2,72
В том числе:						
средние	2 229	2 828	1,27	83	99	1,19
крупные	1 974	2 446	1,24	97	92	0,95
Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство, всего	82 342	115 604	1,40	1 560	2 425	1,55
В том числе:						
средние	217	389	1,79	5	7	1,40
крупные	66	186	2,82	3	4	1,33

¹ С главными результатами исследования можно будет ознакомиться в журнале «Известия Уральского государственного экономического университета» [7].

Окончание табл. 1

Показатель	Российская Федерация			Свердловская область		
	2008	2016	2016/2008	2008	2016	2016/2008
Торговля оптовая и розничная; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования, всего	360 158	1 100 000	3,05	11 698	42 798	3,66
В том числе:						
средние	3 182	6 735	2,12	102	198	1,94
крупные	2 289	3 687	1,61	58	96	1,66
Наука, всего	15 645	30 134	1,94	414	941	2,27
В том числе:						
средние	171	185	1,08	12	5	0,42
крупные	116	178	1,53	2	3	1,50

Примечание. Данные справочно-информационной системы СПАРК.

Во-вторых, доминанта оптово-розничного торгового звена в среднем предпринимательстве в условиях деиндустриализации удивления, естественно, не вызывает. В 2003 г. 43 СП в торговле от Свердловской области составляли 45,7 % от общей квоты региона в Топ-300, а в 2016 г. «торг-представительство» возросло до 47,3 % (см. табл. 1). Как не секрет и то, что не крупный бизнес в производственную сферу практически не идет. Среди всех компаний МСБ РФ в 2018 г. производством занимались только 5,5 %, а в Свердловской области — 6 % [5, с. 25]. По понятным причинам доля СП (в названных выше секторах промышленности и сельском хозяйстве) оказалась еще скромнее, имея, ко всему прочему, ярко выраженную «склонность» к сжатию. Так, в РФ удельный вес производственных СП за 2008–2016 гг. в общем количестве действовавших на 31 декабря соответствующего года неликвидированных предприятий сократился с 0,15 до 0,09 %, а в Свердловской области — с 0,18 до 0,08 %.

В-третьих, производственный сектор СБ наполняют быстрорастущие компании, чья динамика превосходит рост КП, не говоря уже о ВВП в целом (табл. 2). В целом ряде отраслей (пищевой, химической, промышленности строительных материалов, отдельных подотраслях машиностроения) именно СП начинают задавать темы и «подсказывать» контуры новой экономики. Впрочем, ограниченность внутреннего спроса будет со всей очевидностью «выталкивать» СП вовне своего региона, в том числе за границу.

С этой точки зрения практический интерес представляет оценка сегодняшних экспортных возможностей промышленных СП. Воспользоваться базой данных «СПАРК-Интерфакс» на этот раз невозможно, так как данный ресурс экспортной отчетностью предприятий не распо-

лагает. Поэтому мы решили проанализировать материалы рейтингов лучших экспортеров Большого Урала, которые журнал «Эксперт-Урал» готовит с 2002 г.¹ Возьмем для сравнимости² соответствующие рейтинги за 2008 г. [2] и 2016 г. [9].

Т а б л и ц а 2

**Среднегодовые темпы прироста выручки от реализации (без НДС)
средних предприятий в разрезе отраслей промышленности
Свердловской области**

Отрасль промышленности	Выручка в расчете на 1 СП отрасли, млн р.		Темпы прироста выручки, 2008–2016 гг., %
	2008*	2016*	
Цветная металлургия	534,1	1 250,7	11,2
Ремонт машин и оборудования	587,6	1 333,7	10,8
Промышленность металлоконструкций	617,4	1 227,0	9,0
Химическая и нефтехимическая промышленность	602,3	1 183,9	8,8
Пищевая промышленность	670,7	1 253,3	8,1
Медицинская промышленность	485,3	899,0	8,0
Машиностроение и металлообработка	708,2	1 278,4	7,7
Лесная и целлюлозно-бумажная промышленность	588,5	1 059,7	7,6
Черная металлургия	728,3	1 259,7	7,1
Промышленность строительных материалов	644,6	1 036,2	6,1
Выручка в среднем на 1 СП Свердловской области, млн р.	638,9	1 218,2	8,4
Выручка в среднем на 1 КП Свердловской области, млн р.	8 094,6	14 553,4	7,6

Примечание. * Рассчитано по: Данные справочно-информационной системы СПАРК, в текущих ценах.

Что мы имеем в «сухом остатке»? В 2008 г. в рейтинг лучших уральских экспортеров от Свердловской области попали 20 КП и 6 КП в качестве филиалов федеральных холдингов, 4 СП (ООО «СЕАЛ и К», ООО «Тавдинский фанерный комбинат», ООО «УралЦветЛит» и ОАО «Уралбурмаш»), а также 2 МП (ООО «УЭМ-ЭККА» и ООО «ПК Ирбитский мотоциклетный завод»). По итогам 2016 г. расстановка сил в стане элиты уральского экспорта для среднеуральского промышленного бизнеса почти не изменилась: 9 КП вошли в список лучших, что называется, «напрямую», 16 — в числе подразделений федеральных

¹ Уральский экспорт: Топ-100 // Эксперт-Урал. — 2002. — № 32. — С. 18–25.

² О сравнимости в «чистом» виде речь не идет. Например, в рейтинге 2016 г. значительный массив «экспортной» информации в агрегированном виде «заведен» на группу предприятий («Группа УГМК», «Группа Русская медная компания», др.). Нас в данном контексте больше интересует представление в рейтинге некорупного бизнеса.

холдингов, количество СП осталось прежним (ООО «Уральская свинцовая компания», ООО «ЭКО-Групп», АО «Уралгидромаш» и ООО «СЕАЛ и К»), а МП — приросло на единицу (ООО «ПК Ирбитский мотоциклетный завод», ООО «Лестех» и ООО «Серовлес»). При этом усредненный объем годовой выручки одного МСБ-экспортера Свердловской области за 2008–2016 гг. снизился с 11,1 до 7,3 млн дол., а «порог» входа в «клуб» экспортеров — с 7,1 до 3,2 млн дол. Отчасти здесь могло сказаться влияние санкций, давление которых на КП, понятно, сильнее. Однако, скорее всего, дело объясняется непредставлением данных многими серьезными участниками внешнеэкономической деятельности. Как иначе объяснить, например, полное отсутствие в списке ведущих экспортеров региона за 2016 г. трубных предприятий Среднего Урала.

В принципе, положение дел в экспортном секторе Свердловской области почти один-в-один дублирует общеуральскую ситуацию, где на сегмент МСБ приходится 1,5 % суммарной экспортной выручки, а основной вклад в ее наполнение внесли лесной подкомплекс (26 %) и цветная металлургия (25 %) [10]. Только на Среднем Урале (по итогам 2016 г.) эти отрасли поменялись местами: у «цветмета» — 35,7 % экспортных поставок МСБ, а у «лесников» — 37,1 %. Примечательно, что и в 2008 г., и в 2016 г. для малых и средних предприятий, попадавших в рассматриваемые рейтинги, экспорт играл определяющую в бизнес-стратегии роль, обеспечивая от минимальных 24,4 % общей выручки у «Уралбурмаш» (2008 г.) до 100 % у «СЕАЛ и К» (2008 г.), «Серовлес» (2016 г.) или почти 100 % у «УЭМ-ЭККА» (98 % в 2008 г.), «ПК Ирбитский мотоциклетный завод» (91,3 % в 2016 г.).

Не может не обнадеживать наметившееся в последнее время расширение рядов МСП-экспортеров. За 2014–2017 гг. их количество в целом по стране утроилось и достигло 30 114. За один 2016 г. рост составил 86 % [6]. Кстати, в рассматриваемой нами Свердловской области, по данным Уральского таможенного управления, из примерно 700 экспортеров 500 отнесены к категории МСП с долей несырьевого экспорта в их зарубежных отгрузках свыше 60 % [4]. Постепенно обустраивается система государственной поддержки МСП-экспортеров, ядро которой составляет курируемый Минэкономразвития РФ Российский экспортный центр и создаваемые с 2011 г. региональные центры поддержки экспорта (ЦПЭ). Возвращаясь к нашему объекту исследования, можно отметить, что по итогам 2017 г. Свердловский центр занял первое место в РФ среди 53 функционирующих на тот период ЦПЭ¹. Вот только объемы господдержки (в 2017 г. в Свердловской об-

¹ *Свердловский* Центр поддержки экспорта признан лучшим в стране // Эксперт-Урал. — 2018. — № 6–7. — С. 7.

ласти в различных ее формах 20 тыс. субъектов МСП, или каждый десятый, получили содействие на общую сумму 8 млрд р., или по 40 тыс. р. усредненно «на круг») оставляют желать лучшего. Хотя что уж говорить об отдельном регионе, если профильная программа развития малого и среднего предпринимательства Минэкономки России на 2014–2017 гг. финансировалась по нисходящей, начиная с 19,4 млрд р. в 2014 г. и заканчивая – с ежегодным урезанием — минимальными 7,5 млрд р. в 2017 г. [8]. Не может не радовать в этом плане, что в новом национальном проекте «Малое и среднее предпринимательство», предусмотренном Указом Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204, в качестве самостоятельной задачи зафиксирована «модернизация системы поддержки экспортеров, являющихся субъектами малого и среднего предпринимательства, включая индивидуальных предпринимателей, увеличение доли таких экспортеров в общем объеме несырьевого экспорта не менее чем до 10 %»¹.

Библиографический список

1. *Виньков А., Турова Т., Полунин Ю., Юданов А.* Делать средний бизнес // *Эксперт*. — 2008. — № 10. — С. 32–77.
2. *Гладкова И.* Пир перед чумой // *Эксперт-Урал*. — 2009. — № 37. — С. 30–46.
3. *Дашковский И.* Государство душит, оно же спасает // *Коммерсантъ*. — 2018. — 18 апр.
4. *Кобер П.* Гонки в пустыне // *Эксперт-Урал*. — 2017. — № 34–35. — С. 23.
5. *Кобер П.* Займитесь делом // *Эксперт-Урал*. — 2018. — № 6–7. — С. 24–26.
6. *Краснова В.* Они не гордые // *Эксперт*. — 2018. — № 14. — С. 33.
7. *Мальцев А. А., Мальцева В. А.* Средний бизнес промышленности Свердловской области: динамика роста и структурные сдвиги в постсанкционный период // *Известия Уральского государственного экономического университета*. — 2018. — Т. 19, № 6 (в печати).
8. *Николаева Д.* Малый бизнес не украсило отсутствие денег // *Коммерсантъ*. — 2018. — 8 авг.
9. *Перечнева И., Мозильникова А.,* На круги своя // *Эксперт-Урал*. — 2017. — № 17. — С. 26–27.
10. *Ульянова Е., Перечнева И.* Окна не открываются // *Эксперт-Урал*. — 2018. — № 16–18. — С. 32.
11. *Ханафиева С., Толмачев Д.* Уступи дорогу // *Эксперт-Урал*. — 2004. — № 46. — С. 38–57.

¹ О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 г. : указ Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204.

Достижение аллокативной эффективности при оптимизационном планировании производственной программы промышленной компании (случай уральской промышленной компании)

Аннотация. Рассматривается построение и адаптация стандартных моделей оптимизации производственной программы при условии достижения аллокативной эффективности на примере уральской промышленной компании АО «Сталепромышленная компания». Уточнено понятие аллокативной эффективности для целей оптимизационного планирования. Проведен анализ условий, ограничений, целевой функции и переменных для построения модели производственной программы промышленной компании. По верифицируемым характеристикам крупной уральской промышленной компании сформулирована модель оптимизации производственной программы на основе линейного программирования по критерию аллокативной эффективности распределения ресурсов производственной системы и проведено тестирование разработанной оптимизационной модели. Путем расчета оптимизационной модели производственной программы выпуска ключевых видов металлопродукции и ее практического применения на предприятии показана адекватность разработанной модели и получены положительные экономические результаты, которые позволяют достичь аллокативной эффективности в деятельности промышленной компании.

Ключевые слова: производственная программа; ключевые ресурсы; промышленная компания; оптимизационное планирование; аллокативная эффективность.

Известно, что оптимизационное планирование производственной программы промышленной компании представляет собой процесс составления планового задания по объему и номенклатуре производимой продукции, которое предприятие в состоянии выполнить и которое является наилучшим из всех возможных вариантов в соответствии с заданными критериями оптимальности, целями и возможностями. Модели построения и оптимизации производственной программы сравнительно хорошо известны и разработаны. Среди публикаций, представляющих научный и практический интерес в этой области планирования, можно выделить исследования Л. В. Канторовича, положившего основы оптимизационного планирования, а также работы В. И. Данилина, А. М. Ковалевского, В. В. Титова, А. В. Коробкина, М. Н. Васильева, В. Ф. Соболева, Б. И. Герасимова, А. М. Миклашевского, Н. Б. Мироносца, И. Мула, В. Стивенсона и др. [1; 2; 3; 5; 11; 12 и др.].

Решение задачи оптимизации производственной программы начинается с обоснования выбора критерия оптимальности, определения целевой функции и ограничений для данного типа системы [4; 6; 7]. В каждом конкретном случае возникает проблема выбора адекватной условиям деятельности промышленной компании модели оптимиза-

ции, а затем ее адаптации к ситуации конкретного предприятия. Кроме того, при выборе и построении модели оптимизации производственной программы возникают сложности поиска эффективного распределения и использования ключевых ресурсов предприятия, доходности, пропорциональности и структурированности производимой продукции и т. д. Ответы на эти и другие вопросы определяют формулировку задачи оптимизации производственной программы и влияют на получаемое оптимальное решение.

Как правосудие в юридической области, здоровье в медицине, так и эффективность является ключевым понятием в экономике и управлении промышленными компаниями. Среди разнообразных аспектов, раскрывающих суть категории «эффективность», возможно, на первом месте находится понимание эффективности как наилучшего способа распределения ключевых ресурсов компании — так называемой *аллокативной эффективности*. Данный вид эффективности предполагает, что распределение ключевых ресурсов для осуществления деятельности компании, отрасли и экономической системы в целом должно быть таким, чтобы они использовались с наибольшей отдачей. Иными словами, аллокативная эффективность — это оптимальная комбинация ограниченных ключевых ресурсов для производителя, в результате чего выпускается именно тот набор товарных позиций, который наилучшим образом соответствует структуре потребительского спроса и интересам клиентов. Это достигается в тех случаях, когда уровень всех рыночных цен и прибыли соответствует реальным затратам ключевых ресурсов на производство продукции [8; 9; 10].

АО «Сталепромышленная компания» — крупное промышленное предприятие Уральского региона, основным направлением деятельности которого является производство серийной металлической продукции (металлическая лента, металлический профиль и т. п.). Предприятие характеризуется достаточно сложным технологическим процессом, причем зачастую одни и те же ключевые ресурсы используются на нескольких направлениях. Производственная деятельность носит преимущественно серийный характер, существуют нормативы переменных затрат (материальных и трудовых) по всем видам производимой продукции. Кроме того, предприятие отличается сравнительно большим весом постоянных и накладных расходов, а общехозяйственный и общепроизводственный персонал составляет больше половины общего количества работников предприятия. Однако в настоящее время по ряду причин потребовалось применение инструментария оптимизационного планирования для составления производственной программы. Во-первых, неполная и неравномерная загрузка производственных

мощностей предприятия (общее использование технологического оборудования составляет в среднем 60 %). Во-вторых, несбалансированное производство отдельных товарных групп металлопродукции (например, перевыполнение плана по товарной группе «Профиль» и «Лента» и невыполнение планового задания по товарной группе «ПВЛ» и «Сетка»). В-третьих, в течение последнего времени снижение чистой прибыли (за 2015–2017 гг. более 33 %).

С одной стороны, для данного предприятия оптимизация производственной программы важна из-за сложности и многовариантности управленческих решений, с другой стороны, особенности предприятия позволяют в полной мере применять научно обоснованные методы оптимизационного планирования производственной программы.

В связи с этим были выявлены верифицируемые характеристики предприятия, а затем на их основе разработана модель оптимизации производственной программы путем решения задачи линейного программирования, включая выбор переменных, установление ограничений и построение целевой функции¹. Оптимизационное планирование производственной программы для многих промышленных предприятий, и в частности АО «Сталепромышленная компания», ввиду неопределенности перспектив и постоянного изменения всех факторов среды возможно только в виде составления планов-прогнозов в краткосрочном периоде, что и предопределило выбор модели оптимизации сроком на один год с поквартальной разбивкой.

В качестве целевой функции рассматривалось выполнение производственного задания по объему и номенклатуре металлопродукции для внутренних потребителей — подразделений холдинговой компании при условии оптимального распределения и использования имеющихся ключевых ресурсов. Соответственно, в качестве критерия оптимизационной модели была использована минимизация совокупных затрат на производство продукции. Окончательная форма оптимизационной модели имела следующий вид:

$$S_Q = s_1 \times Q_1 + s_2 \times Q_2 + s_3 \times Q_3 + s_4 \times Q_4 \rightarrow \min,$$

где S_n — себестоимость (совокупные затраты) производства одной тонны металлопродукции; Q_n — объем производства по плану по каждой номенклатурной товарной позиции производимой продукции.

Поясним смысл введенных ограничений.

¹ СПАРК. — URL : <http://www.spark-interfax.ru/promo/>; Сталепромышленная компания. — URL : <http://www.spk.ru/>; Центр управления финансами. — URL : <http://center-yf.ru/>.

1) ограничения по использованию технологического оборудования;

2) ограничения по максимальному и минимальному объему производства изделий, включая емкость рынка, требования потребителей, стратегические планы предприятия.

3) пропорции между объемам и выпуска изделий (в том случае, если поставляются в комплекте и т. д.);

4) изменение переменных и постоянных затрат, количества технологического оборудования в результате осуществления инвестиционных планов, организационных и технических мероприятий.

С помощью этих ограничений учитываются изменения параметров модели в результате выполнения годового плана развития предприятия.

Ограничение 6 задает условие неотрицательности выпуска.

Переменными величинами в рассматриваемой оптимизационной модели являются объемы производства по каждой товарной группе в натуральных единицах (тоннах). В таком случае при построении и решении модели получается наиболее оптимальное распределение имеющихся ключевых ресурсов по основным товарным группам производимой продукции. В результате решения данной задачи достигается аллокативная эффективность распределения имеющихся ключевых ресурсов и минимизируются совокупные затраты на производство. Составление и решение задачи было выполнено при помощи Microsoft Excel.

Среди верифицируемых характеристик деятельности компании были установлены следующие:

1) общий производственный персонал включает три группы рабочих разной квалификации — низкой, средней и высокой, распределенных в соотношении 40, 40, 20 % соответственно, что находит отражение в размерах заработной платы для каждой группы;

2) в зависимости от уровня квалификации общий производственный персонал выполняет разные виды работ по длительности выполнения, трудоемкости и сложности, поэтому трудоемкость производства каждой товарной группы металлоизделий существенно отличается.

Поиск решения осуществлялся с помощью симплекс-метода — целенаправленного перебора оптимальных управленческих решений задачи линейного программирования, позволяющего за конечное число шагов либо найти оптимальное решение, либо установить, что оптимальное решение отсутствует.

В результате применения сформулированной модели была получена производственная программа, обеспечивающая оптимальное распределение ключевых ресурсов предприятия и минимизацию затрат.

Ниже показаны экономические результаты предприятия при оптимальной производственной программе в целом и по направлениям деятельности (табл. 1, 2).

Т а б л и ц а 1

**Совокупные затраты
при оптимальной производственной программе, тыс. р.**

Показатель	Значение	Неиспользованный остаток
Целевая функция — минимизация себестоимости производимой продукции при сохранении необходимого соотношения товарных позиций	1 761 466,191	54 146,379
Фонд оплаты труда общепроизводственного персонал	24 926,007	9 857,269
Материальные затраты	1 387 289,807	42 644,428

Т а б л и ц а 2

**Оптимальный вариант производственной программы
для АО «Сталепромышленная компания»**

Товар	Объем, т	Выручка за тонну товарной позиции, р.	Выручка, тыс. р.	Валовая прибыль, тыс. р.
Профиль	1 828,9	28 661,7	52 418,612	-1 727,767
Лента	1 955,7	29 046,8	56 808,136	2 661,757
ПВЛ	2 587,7	29 046,2	75 163,927	21 017,548
Сетка	2 468,1	29 036,8	71 664,523	17 518,144

При рассмотренной оптимизационной модели производства предприятие может прийти к положительному уровню чистой прибыли впервые за последние несколько лет.

Таким образом, решение оптимизационной задачи позволило найти вариант производственной программы, основанный на том, что для минимизации совокупных затрат нужно производить только необходимый объем продукции, не выходя за рамки планового задания. Неравномерность выполнения плана по отдельным номенклатурным позициям приводит к изменению структуры производственной программы, т. е. соотношения отдельных видов продукции в их общем выпуске. Изменение структуры производства оказывает большое влияние на все экономические показатели: объем выпуска в стоимостном измерении, материалоемкость, себестоимость товарной продукции, прибыль, рентабельность и др.

Расчет производственной мощности предприятия является важнейшим этапом обоснования производственной программы. Он позво-

ляет выявить внутрипроизводственные резервы роста производства, установить объемы выпуска продукции и определить потребность в увеличении производственных мощностей за счет технического перевооружения, реконструкции, расширения действующих и строительства новых мощностей.

Установленное в производственной программе задание по объему выпуска продукции может быть выполнено при условии обеспечения необходимым количеством ресурсов.

В процессе обоснования производственной программы необходимо проверить, находится ли планируемый объем производства в пределах точек безубыточности. Для этого делается укрупненный расчет постоянных и переменных издержек, совокупного дохода от реализации продукции и прибыли для различных объемов производства, по ним рассчитываются критические объемы, с которыми сравнивается планируемый объем производства. Эффективность принимаемого плана оценивается также путем определения фондоотдачи, фондоемкости, рентабельности.

Библиографический список

1. *Бухалков М. И.* Внутрифирменное планирование : учебник. — М. : ИНФРА-М, 2015. — 400 с.
2. *Волощук С. А., Гулакова С. А.* Оптимизация производственной программы промышленного предприятия. // Вестник Приазовского государственного технического университета. Сер.: Технические науки. — 2008. — Вып. 18. — С. 304–307.
3. *Данилин В. И.* Операционное и финансовое планирование в корпорации. Модели и методы. — М. : Наука, 2006. — 332 с.
4. *Дингес Э. В., Гужов С. А.* Оптимальное планирование производственной программы дорожной организации в сложных конъюнктурных условиях : учеб. пособие. — М. : МАДИ, 2013. — 96 с.
5. *Коробкин А. Д., Мирносецкий Н. Б.* Оптимизация производственного планирования на предприятии. — Новосибирск : Наука (Сиб. отделение), 1978. — 335 с.
6. *Латыгин Ю. Н.* Управление издержками на предприятии: планирование и прогнозирование. — М. : Эксмо, 2015. — 124 с.
7. *Литсиц И. В.* Коммерческое ценообразование. — М. : Бек, 2014. — 230 с.
8. *Муругов Е. И.* Оценка предприятия как имущественного комплекса // Экономический анализ. — 2016. — № 8. — С. 55–62.
9. *Прогнозирование и планирование в условиях рынка* : учеб. пособие / под ред. Т. Г. Морозовой, А. В. Пулькина. — М. : Юнити-Дана, 2014. — 279 с.
10. *Шелюк А. Н.* Пути выживания в рыночных условиях // Главбух. — 2012. — № 7. — С. 38–40.

11. Mula J., Poler R., Garcia-Sabater J. P., Lario F. C. Models for production planning under uncertainty: A reviews // International Journal of Production Economics. — 2006. — Vol. 103. — P. 271–285.

12. Stevenson W. Production management. — McGraw-Hill Publishing Company, 1992. — 912 p.

В. Ж. Дубровский, Д. С. Миронов

Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург

Индустриальные парки Свердловской области: барьеры и вызовы инновационного развития¹

Аннотация. Глобализация рынков, а также рост неценовой конкуренции обусловили популярность и научный интерес к новой инновационной модели организации промышленного производства, суть которой заключается в объединении и географической локализации участников в предприятия кластерного типа (например, индустриальные парки). Процесс развития индустриальных парков сегодня рассматривается как фактор роста национальной и региональной конкурентоспособности, что является характерным признаком инновационной экономики. Индустриальные парки призваны стать мощным инструментом привлечения инвестиций в региональные бюджеты, а также социально-экономического развития, однако статистические данные и отечественные исследования фиксируют существенные проблемы реализации этого инструмента. В статье определены проблемы и перспективы инновационного развития индустриальных парков Свердловской области, которые напрямую связаны с институциональными и инфраструктурными факторами; обоснованы рекомендации относительно региональной и государственной промышленной политики с целью поддержки развития индустриальных парков в контексте общемировых тенденций.

Ключевые слова: инновационное развитие; промышленная кластерная политика; индустриальный парк; Свердловская область; институциональная среда индустриальных парков; промышленность.

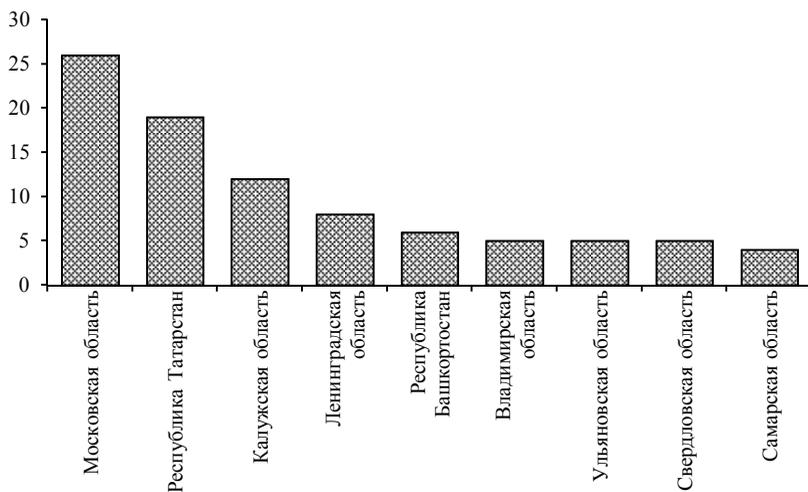
В современных условиях экономической интернализации, глобализации, региональной специализации и неценовой конкуренции рассчитывать на успешную деятельность могут лишь те предприятия, которые способны генерировать и успешно воплощать в практическую деятельность новые идеи и решения. Поэтому именно инновационный путь развития, который ориентируется на долгосрочную перспективу, соответствует реалиям «новой экономики» и «новой индустриализации».

В качестве одного из инструментов инновационного развития региональной промышленности мы рассматриваем индустриальные пар-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-010-01109 «Комплексная оценка институциональной среды инновационной деятельности в России и ее влияния на конкурентоспособность и инновационную активность производственных структур».

ки. Этой точки зрения придерживается множество авторов: Л. Г. Иогман, М. А. Гусаков [2], М. С. Гусева, Е. А. Шаркевич [1], Ю. С. Церцел [5], О. Ю. Патракеева [4], Г. С. Мерзликина, Т. Г. Агиевич [3] и др. Если в теоретическом плане были получены позитивные результаты, то на практике остается множество проблем и вопросов. Прежде всего они касаются институциональных условий развития. Государство выделяет значительные средства на развитие инфраструктуры, предоставляет налоговые преференции резидентам, делает попытки совершенствовать законодательную базу и методологическое обеспечение формирования и развития промышленных парков.

К примеру, в Свердловской области в настоящее время в число налоговых преференций входит обнуленная ставка земельного налога на 10 лет, по истечении которых в течение 5 лет она будет зафиксирована на уровне 5 %, а затем поднята до 13,5 %. Также индустриальным паркам предоставляется обнуленный налог на имущество сроком на 10 лет и «нулевой» транспортный налог на 11 лет. Налог на прибыль, подлежащий отчислению в областной бюджет, не начисляется в течение 10 лет.

Показатели размещения действующих и проектируемых промышленных парков по областям в 2018 г.¹

¹ Геоинформационная система «Индустриальные парки. Технопарки. Кластеры».
— URL : <https://www.gisip.ru>.

Однако, несмотря на все усилия государства, сфера российских промышленных парков далека от лучших зарубежных аналогов. Меры поддержки зачастую оказываются неэффективными, что демонстрируется отчетными показателями управляющих компаний. Особенно острая ситуация складывается в Свердловской области. В одном из ведущих промышленных центров Российской Федерации функционирует всего пять промышленных парков, а 10 проектов «застыли» на стадии планирования. Эти показатели существенно уступают другим регионам, что показано на рисунке.

Причем сформировавшиеся в Свердловской области промышленные парки нельзя характеризовать как «эффективные» или «конкурентоспособные». Две площадки до сих пор находятся на стадии проектирования («Богословский», «Заречный»), а на трех других («Титановая долина», «Про-бизнес парк», «Тагил») фиксируется недостаточное количество резидентов и инвестиций, а также несовершенство правовых и логистических условий, что показано в таблице.

Количество резидентов в промышленных парках Свердловской области по данным 2017 г.

Индустриальный парк	Общее число резидентов на территории парка, ед.	Число резидентов, начавших производство на территории парка, ед.	Количество созданных рабочих мест на территории парка, ед.
Богословский	10	0	0
Заречный	0	0	0
Титановая долина	8	Нет данных	81
Про-бизнес парк	40	9	500
Химпарк «Тагил»	13	10	102

Примечание. Геоинформационная система «Индустриальные парки. Технопарки. Кластеры». — URL : www.gisip.ru.

Указанные проблемы характерны не только для Свердловской области, но и для всей страны. Например, по данным 2017 г. на территории Свердловской области зарегистрирован 71 резидент, а по всей России — 2 639 (реально приступивших к производственной деятельности — 1 437). В то же время на территории одного промышленного парка «The Shanghai Park» успешно функционируют 3 600 резидентов, что в два раза больше суммарного количества действующих резидентов на всей территории Российской Федерации.

Появление промышленных парков в Российской Федерации было сопряжено с рядом проблем — отсутствием отечественного методологического и правового обеспечения в сфере их создания и развития. Зарубежные практики не приживались в условиях российской

экономики. Институциональные рамки носили весьма неявный, а порой и несовместимый характер, что зачастую приводило к подмене понятий и непониманию организационной структуры, экономико-правовой природы промышленных парков. Индустриальными парками называли технопарки, промышленные кластеры и даже складские помещения на Brownfield территориях. Последние получили широкое распространение в регионах, но до сих пор не приходится отмечать их инновационное развитие. Эта массовая институциональная катастрофа не прошла и мимо Свердловской области:

- до сих пор «Титановая долина» одновременно носит статус «свободной экономической зоны» и «индустриального парка», а в Каменске-Уральском застыл старт проекта неопределенного типа «Индустриальный технопарк «Синарский»;

- индустриальный парк «Богословский» функционирует по принципу «кто придет», в связи с чем рассматривается авторами как комплекс производственных помещений, обладающий инженерной инфраструктурой, но не способный к синергии из-за отсутствия технологических связей между участниками парка. Например, среди резидентов можно обнаружить организации, занимающиеся деревообработкой, производством медицинских шприцов и нефтегазового оборудования, переработкой марганца и пр.;

- резидентная структура екатеринбургского индустриального парка «Про-бизнес парк» носит весьма неиндустриальный характер: сеть магазинов спортивной одежды «Спортмастер», сеть продовольственных магазинов «Верный», фабрика фасадов, центр пожарной безопасности и даже автобусная компания «Пегас». При этом данная «промышленная площадка» входит в единый реестр индустриальных парков Российской Федерации и даже имеет сертификат соответствия;

- состояние проектируемого индустриального парка «Заречный» характеризуется как «земельный участок». Статистические системы свидетельствуют о полном отсутствии инвестирования, отсюда вытекает отсутствие как такового функционала управляющей компании и инженерной инфраструктуры. Сегодня здесь нет даже инженерных коммуникаций, но проект также числится в едином реестре.

Единственная промышленная площадка, которую можно идентифицировать как «действующий индустриальный парк» – химпарк «Тагил». Данный объект размещается в развивающемся промышленном центре и в достаточной мере обеспечен инженерной инфраструктурой и широким разнообразием услуг, которые предлагает управляющая компания. Основная цель проекта — развитие локального бизнеса за счет привлечения инвестиций и технологий резидентов, созда-

ния благоприятных условий для развития химического производства в едином инфраструктурном комплексе. Работа с резидентами выстроена по принципу «одного окна»: единой системы сервисов, позволяющих участникам кооперации в полной мере воспользоваться преимуществами быстрого старта. С позиции теории транзакционных издержек парк «Тагил» также наиболее предпочтителен. Технологическое единство формирующегося пула резидентов, информационные и прочие услуги аутсорсинга управляющей компании создают условия для сокращения затрат резидента, возникающих в процессах обмена, что уже было показано практикой последних лет. В то же время сдерживающим фактором развития выступает частная собственность с отсутствием государственной поддержки.

Таким образом, мы видим, что основные проблемы промышленных парков Свердловской области носят именно институциональный характер, что определяет необходимость решения следующих задач:

- 1) рост институциональной определенности и государственное регулирование через программу стратегического развития промышленной кластерной политики Свердловской области;
- 2) оценка эффективности мер государственной поддержки;
- 3) разработка организационно-методического подхода к формированию и развитию промышленных парков как центров инновационного развития.

Вместе с тем стоит отметить, что решение проблемы инновационной активности промышленных парков Свердловской области должно быть органически связано с построением обоснованного научного подхода к формированию и реализации стратегии инновационного развития, который может быть сформирован на основе внедрения новых и усовершенствованных подходов, методов, моделей управления инновационным развитием предприятий сетевого типа.

Решение обозначенных задач должно быть напрямую связано с совершенствованием и формированием:

- законодательства в части функционирования промышленных кластерных структур, а также стимулирования инновационной и научно-технологической деятельности со стороны государства;

- инновационной инфраструктуры, интегрирующей в себе ресурсы тетрады «производство — бизнес — наука — образование», что будет содействовать привлечению и расширению торгового, банковского, интеллектуального, производственного капиталов;

- порядка и механизма коммерциализации полученных результатов в ходе научно-технических разработок, а также их трансферта в текущие производственные системы;

- процессов развития малого и среднего бизнеса как основополагающих элементов механизма трансфера инновационного продукта до массового производства;

- системы мер по снижению экономических рисков привлечения инвестиций в сферу высокотехнологичного производства;

- мониторинга эффективности мер государственной поддержки и регулирования и др.

Системный анализ литературных источников позволил определить три типа стратегий инновационного развития:

- стратегия переноса — использование зарубежного научно-технического потенциала и перенос его достижений на территорию собственной экономики;

- стратегия заимствования — освоение производства наукоемкой и высокотехнологичной продукции, которая уже производится в других странах, путем использования существующего научно-технического потенциала и собственной дешевой рабочей силы;

- стратегия наращивания — использование собственного научно-технического и кадрового потенциала с привлечением иностранных ученых, конструкторов с целью достижения интеграции фундаментальной и прикладной науки.

На сегодняшний день состояние развития экономики Свердловской области не может реализовать первые два подхода за счет отсутствия значительных финансовых ресурсов, которые нужно направить на покупку лицензий. В то же время стратегии переноса и заимствования несут угрозы, связанные с тем, что путем трансфера в страну будут поступать морально устаревшие технологии.

Доминирующим должен стать путь развития, основанный на использовании стратегии наращивания инновационного потенциала на заранее определенных государством приоритетных направлениях научно-технического прогресса. Исходя из того что инновационная деятельность индустриальных парков является решающим элементом развития современного производства, проблемы экономического обоснования инновационных решений приобретают особую актуальность. Эти проблемы важны как на уровне парковой структуры, так и на высших уровнях управления национальной экономикой. В связи с этим отечественная наука должна быть признана высшим национальным приоритетом, ресурсное обеспечение которого следует осуществлять в первую очередь.

Таким образом, хотя интерес к модели кластеризации экономики, а также количество индустриальных парков неуклонно растут, динамика их экономического и инновационного развития характеризуется

нами как медленная и слабая. Особенно наглядна эта тенденция на примере Свердловской области. Основная причина — отсутствие системного законодательства по созданию институтов поддержки промышленных парков и кластеров; единого методологического подхода к планированию, проектированию и управлению промышленными парковыми структурами. Органы власти должны также утвердить концепцию кластерной политики на местном, региональном и национальном уровнях. Формирование программ и стратегий развития должно происходить в тесной связи с достижениями науки, передовым мировым опытом, а также учетом сложившейся институциональной среды.

Научно-производственный потенциал Свердловской области имеет все предпосылки для инновационного прорыва, но эта задача должна решаться системно на трех уровнях:

- управляющая компания (совершенствование инфраструктуры, пакета услуг аутсорсинга, формирование стратегий и концепций развития, следование отраслевой специализации при отборе резидентов и др.);

- регион (создание программы промышленной кластерной политики, стимулирование научных исследований в области менеджмента и институциональной экономики, совершенствование мониторинга эффективности вводимых льгот для потенциальных резидентов и др.);

- государство (совершенствование федеральной законодательной базы, инновационная и инвестиционная политика, изменение процедуры сертификации промышленных парков и др.).

Библиографический список

1. Гусева М. С., Шаркевич Е. А. Индустриальные парки в экономике региона: механизм создания и эффективность функционирования // Концепт. — 2016. — Т. 11. — С. 3506–3510.

2. Иогман Л. Г., Гусаков М. А. Индустриальные парки как инструмент реализации стратегии регионального развития // Экономика региона. — 2007. — № 4. — С. 85–94.

3. Мерзлякина Г. С., Азиевич Т. Г. Промышленные парки как «точки роста» новой индустриализации // Известия Волгоградского государственного технического университета. — 2015. — № 15. — С. 84–91.

4. Патракеева О. Ю. Индустриальные парки – актуальный формат развития регионального хозяйственного комплекса // Региональная экономика. Юг России. — 2014. — № 4. — С. 66–70.

5. Церцеш Ю. С. Инновационное развитие регионов в рамках кластеров // Глобальные вызовы в экономике и развитие промышленности (INDUSTRY-2016): тр. науч.-практ. конф. с зарубежным участием (Санкт-Петербург, 21–23 марта 2016 г.) / под ред. А. В. Бабкина. — СПб.: СПбПУ Петра Великого, 2016. — С. 227–236.

Цифровизация промышленности в неоиндустриальном развитии региона

Аннотация. Статья посвящена оценке места и роли процесса цифровизации промышленности в неоиндустриальном развитии экономики региона. Цифровизация является объективной реальностью неоиндустриального развития, так называемой «умной реальностью», которая проявляется как в экономических, так и в социальных выгодах. С помощью современных цифровых технологий промышленные предприятия оптимизируют и сокращают издержки, длительность производственного цикла, в том числе скорость создания новых инновационных изделий. На основе анализа современного состояния цифровизации промышленности определены тенденции дальнейшего ее развития.

Ключевые слова: экономика региона; индустриализация; неоиндустриальное развитие; промышленность; цифровизация; цифровая экономика.

Согласно мнениям экспертов НИУ ВШЭ, представленным в докладе о роли цифровизации в росте российской экономики в 2017–2030 г., только за счет цифровизации экономики возможно обеспечить ее рост на 30 % ВВП. «При условии достижения необходимых объемов инвестиций цифровизация станет одним из ключевых факторов экономического роста. К 2030 г. рост ВВП будет более чем наполовину связан с цифровизацией и обеспечен не только за счет развития индустрии информации, но и в результате повышения эффективности и конкурентоспособности других секторов экономики. Так, в целом за период с 2017 по 2030 г. вклад индустрии информации в рост ВВП составит почти 4%, а цифровизации секторов экономики — около 30%», — обобщается в докладе [3].

По мнению С. С. Губанова неоиндустриализация является второй — цифровой фазой индустриализации [1]. В своей работе С. А. Толкачев дает следующее определение неоиндустриализации: «это процесс распространения инфокоммуникационной технологической революции в непосредственный производственный процесс. Включает три компоненты: переход к киберфизическому типу производства — новый этап роботизации производства; аддитивное производство вместо субтрактивного; интегрированное непрерывное электронное управление расширенным производственным циклом продукции» [5]. Все это, безусловно, относится к цифровизации.

С точки зрения Д. М. Зозули, цифровизация — это новая социально-культурно-экономическая реальность («умная действительность»), как результат внедрения дальнейшего развития информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), основанных на использовании двоичного кода [2].

Т. Н. Юдина и И. М. Тушканов выделяют два уровня цифровизации экономики [6]:

◦ в узком смысле — создание на разных уровнях экономики (глобальном, мега-, макро-, мезо-, микро-, нано-) информационно-цифровых платформ и операторов, позволяющих решать различные хозяйственные задачи, в том числе стратегические: развитие медицины, науки, образования, транспорта, новой индустриализации, государственного регулирования экономики и планирования и др.;

◦ в широком смысле — изменение природы производительных или экономических отношений, смену их субъектно-объектной ориентированности. С помощью цифровых технологий появляются отношения типа «машина-машина (M2M), где человек — субъект производственного процесса. Изменяются производственные силы, факторы производства и производственные отношения. Например, возникает не только интернет вещей¹, но и интернет всего².

Под интернетом всего (IoT, Internet of Things) принято понимать систему объединенных компьютерных сетей и подключенных физических объектов (вещей) со встроенными датчиками и программным обеспечением ПО для сбора и обмена данными, с возможностью удаленного контроля и управления в автоматизированном режиме, без участия человека [4].

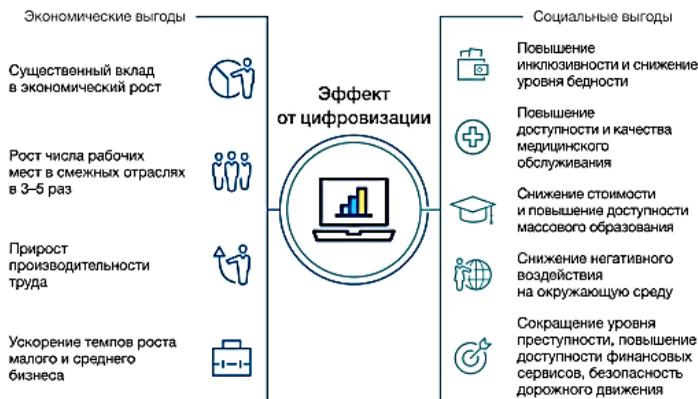
Развитие цифровизации в экономике несет не только экономические выгоды, но и социальные. Их систематизация представлена на рисунке.

На сегодняшний день активно формируется институциональная среда развития цифровизации в России. Так, 7 мая 2018 г. Президент РФ издал Указ № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 г.» (ред. от 19 июля 2018 г.), где согласно п. 11 одной из национальных целей развития является обеспечение ускоренного внедрения цифровых технологий в экономике и социальной сфере. Правительством РФ подготовлена и утверждена программа «Цифровая экономика Российской Федерации»³, включающая в себя перечень конкретных задач, которые необходимо решить на федеральном и региональном уровнях.

¹ *Цифровая* Россия: новая реальность. Июль 2017. — URL : <http://www.tadviser.ru/images/c/c2/Digital-Russia-report.pdf>.

² *Мировой* опыт и перспективы развития Индустриального (промышленного) Интернета Вещей в России. 19 сентября 2016 г. Исследование J'son and Partners Consulting. — URL : <https://www.crn.ru/news/detail.php?ID=113441>.

³ Об утверждении программы «Цифровая экономика Российской Федерации» : распоряжение Правительства РФ от 28 июля 2017 г. № 1632-р.

Выгоды цифровизации экономики

В условиях развития отечественной экономики ее цифровизация приобретает особое значение не столько с позиции решения задач развития и внедрения информационных технологий, сколько в плане использования ее как инструмента модернизации и инновационного развития отраслей промышленного сектора, создания условий для появления новых, передовых технологий. Именно цифровизация является основой развития таких инноваций, как: 3D-печать, робототехника, беспилотный транспорт, искусственный интеллект и др.

С помощью современных цифровых технологий промышленные предприятия оптимизируют и сокращают издержки, длительность производственного цикла, в том числе скорость создания новых инновационных изделий.

Оценка развития цифровизации в экономике региона проводилась на основе данных опроса Свердловскстата, осуществленного в рамках подготовки «Концепции промышленного и инновационного развития Свердловской области до 2035 г.»¹. Так, за период 2011–2017 гг. наблюдается рост оснащенности промышленных предприятий всеми видами программных средств.

Цифровизация в деятельности промышленных предприятий проявляется в следующих сферах: использование «базовых» программных средств (программные продукты для решения организационно-

¹ Об утверждении Перечня концепций отраслевых и межотраслевых стратегий социально-экономического развития Свердловской области, планируемых к разработке в 2017 г. : распоряжение Правительства Свердловской области от 3 августа 2017 г. № 629-ПП.

управленческих задач, справочные системы, средства обеспечения информационной безопасности); использование специальных программ для научных разработок; использование сложных комплексных систем управления процессами экономической деятельности (CRM, ERP, SCM системы). В 2011 г. такие технологии применяли только 14,7 % предприятий из числа имевших специальные программные средства, в 2017 г. их доля выросла до 23,8 %. Данная тенденция может свидетельствовать о том, что в экономике Свердловской области автоматизация бизнес-процессов на предприятиях выходит на качественно новый и более высокий уровень (табл. 1).

Таблица 1

**Использование программных средств
промышленными предприятиями Свердловской области**

Показатель	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Число организаций, имеющих специальные программные средства, всего	4 162	4 315	4 457	4 591	5 028	5 820	6 052
Использование программных средств, %:							
для научных исследований	5,2	3,6	4,5	5,3	5,7	5,2	6,1
для проектирования	17,2	15	15,3	15,9	14	13,5	15,1
для управления автоматизированным производством и (или) отдельными техническими средствами и технологическими процессами	25,4	22,7	22,9	22,9	20,7	19,6	19,9
для решения организационных, управленческих и экономических задач	71,8	70,7	71,9	67,8	65,5	66	66,3
для управления закупками товаров (работ, услуг)	46,2	30	47,5	46,3	47	46,3	46
для управления продажами товаров (работ, услуг)	34,1	30	29,5	27,7	29,2	29	29,6
для осуществления финансовых расчетов в электронном виде	75,2	73,3	73,9	69	66,8	67	66,9
для предоставления доступа к базам данных через глобальные информационные сети, включая Интернет	33,9	33,5	35,6	35,2	38,2	37,3	36,3
электронные справочно-правовые системы	69,4	69,3	70,1	66,4	65	64,1	63,2
CRM-, ERP-, SCM-системы	14,6	13	15,2	18,4	20,2	20,3	23,7
редакционно-издательские системы	8,7	6,5	7,1	8,4	6	6,5	7
антивирусные программы	93	90,2	94,5	90,8	90,8	—	—
обучающие программы	23,2	24,3	22,6	19,3	17,97	17,8	18,2
прочие	49,2	45	42,7	38,2	37,4	35	34,4

Примечание. Составлено по: Федеральная служба государственной статистики по Свердловской области и Курганской области. — URL : <http://sverdl.gks.ru>.

Активно промышленными предприятиями используются интернет-технологии. Так, количество организаций, использующих интернет, в 2017 г. к уровню 2011 г. увеличилось в 1,5 раза¹. Основными сферами использования интернета являются продажи (они преобладают) и снабжение. Такое распределение можно считать обоснованным, так как количество клиентов у производственных предприятий всегда значительно больше, чем количество поставщиков. Кроме того, перенос прямых продаж, которые раньше присутствовали в промышленности, в интернет существенно сокращает время поиска клиента и самой продажи, а также общие транзакционные затраты предприятия. Основные формы использования интернет-технологий промышленными предприятиями представлены в табл. 2.

Таблица 2

**Активность использования интернет-технологий
в коммерческой деятельности промышленных предприятий, %**

Показатель	2013	2014	2015	2016	2017
Обследовано организаций, всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Из них:					
использовали электронную почту	93,0	91,0	89,0	93,0	92,8
использовали облачные технологии	14,0	17,5	21,6	24,8	26,8
имели web-сайты в интернете	49,0	50,0	47,2	50,2	51,6
использовали интернет в коммерческих целях	49,0	50,4	44,9	46,5	47,9

Примечание. Составлено по: Федеральная служба государственной статистики по Свердловской области и Курганской области. — URL : <http://sverdl.gks.ru>.

Можно видеть, что существенно растет доля использования облачных технологий. В целом активность использование интернет-технологий достаточно высока, хотя есть и перспективы роста. Так, например, только половина предприятий промышленности Свердловской области имеет web-сайты в интернете, соответственно в перспективе эта доля должна стать значительно больше.

Опираясь на данные табл. 2, можно говорить о высокой роли процессов цифровизации в инновационном развитии промышленности Свердловской области.

Потенциал развития процессов цифровизации промышленности Свердловской области определяется также наличием развитого секто-

¹ *Об утверждении* Перечня концепций отраслевых и межотраслевых стратегий социально-экономического развития Свердловской области, планируемых к разработке в 2017 г. : распоряжение Правительства Свердловской области от 3 августа 2017 г. № 629-ПП.

ра информационно-коммуникационных технологий (ИКТ). По данным СПАРК-Интерфакс, общее количество компаний, зарегистрированных на территории Свердловской области и осуществляющих деятельность в области ИКТ (ОКВЭД 61-63), превышает 2,7 тыс. ед.

В результате анализа показателей цифровизации промышленного сектора Свердловской области можно сделать следующие выводы:

- уровень развития цифровизации в промышленном секторе достаточно высок, предприятия активно используют цифровые, интернет-, облачные технологии в своей производственной деятельности; следует также отметить и существующие перспективы роста, особенно в сегменте использования облачных технологий;

- на территории Свердловской области сформировался современный кластер конкурентоспособных на региональном, страновом и мировом уровне ИТ-компаний, который может стать базой для дальнейшего развития цифровизации промышленного сектора экономики региона.

Библиографический список

1. *Губанов С. К.* К политике неоиндустриализации России // *Экономист.* — 2009. — № 9. — С. 3–20.
2. *Зозуля Д. М.* Цифровизация российской экономики и Индустриализация 4.0: вызовы и перспективы // *Вопросы инновационной экономики.* — 2018. — Т. 8, №1. — С. 1–14.
3. *Рейтинг* инновационного развития субъектов Российской Федерации. Вып. 5 / Г. И. Абдрахманова, П. Д. Бахтин, Л. М. Гохберг и др. ; под ред. Л. М. Гохберга. — М. : НИУ ВШЭ, 2017. — 260 с.
4. *Сафиуллин А. Р.* Основные направления политики неоиндустриализации в современной экономике // *Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого. Экономические науки.* — 2017. — Т. 10, № 6. — С. 40–49.
5. *Толкачев С. А.* Новая промышленная революция и фундаментальные основы экономической теории // *Экономическая теория в поисках новой парадигмы : материалы науч. семинара.* — URL : <http://www.fa.ru/org/dep/det/Gallery/ВАЛЮР/Нов%20промреволюция%20и%20экон%20теория.pdf>.
6. *Юдина Т. Н., Тушканов И. М.* Цифровая экономика сквозь призму философии хозяйства и политической экономии // *Философия хозяйства.* — 2017. — № 1. — С. 193–201.

А. В. Курдюмов

Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург

Комплексная цифровизация — резерв повышения эффективности АПК Урала¹

Аннотация. Раскрываются вопросы повышения эффективности агропромышленного комплекса Урала в информационном аспекте и связи с цифровой экономикой. Актуальность статьи обусловлена стремительным развитием информационно-цифровой экономики и ее влиянием на все сферы деятельности экономики региона. Цель статьи — исследование состояния и перспектив развития АПК Урала в сфере цифровой экономики и внедрения информационно-коммуникационных технологий. Раскрыты проблемы реализации потенциала цифровизации в сельском хозяйстве Урала. Автором в рамках предмета исследования рассмотрен мониторинг агропромышленного комплекса и его отличия от других потребителей информационно-коммуникационных технологий. Рассмотрены проекты информатизации сельского хозяйства как процесса создания эффективных информационных систем и внедрения новейшей компьютерной техники и программного обеспечения. Определены направления повышения эффективности агропромышленного комплекса Урала за счет цифровизации и внедрения интернета вещей.

Ключевые слова: цифровизация; сельское хозяйство; агропромышленный комплекс; информационно-коммуникационные технологии.

В целях достижения устойчивого социально-экономического развития АПК региона необходимо решение целого ряда сложных задач включая изучение возможностей экономики в условиях цифровой глобализации. Тенденции интеграции информационного пространства и ускорение обновления знаний превращают информационно-коммуникационные ресурсы в стратегически важный фактор для развития как региона, так и России в целом.

Главными вызовами в обеспечении деятельности российских предприятий АПК становятся их адаптация к активным изменениям рынка и выбор инновационной стратегии развития. В данных условиях возрастает роль мониторинга, анализа и оценки информации о предприятии, что в дальнейшем становится основой для принятия управленческих решений в целях наибольшего использования инновационного потенциала.

Внедрение современных информационных технологий, а также создание комплексной информационной инфраструктуры на предприятиях АПК позволит обеспечить высокое качество выпускаемой продукции при сокращении затрат на производство.

¹ Статья выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 17-02-00327 «Формирование устойчивой системы продовольственной безопасности Российской Федерации в условиях воздействия экстремальных факторов: теоретические и методологические аспекты»).

Анализ стратегий трансформации и модернизации экономического, политического и социального уклада ведущих развитых стран показывает, что в основе большинства из них лежит концепция постиндустриальной модели развития общества. Э. Тоффлер предложил новую идеологию развития цивилизаций, согласно которой, помимо аграрной (первая волна) и индустриальной (вторая), человечество стоит на пороге «третьей волны» — информационной [3]. Впоследствии различные аспекты теории информационного общества были сформированы такими известными авторами, как Ф. Махлуп, М. Порат, М. Кастельс, Й. Массуда и др. [2; 4].

Процесс развития современного информационного общества идет как на макро-, так и на микроуровне, что обуславливает структурную трансформацию как самих предприятий с образованием новых организационных форм, так и их производственных ресурсов.

В условиях глобализации содержание инновационных процессов претерпевает существенные изменения. Это не может не учитываться при прогнозировании возможных вариантов социально-экономического развития АПК Урала. Учитывая объективную действительность необходимо предусмотреть дальнейшие преобразования отдельных отраслей.

За последние двадцать лет в сельском хозяйстве произошло формирование инновационной среды (включая законодательное регулирование), которая позволяет вывести агропромышленный комплекс на новый уровень. Запущен механизм создания рыночных отношений, в регионах появились передовые хозяйства, изменяется облик села и сельского жителя.

На Урале, как и в других регионах России, не все население вне города и в селах смогло воспользоваться достижениями научно-технического прогресса. Еще сказываются последствия мирового экономического кризиса 2008 г., изменившие ситуацию в сельском хозяйстве и по настоящее время оказывающие влияние на предприятия АПК.

Реагируя на внутренние и внешние вызовы как системного, так и глобального кризиса, аграрная отрасль Урала должна решить задачу перехода на инновационный путь развития, при котором одним из главных факторов является информационный.

По экспертным оценкам, внедрение информационных систем позволяет снизить издержки производства на 6–10 %, издержки обращения на 7–20 %. Так, на уровне предприятия эффективность применения информационных систем сокращает материальные запасы в 3–4 раза, оборотные средства – на 7–10% [1]. Информатизация становится условием оптимального использования труда и капитала.

Повышение уровня информатизации является одним из стратегических направлений развития сельского хозяйства как на уровне регионов, так и по стране в целом. Именно выполнение задач цифровизации экономики в аграрной отрасли является резервом повышения эффективности АПК Урала.

В настоящее время процесс информатизации в аграрной отрасли остается бессистемным. Применение информационно-коммуникационных технологий в сельском хозяйстве Урала в основном ограничивается использованием персональных компьютеров, программного обеспечения, технологий создания и поддержки различных информационных ресурсов в сети Интернет (сайтов).

Из всех категорий хозяйств только сельскохозяйственные предприятия имеют сайты, и как правило низкого качества. В фермерских (крестьянских) хозяйствах цифровые технологии для мониторинга сельскохозяйственного процесса используются точно и на уровне отдельных хозяйств.

Одним из показателей прогресса является комплекс технологий, объединенных общим названием Интернет вещей. В аграрной отрасли доля рынка по состоянию на январь 2017 г. составила 6 % всех реализованных в мире проектов в области интернета вещей.

В России в сельском хозяйстве известны единичные проекты, которые можно отнести к данной сфере, и пока они носят экспериментальный характер. Исполнение задач дорожной карты по внедрению технологий интернета вещей в агропромышленном комплексе России позволит повысить экономическую эффективность деятельности предприятий АПК; расширить емкость традиционных внутренних рынков и сбыта продукции; создать новые ниши для продукции АПК; вывести продукцию отечественного АПК на международные рынки; обеспечить рациональное природопользование.

Согласно «Дорожной карте» к 2019 г. доля российских предприятий, использующих интернет вещей в АПК, достигнет 30 % против нынешних 0,05 %.

По распоряжению Губернатора Свердловской области на территории региона формируется программа развития цифровой экономики, целью которой является повышение качества жизни населения, повышение конкурентоспособности бизнеса и региона в целом, развитие социально-экономической сферы жизни общества, совершенствование системы государственного управления на основе использования информационных и телекоммуникационных технологий¹.

¹ *Цифровая экономика* — региональное направление / Департамент информатизации и связи Свердловской области. — URL : <https://dis.midural.ru/article/show/id/1272>.

Межведомственная рабочая группа в рамках программы развития цифровой экономики в Свердловской области и в соответствии с Федеральной программой «Цифровая экономика Российской Федерации» одобрила главные направления «Умный регион», «Информационная инфраструктура и информационная безопасность», «Образование и кадры»¹.

По оценке экспертов, с учетом текущего уровня цифровизации Свердловской области регион готов к качественным преобразованиям в развитии цифровой экономики и информационно-технологического пространства, в том числе в вопросах совершенствования нормативно-правовой базы в контексте цифровой трансформации.

Учитывая особенность аграрной отрасли России, в общей совокупности которой велика доля подсобных крестьянских и малых фермерских хозяйств, приходится констатировать финансовую недоступность для них современных средств механизации и автоматизации труда. По оценкам экспертов J'son and Partners², данная проблема на пути к достижению цифровизации экономики в сельском хозяйстве России остается существенной.

Агропромышленный комплекс Урала становится сектором с интенсивным потоком данных. Использование комплексной цифровизации это непрерывный процесс от поля до покупателя, где информация поступает от различных систем и устройств, размещенных в поле, агротехники, агрофермы, метеорологических станций, дронов, спутников, внешних информационных систем, поставщиков, потребителей.

Производитель на основе актуальной информации, полученной в режиме реального времени от всех элементов производственной цепочки посредством мониторинга, повысит эффективность принятия решений, минимизирующих риски внешней и внутренней среды предприятия.

Комплексная цифровизация агропромышленного комплекса Урала позволит с сохранением качества продукции в несколько раз снизить торговую наценку на продукты питания в оптово-розничном звене, увеличить объем потребления продуктов питания в натуральном выражении при существующем уровне доходов населения. Также благодаря ускорению процесса доставки продукции конечному потребителю, повышению уровня механизации и автоматизации всех категорий хозяйств до среднемирового удастся повысить производитель-

¹ *Цифровая экономика* — региональное направление / Департамент информатизации и связи Свердловской области. — URL : <https://dis.midural.ru/article/show/id/1272>.

² *IT в агропромышленном комплексе России*. — URL : <http://www.tadviser.ru/index.php>.

ность труда в сельском хозяйстве и снизить себестоимость производимой продукции.

Библиографический список

1. *Жантемиров Ш., Жантемирова А.* Информация в рамках модернизации сельского хозяйства // Транспортное дело в России. — 2015. — № 1. — С. 97–99.
2. *Рузакова О. В.* Экономика информатики: теоретические и методологические вопросы организации, управления и развития. — Екатеринбург : Изд-во Урал. гос. экон. ун-та, 2010. — 233 с.
3. *Тодфлер Э.* Третья волна. — М. : АСТ, 2010. — 784 с.
4. *Porat M. U.* The Information Economy: Definition and Measurement. — Washington, DC : US Government Printing Office, 1977. — 231 p.

Н. М. Сурнина, А. Г. Дьячков, Е. А. Шишкина

Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург

Особенности развития электроэнергетического комплекса Свердловской области в экономическом пространстве Российской Федерации¹

Аннотация. Рассматриваются особенности и тенденции развития электроэнергетического комплекса Свердловской области в пространстве РФ. Проанализирован баланс энергосистемы Свердловской области, динамика показателей доступности энергетической инфраструктуры и эффективности процедур по подключению электроэнергии, динамика потребления электроэнергии Свердловской области, энергоёмкость валового регионального продукта региона, что позволило выявить тенденции развития регионального электроэнергетического инфраструктурного комплекса. Определены особенности и дисбалансы организации электроэнергетической инфраструктуры региона — протяженность, низкая плотность потребления электроэнергии, большая доля промышленной нагрузки, социально-ориентированная политика и т. д. Сформулированы задачи развития электроэнергетического комплекса Свердловской области в пространстве РФ и направления их решения, заключающиеся в применении дифференцированного подхода, а также учета возможного объединения различных территорий в энергетически сбалансированные районы.

Ключевые слова: электроэнергетический комплекс; Свердловская область; энергетическая инфраструктура; региональное развитие; экономическое пространство; электроэнергетика.

Электроэнергетическая инфраструктура имеет особое значение в процессах модернизации экономики, обеспечении устойчивого развития, формировании бюджета и привлечении инвестиций. При актив-

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 17-02-00751-а «Механизмы создания эффективного инфраструктурного энергетического обеспечения регионального развития (на примере Уральского региона)».

ном участии инфраструктуры осуществляется процесс пространственной трансформации, а обеспеченность энергетической инфраструктурой является существенным фактором социально-экономического развития регионов. Реализацию инфраструктурных проектов в сфере транспорта и энергетики, информационно-коммуникационных технологий, формирующих систему базовых инфраструктур, обеспечивающих повышение транспортной и информационной связанности территорий, целесообразно рассматривать в качестве основных составляющих будущей пространственной организации страны¹. В настоящее время на территории России создана Единая энергетическая система (ЕЭС России), состоящая из 69 региональных энергосистем, образующих 7 объединенных энергетических систем (ОЭС): Северо-Запада, Центра, Средней Волги, Юга, Урала, Сибири, Востока, каждая из которых включает в себя до 20 энергосистем, влияющих на размещенческие функции инфраструктуры². За период 2017–2018 гг. наибольшая мощность электростанций объединенных энергосистем отмечается в регионах Центра (более 22,0 %), Урала (более 21,0 %) и Сибири (более 21,0 %), наименьшая — на Востоке (менее 4,0 %). Неравномерность регионального распределения электростанций объединенных энергосистем, несбалансированность инфраструктурного обеспечения становятся одним из факторов недопустимо большого разрыва между наиболее и наименее экономически развитыми регионами страны.

Свердловская область — один из крупнейших регионов Российской Федерации. По большинству основных социально-экономических показателей развития она входит в первую десятку регионов страны, а ее электроэнергетический комплекс является крупнейшим. Энергосистема Свердловской области входит в состав объединенной энергосистемы Урала и является одной из крупнейших энергосистем страны, занимая четвертое место по установленной мощности электростанций. Значимость энергетической инфраструктуры для Свердловской области определяется функционированием электроэнергетической инфраструктуры, так как позволяет оценить технические и технологические недостатки, связанные с потерями в электросетях, наличием избытка (недостатка) энергоресурсов, а также перспективы развития и возможности увеличения количества потребителей электроэнергии (внутри и вне региона), обусловленные широким охватом субъектов экономических систем линиями электропередач, генераторными установками

¹ *Энергетическая стратегия России на период до 2030 г.* (утв. распоряжением Правительства РФ от 13 ноября 2009 г. № 1715-р.).

² *Энергоемкость ВВП (ВРП) за 2016 г.* / Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/effect/energo.xls.

и другим оборудованием, обеспечивающим существующие потребности в энергоресурсах (табл. 1).

Таблица 1

**Динамика потребления электроэнергии в Свердловской области
в 2011–2017 гг.**

Показатель	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Электропотребление, млн кВт·ч	46 188,2	46 866,8	44 770,3	43 819,3	42 940,6	42 426,0	42 872,1
Абсолютный прирост электропотребления (по отношению к предшествующему году), млн кВт·ч	1 474,3	678,6	-2 096,5	-951,0	-878,7	-514,6	446,1

Примечание. Об утверждении Основ государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 г. : указ Президента РФ от 16 января 2017 г. № 13.

В 2011–2017 гг. динамика спроса на электроэнергию и электрическую мощность в Свердловской энергосистеме остается разнонаправленной: возрастание спроса в 2010–2012 гг., снижение в 2013–2016 гг., планируемый рост в 2017 г. Помимо прочего это связано с сохранением сниженных цен на нефть, внешними экономическими санкциями, что повлекло за собой структурные ограничения для роста, связанные с неразвитостью инфраструктуры, устаревающим оборудованием, неблагоприятной демографической ситуацией, а также дефицитом квалифицированных кадров. При этом наблюдается замедление темпов снижения спроса на электрическую энергию. В значительной степени снижению спроса на электроэнергию и мощность способствовало уменьшение энергоемкого производства первичного алюминия в 2013 и 2014 гг. в филиалах ОАО «СУАЛ» — «БАЗ СУАЛ» и «УАЗ СУАЛ».

По сравнению с 2011 г. в 2017 г. электропотребление по энергосистеме Свердловской области сократилось на 3316,1 млн кВт·ч, или на 7,2 %, что во многом определено снижением объемов производства в металлургии (табл. 2).

В период с 2011 по 2017 г. Свердловская энергосистема была избыточной по электроэнергии. В среднем за период ежегодный избыток электроэнергии составил 6 299,1 млн кВт·ч, т. е. регион является энергопрофицитным. В структуре электропотребления Свердловской области преобладают промышленные потребители (2016 г.): черная и цветная металлургия — 27,8 %; население — 10,7 %; собственные нужды электростанций (энергетика) — 8 %; добывающая промыш-

ленность — 5 %. Среди крупных потребителей энергии за период наибольший удельный вес имеют предприятия по производству продукции черной металлургии (38,5 %) и производству цветных металлов (20,7 %).

Т а б л и ц а 2

Баланс электроэнергии Свердловской энергосистемы

Показатель	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Электропотребление, млн кВт·ч	46 188,2	46 866,8	44 770,3	43 819,3	42 940,6	42 426,0	42 872,1
Темп роста электропотребления, %	—	101,5	95,5	97,9	98,0	98,8	101,1
Производство, млн кВт·ч	52 013,4	53 464,1	49 167,9	46 263,9	46 884,6	51 403,2	54 779,9
Темп роста производства электроэнергии, %	—	102,8	92,0	94,1	101,3	109,6	106,6
Избыток (-) / дефицит (+), млн кВт·ч	-5 825,2	-6 597,3	-4 397,6	-2 444,6	-3 944,0	-8 977,2	-11 907,8

Примечание. Об утверждении Основ государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 г. : указ Президента РФ от 16 января 2017 г. № 13.

В течение рассматриваемого периода наблюдается прирост ВРП Свердловской области на 11,2 %, а энергоёмкость ВРП региона сократилась на 28,5 %, что свидетельствует о росте эффективности экономического развития региона (табл. 3).

Т а б л и ц а 3

Валовой региональный продукт Свердловской области и энергоёмкость валового регионального продукта Свердловской области

Показатель	2012	2013	2014	2015	2016
Валовой региональный продукт, млн р.	1 484 879,0	1 568 655,2	1 659 783,9	1 779 446,4	1 978 055,7
Темп роста ВРП, %	—	105,6	105,8	107,2	111,2
Энергоёмкость ВРП, кг условного топлива / на 10 тыс. р.	263,02	237,86	211,53	194,54	187,84
Темп роста энергоёмкости ВРП, %	—	90,4	88,9	92,0	96,6
Коэффициент опережения (отставания) роста ВРП относительно изменения энергоёмкости ВРП, ед.	—	1,17	1,19	1,17	1,15

Примечание. Энергоёмкость ВВП (ВРП) за 2016 г. / Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/effect/energo.xls.

Однако относительно среднероссийского уровня энергоёмкость Свердловской области остается высокой. В 2012–2016 гг. энергоёмкость ВРП Свердловской области превосходит среднероссийский уровень показателя почти в 1,5 раза, причем за рассматриваемый период это соотношение практически постоянно, что свидетельствует о неиспользованном потенциале энергетического комплекса региона.

Основным звеном, определяющим особенности и сложности электроэнергетического комплекса в пространственном аспекте, является объединенная сетевая инфраструктура электроэнергетики, или сеть. Для обеспечения связанности пространства регионов особое значение имеют сетевые инфраструктурные компании. Электросетевой комплекс энергосистемы Свердловской области включает линии электропередачи класса напряжения 0,4-10-35-110-220-500 кВ, на территории региона действуют более 100 мелких, территориальных сетевых организаций, в состав которых входит около 190 тыс. у. е. электросетевого оборудования. Уровень потерь в электрических сетях остается приблизительно на одном и том же уровне — около 2 % от уровня электропотребления, т.е. примерно 860 тыс. кВт·ч в 2015 г. и 850 тыс. кВт·ч в 2016 г. Ухудшение технического состояния электрических сетей один из ведущих факторов увеличения числа случаев нарушения их работы, нарушения связанности территорий и факторов, ограничивающих их развитие, поэтому они подлежат государственному регулированию. Регулирование государством деятельности сетевых организаций включает установление соответствующих тарифов (платы) за оказанные услуги, а также обеспечение недискриминационного доступа потребителей услуг сетевых организаций к электрическим сетям. Сетевая организация обязана осуществлять технологическое присоединение к своим сетям, формируя сетевое пространство [3, с. 2–7].

Следовательно, возможность технологического подключения к электрическим сетям влияет на возможности пространственного развития, определяет направления перспективной застройки территории, размещения объектов промышленности, жилищной, коммунальной сфер и др. Показатель уровня затрат на технологическое подключение является одним из параметров оценки доступности инфраструктуры в целом и напрямую влияет на инвестиционный климат региона. Доступность энергетической инфраструктуры территории определяется сроками, количеством необходимых процедур и уровнем затрат на технологическое присоединение к электрическим сетям. За период 2014–2016 гг. среднее время подключения к электросетям в регионе менялось неравномерно: в 2015 г. возрастало (118,1 дн.), а в 2016 г. сокращалось (105,8 дн.) относительно предыдущего периода, превысив уровень 2014 г. (86,2 дн.). При этом среднее время технологического

присоединения в регионе меньше среднероссийского уровня (160,5 дн. — 2016 г.), но общее количество процедур выше среднего показателя по РФ (3 ед. — 2016 г.)¹.

Таким образом, особенности организации региональной электроэнергетики – протяженная инфраструктура, низкая плотность потребления электроэнергии, большая доля промышленной нагрузки, социально-ориентированная политика, несовершенство рынка и отраслевого регулирования – приводят к постоянному росту цен на электроэнергию для бизнеса и постепенно становятся сдерживающим фактором для развития экономики страны.

В целях преодоления выявленных дисбалансов развития электроэнергетического комплекса Свердловской области предстоит решить следующие задачи:

- комплексная оптимизация развития энергопотребления, генерации и инфраструктуры, систем передачи электроэнергии как ресурса;
- изменение территориальной конфигурации объектов электроэнергетики, в том числе формирование «Интернета энергии», с управляемым энергопотреблением, а также распределенной генерацией и системой хранения энергии [4, с. 210];
- повышение надежности и эффективности обеспечения энергией населенных мест и объектов экономики, общее повышение энергоэффективности [2, с. 15–20];
- консолидация усилий ресурсоснабжающих организаций и органов власти для улучшения показателей региона в национальном рейтинге;
- выравнивание уровней энергообеспечения населения и доведение их до общемировых показателей как в абсолютных значениях потребления электроэнергии, так и по соотношению затрат на энергию с доходами населения.

По мнению авторов, при решении указанных задач должен применяться дифференцированный подход к регионам, а также учитываться специфика возможного объединения различных территорий в энергетически сбалансированные районы (агломерации) [1, с. 120–125], в рамках которых уровень энергопотребления может в равной мере обеспечиваться как за счет собственной генерации, так и за счет передачи из соседних, а также зачастую и отдаленных энергоизбыточных регионов. Важной становится роль опережающего развития инфра-

¹ *Рейтинг Doing Business* Всемирного банк, национальный рейтинг АСИ. — URL : <http://russian.doingbusiness.org/custom-query>; *Методология* Национального рейтинга состояния инвестиционного климата в субъектах РФ. — URL : https://asi.ru/investclimate/rating/Rating_Metodology.xls.

структуры по передаче энергии, ориентированность на расширение кооперации между всеми заинтересованными сторонами при реализации проектов развития инфраструктуры, а также степень взаимодействия энергоизбыточных и энергопотребляющих регионов в целях модернизации экономики в целом.

Библиографический список

1. Дьячков А. Г., Сурнина Н. М., Шишкина Е. А. Инструменты создания эффективного инфраструктурного энергетического обеспечения регионального развития // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого. Экономические науки. — 2017. — Т. 10, № 6. — С. 119–131.
2. Цифровой переход в электроэнергетике России : эксперт.-аналит. докл. / под общ. ред. В. Н. Княгинина, Д. В. Холкина. — М., 2017. — 47 с.
3. Чемоданов В. И., Бобылева Н. В. Развитие единой национальной электрической сети в складывающихся экономических условиях // Электричество. — 2010. — № 2. — С. 2–7.
4. Sovacool B. K. How long will it take? Conceptualizing the temporal dynamics of energy transitions // Energy Research & Social Science. — 2016. — No. 13. — P. 202–215.

А. Г. Мокроносов, Н. Ю. Ярошевич

Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург

Приоритеты развития машиностроения Урала в рамках новой структурной экономики

Аннотация. Рассматриваются вопросы развития механизмов отраслевой промышленной политики на уровне машиностроительного комплекса региона. В условиях стагнирующего развития экономики, снижения конкурентоспособности российской продукции на мировых и страновом рынках, с одной стороны, и развития современных наукоемких инновационных технологий, перехода на новый технологический уклад — с другой, требуют пересмотра модели используемого дизайна промышленной политики. Изучение положений теории Дж. У. Лина о новой структурной экономике позволило определить основные принципы и механизмы разработки и реализации регионально-отраслевой промышленной политики. Анализ конкурентных преимуществ машиностроения на мировом рынке и выделение инновационных подотраслей дают основания рассматривать их в качестве драйверов экономического роста и приоритетных рынков, в отношении которых и должны быть применены эффективные инструменты новой структурной экономики.

Ключевые слова: машиностроение; экономика региона; структурная перестройка; новая экономическая экономика; приоритеты развития.

Согласно новому Докладу об экономике России, международные эксперты Всемирного банка отмечают дальнейшее восстановление

экономики, прогнозируя ее рост на уровне 1,5–1,8 % в год, при условии высоких цен на нефть¹. Данный прогноз еще раз доказывает существенную зависимость экономики страны от экспорта углеводородов, а не уровня развития реальных промышленных секторов страховых и региональных рынков.

Наличие большого количества федеральных и региональных нормативно-правовых актов, формирующих приоритеты промышленной политики государства, говорит об актуальности поиска эффективных инструментов экономического роста². Анализ этих документов позволяет делать выводы о рентоориентированном восприятии промышленного бизнеса и лоббировании интересов олигархических структур. Российская практика реализации промышленной политики опирается в большей степени на перераспределение денежных средств, а не формирование соответствующей институциональной среды, поиск конкурентных преимуществ на мировых рынках. Еще одним «провалом государства» в промышленной политике является всемерное стимулирование внутреннего спроса, использование федеральных целевых

¹ *Российская экономика: умеренное продвижение вперед* : доклад Всемирного банка. Вып. 39. — URL : <http://www.vsemirnyjbank.org/ru/country/russia/publication/ter>.

² *Об утверждении Концепции промышленного и инновационного развития Свердловской области до 2035 г.* : приказ Министерства промышленности и науки Свердловской области от 1 марта 2018 г. № 82; *О долгосрочной государственной экономической политике* : указ Президента РФ от 7 мая 2012 г. № 596; *О стратегическом планировании в Российской Федерации* : федер. закон от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ; *О промышленной политике в Российской Федерации*: федер. закон от 31 декабря 2014 г. № 488-ФЗ; *О стратегическом планировании в Российской Федерации, осуществляемом на территории Свердловской области* : закон Свердловской области от 15 июня 2015 г. № 45-ОЗ; *Об утверждении долгосрочного прогноза социально-экономического развития Свердловской области на период до 2030 г.* : постановление Правительства Свердловской области от 23 октября 2015 г. № 979-ПП; *Об отдельных вопросах реализации в Свердловской области промышленной политики Российской Федерации* : закон Свердловской области от 23 ноября 2015 г. № 136-ОЗ; *Об утверждении Порядка принятия решений о разработке, формирования, утверждения и реализации отраслевых и межотраслевых стратегий социально-экономического развития Свердловской области* : постановление Правительства Свердловской области от 7 декабря 2015 г. № 1083-ПП; *О Стратегии социально-экономического развития Свердловской области на 2016–2030 гг.* : закон Свердловской области от 21 декабря 2015 г. № 151-ОЗ; *Об утверждении Плана мероприятий по реализации Стратегии социально-экономического развития Свердловской области на 2016–2030 гг.* : постановление Правительства Свердловской области от 30 августа 2016 г. № 595-ПП; *О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации* : указ Президента РФ от 1 декабря 2016 г. № 642; *О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 гг.* : указ Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203; *Об утверждении Перечня концессий отраслевых и межотраслевых стратегий социально-экономического развития Свердловской области, планируемых к разработке в 2017 г.* : распоряжение Правительства Свердловской области от 3 августа 2017 г. № 629-ПП.

программ, закупок для государственных нужд, а также установление различных предпочтений для отдельных предприятий. Все это существенно снижает перспективы дальнейшего экономического роста, как минимум соответствующего мировому уровню 3 % в год. Вышеуказанные обстоятельства обуславливают необходимость поиска новых моделей разработки и реализации промышленной политики в условиях происходящих и прогнозируемых структурных трансформаций.

Теоретические основы новой структурной экономики

Одним из вариантов возможных моделей разработки промышленной политики может стать подход, предложенный Джастином Лином¹. Лин называет его «новой структурной экономикой» и считает, что сформированная десятилетиями промышленная структура страны обусловлена прежде всего ее объективно сильными сторонами и преимуществами, которые и определяют ее «обеспеченность факторами производства», такими как рабочая сила, природные ресурсы, человеческий и физический капитал.

В своей книге «Поиски процветания. Как развивающиеся страны могут подняться» Дж. У. Лин дает конкретные рекомендации странам: «для максимального содействия развитию им следует сосредоточиться на секторах, в которых они обладают конкурентным преимуществом (то есть на том, что они могут делать относительно хорошо), исходя из того, чем они располагают на данный момент (то есть имеющихся у них ресурсов)»². Это позволит экономике развивающихся стран рассчитывать на достойный экономический рост, повышение конкурентоспособности в ряде отраслей на мировом рынке, существенно повысить рентабельность инвестиций (при этом расходовать их более эффективно), и что самое главное, заложить основу для развития смежных отраслей. «Успех порождает дальнейший успех», — отмечает Лин³.

Главные принципы новой структурной политики:

- необходимо поддерживать конкурентоспособные на мировых рынках сектора, отрасли экономики;
- основным инструментом регулирования является рынок эффективной конкуренции;
- роль государства заключается в устранении и сглаживании провалов рынка и координации действий, а также в адресной поддержке потенциально конкурентных отраслей.

¹ Lin J. Y. The Quest for Prosperity. How Developing Economies Can Take Off. — Princeton University Press, 2012. — 344 p.

² Ibid.

³ Ibid.

Рассмотрим предложенный Дж. У. Лином подход применительно к выбору приоритетных направлений развития машиностроения Урала, в частности Свердловской области.

Конкурентные преимущества и приоритеты развития машиностроения Свердловской области

Машиностроение исторически является одной из основных отраслей промышленности Свердловской области. По итогам 2017 г. оно обеспечило 16,6 % суммарной отгрузки товаров обрабатывающих производств региона (и более четверти с учетом вклада оборонно-промышленного комплекса), а общий объем машиностроительной продукции составил свыше 273,5 млрд р.¹

Анализ позволил выделить следующие конкурентные преимущества отрасли:

1) высокую перспективность развития наукоемких отраслей машиностроения. Так, по итогам 2017 г. рост производства компьютеров, электронных и оптических изделий — 117,5 % к аналогичному показателю 2016 г., производства электрооборудования — 108,5 %².

2) широкий круг компетенций машиностроительных предприятий, сконцентрированных в рамках одного промышленного региона: оборонное машиностроение; железнодорожное машиностроение; производство оптико-электронных систем; атомное машиностроение; производство оборудования для нефтегазового комплекса; производство металлургического, компрессорного, вентиляционного и гидравлического оборудования; электротехническое и энергетическое машиностроение; производство систем управления и автоматизации технологических процессов; производство медицинского оборудования;

3) географическое положение региона, определяющее его близость к перспективным рынкам сбыта как на страновом, так и на мировом уровне;

4) наличие собственной минерально-сырьевой базы по ряду металлов (железо, медь), достаточные запасы древесного сырья;

5) высокий уровень концентрации и интеграции производства, имеющийся производственно-технологический потенциал;

6) высокий уровень развития макроэкономических условий для инвестиционной деятельности. Международное рейтинговое агентство Fitch Ratings подтвердило долгосрочный рейтинг Свердловской области

¹ Об утверждении Перечня концепций отраслевых и межотраслевых стратегий социально-экономического развития Свердловской области, планируемых к разработке в 2017 г. : распоряжение Правительства Свердловской области от 3 августа 2017 г. № 629-ПП.

² Там же.

на уровне «ВВ+»; Международная группа РАЭКС в 2017 г. присвоила Свердловской области статус 1В, высокий потенциал — умеренный риск в рейтинге инвестиционной привлекательности регионов¹;

7) наличие региональных инвестиционных программ по обеспечению господдержки машиностроительных предприятий, в том числе «Фонд технологического развития промышленности Свердловской области»;

8) активное развитие в Свердловской области системы специальной непрерывной подготовки кадров, удовлетворяющих текущим и перспективным потребностям экономики.

Определение наиболее конкурентных секторов машиностроения может быть проведено по следующим критериям: использование современных, мировых конкурентных технологий; достаточный объем рынка (страновой, мировой); наличие сырьевой базы для производства продукции; научно-технической базы подготовки кадров; наличие инновационного задела в рассматриваемой технологической области.

Таковыми отраслями в машиностроении региона являются: ядерная медицина, аддитивные технологии, радиоэлектроника, в том числе микроэлектроника, технологии производства и применения новых материалов, включая технологии глубокой переработки титана и изготовления изделий на основе титановых сплавов для авиационной техники, судостроения, специальной продукции и техники, технологии робототехники, включая автономные и беспилотные системы, высокотехнологичные комплектующие.

Основные перспективные рынки сбыта машиностроительной продукции и их потребители представлены в таблице.

Перспективные рынки развития машиностроения Свердловской области

Перспективные рынки	Конечные участники производственных цепочек
Аддитивные технологии	1) международный рынок военной продукции, металлургия, судостроение, авиастроение; 2) ключевые высокотехнологичные комплектующие
Радиоэлектроника, включая микроэлектронику и сенсоры	1) высокоточное приборостроение, в том числе авионика; 2) транспортное машиностроение, в том числе рынок автоматических систем управления для эксплуатации подвижного железнодорожного состава, развитие рынка высокоскоростных железнодорожных перевозок; 3) технологии и системы межмашинного взаимодействия

¹ Об утверждении Перечня концепций отраслевых и межотраслевых стратегий социально-экономического развития Свердловской области, планируемых к разработке в 2017 г. : распоряжение Правительства Свердловской области от 3 августа 2017 г. № 629-ПП.

Окончание таблицы

Перспективные рынки	Конечные участники производственных цепочек
Фотоника	1) оптоэлектронное приборостроение, включая компоненты и устройства фотоники; 2) лазерное оборудование, нанотехнологии
Авиастроение	1) композиты, высокотехнологичные комплектующие, двигателестроение; 2) технологии производства и применения новых материалов, включая технологии глубокой переработки титана и изготовления изделий на основе титановых сплавов; 3) технологии робототехники, включая автономные и беспилотные системы
Инструментальные системы и технологии	1) металлургия, сельскохозяйственное и пищевое машиностроение, станкостроение; 2) технологии производства и применения новых материалов
Судостроение	1) металлургия; 2) технологии производства и применения новых материалов, включая технологии глубокой переработки титана и изготовления изделий на основе титановых сплавов для авиационной техники, судостроения, специальной продукции и техники
Ядерная медицина	1) низкоуглеродная энергетика (автономные источники энергии, умные энергетические сети, ядерные реакторы нового поколения); 2) нанотехнологии и наноматериалы, HealthNet
Космические системы и технологии	1) композиты, ключевые высокотехнологичные комплектующие; 2) транспортное машиностроение, в том числе беспилотные летательные аппараты; 3) ядерная медицина, нанотехнологии и наноматериалы; 4) топливные элементы и технологии создания автономных энергетических установок, в том числе для рынка малой энергетики
Технологии производства железнодорожной техники	1) рынок автоматизированных систем управления для городской инфраструктуры и транспорта, рынок двигателестроения; 2) высокоточное приборостроение, в том числе авионика; 3) технологии робототехники, включая автономные и беспилотные системы; 4) технологии и системы межмашинного взаимодействия
Технологии робототехники	1) высокоточное приборостроение, технологии и системы межмашинного взаимодействия (беспроводные коммуникации, «умные» устройства); 2) судостроение, авиастроение, транспортное и сельскохозяйственное машиностроение

Данные подотрасли машиностроения должны стать точками инновационного и экономического роста, соответственно на них должны быть направлены инвестиционные программы развития отрасли.

М. А. Кирсанова

Филиал Южно-Уральского государственного университета
(национальный исследовательский университет), г. Златоуст

Потенциал оборонно-промышленного комплекса Урала

Аннотация. Характеризуются особенности оборонно-промышленного комплекса Урала. Обозначены факторы, влияющие на формирование и функционирование уральской оборонной промышленности. Выделены проблемы, стоящие перед ОПК и повышающие риски функционирования предприятий комплекса. Описаны причины, отрицательно влияющие на возможность адаптации предприятий в конкурентной среде. Раскрыто понятие «потенциал» в отношении производственных предприятий оборонно-промышленного комплекса. Приведены статистические данные по предприятиям Челябинской области, характеризующие влияние уральского ОПК на экономику макрорегиона и страны в целом. Внесены предложения по совершенствованию анализа эффективности деятельности предприятий комплекса с целью развития их экономического и технологического потенциала.

Ключевые слова: оборонная продукция; гражданская продукция; государственный оборонный заказ.

На территории Уральского федерального округа размещается мощный оборонно-промышленный комплекс (далее — ОПК), на долю которого приходится 1/5 выпускаемой промышленной продукции Российской Федерации. Важнейшие центры производства военной техники, вооружений и боеприпасов располагаются в таких городах, как Пермь, Екатеринбург, Нижний Тагил, Челябинск и Ижевск.

Урал на протяжении многих лет формировался как экономический макрорегион, значительное влияние на развитие которого оказали следующие факторы:

1) экономико-географическое положение — выгодное положение обусловлено слиянием особенностей отраслевых направлений, одни из которых производят готовую продукцию, другие занимаются добычей сырья;

2) макроэкономическое преимущество — выгодное расположение с точки зрения организации и функционирования импортно-экспортных поставок продукции и сырья в страны Азии;

3) скопление залежей полезных ископаемых — 48 видов важнейших полезных ископаемых, используемых в промышленности, сосредоточено в недрах Урала [1];

4) историческая предпосылка — изначально на территории ряда уральских городов существовало оружейное производство, которое легло в основу отраслевой специфики региона. К тому же много оборонных предприятий было эвакуировано на Урал из западной части СССР во время Великой Отечественной войны.

На сегодняшний день уральский ОПК — основа промышленного ядра современного оборонно-промышленного комплекса Российской Федерации. Так, АО «НПК „Уралвагонзавод“ им. Ф. Э. Дзержинского» называют «городом в городе». Это предприятие обрело свою знаменитость в танкостроении и внесено в книгу рекордов Гинеса как самое большое по площади машиностроительное предприятие в мире.

На Урале расположена половина городов, относящихся к «ядерному циклу»: Озерск, Снежинск, Новоуральск, Лесной. Все эти города представляют закрытые административно-территориальные образования с особым статусом [3].

Тем не менее комплекс региона сталкивается с рядом глобальных проблем, которые, несмотря на многолетнее проведение реформаторских преобразований, достаточно слабо решаются и сейчас.

Целый ряд отечественных ученых рассматривают в своих трудах проблематику ОПК, анализируют и пытаются на протяжении последних десятилетий найти ответы на поставленные вопросы (см., например: [2]). Многое заставляет задуматься о несоответствии в организации деятельности производственных хозяйствующих субъектов комплекса современным требованиям рынка. Большинство проблем появилось после распада Советского Союза, когда были нарушены научно-технологические и производственно-промышленные связи между участниками всей цепи. Это привело к снижению качества управления предприятиями и появлению дополнительных специфических, свойственных только «оборонным» предприятиям, рисков.

Попытки нормативно-правового регулирования со стороны государства продолжают. При этом необходимо отметить, что специфика производства слабо отражена в инструктивных и нормативных актах, регулирующих производственный процесс разных товарных групп оборонного и гражданского назначения в едином организационно-экономическом пространстве предприятия. Попытки разработки механизмов снижения рисков и повышения надежности выполнения ГОЗ не дают ожидаемого стабильного эффекта, а скорее создают «иллюзию» кратковременной положительной динамики. Оборонно-промышленный комплекс Урала, как стратегически важная составляющая российского народно-хозяйственного комплекса, вынужден выживать. Современные экономические подходы, появляющиеся с учетом реалий формирования российского рынка, во многом здесь также не находят применения. Огромный производственно-технологический и научный потенциал ОПК, считающийся «локомотивом» экономики переходного периода, практически не востребован в должной степени. Отсутствие гибких механизмов производственно-технологической диверсифика-

ции при производстве продуктовых групп осложняется, с одной стороны, жесткими нормативно-правовыми требованиями государства, а с другой — применением законов рыночных отношений, что создает сложности и лишает предприятия возможности успешно адаптироваться в быстроменяющихся условиях современной экономики. Устаревание и обветшание производственных ресурсов, углубление внутреннего кризиса — все это заставляет уделять более пристальное внимание повышению качества в управлении потенциалом предприятий ОПК и выводу технологического и организационного уровня производства продукции на общемировые стандарты менеджмента качества.

Однако бессмысленно подходить к решению задачи повышения эффективности управления ОПК без ясных и четких перспектив развития этих предприятий. Потенциал комплекса, как производственно-технологический, так и организационно-экономический, достаточно уникален. Понятие «потенциал» в отношении производственных предприятий ОПК необходимо рассматривать прежде всего в двух направлениях:

- оборонный потенциал связан с существующими возможностями и перспективой развития военных технологий и их реализацией в рамках производства промышленной продуктовой группы оборонного назначения в соответствии с планируемым государственным оборонным заказом (далее — ГОЗ) или его непосредственным выполнением, направленным на обеспечение безопасности государства;

- экономический потенциал является на наш взгляд приоритетным, так как именно экономический потенциал производственных предприятий, включающий ресурсную, финансовую и инновационную составляющие, дает возможность развития военных и гражданских технологий. В соответствии с ростом технологического уровня повышается качество производимой, в том числе и оборонной, продукции, расширяется ассортимент, увеличивается деловая активность бизнеса. Развитие технологий, передача их из «оборонки» в гражданское направление и наоборот является неотъемлемой частью внутренних процессов единой организационно-экономической среды функционирования предприятия, выпускающего продукцию оборонного и гражданского назначения. Рост технологической управляемости комплекса увеличивает мотивацию персонала к повышению своего квалификационного уровня. Развитие и эффективное управление экономическим потенциалом предприятий ОПК — залог успешного функционирования производственных систем и экономики комплекса в целом.

На сегодняшний день на территории Российской Федерации функционирует 1 353 оборонно-промышленных предприятия, 75 из

которых находятся в Челябинской области¹. Производят продукцию 65 предприятий. Из них напрямую исполняют государственный оборонный заказ только 32 предприятия, при условии выделения им ГОЗ на контрактной основе.

Предприятия ОПК Южного Урала вносят существенный вклад в развитие экономики своего региона. Ежегодно они выпускают около 10 % валового регионального продукта. Индекс промышленного роста производственных предприятий, по данным Челябинскстата, составил 102,5 % на период январь-июнь 2018 г. к аналогичному периоду предыдущего года. По отчетным данным губернатора области за 2017 г., увеличение объема выпуска специальной продукции к уровню предшествующего года отмечено на следующих предприятиях ОПК: ПАО «Челябинский часовой завод «Молния», АО «НПО электромеханики» (Миасс), АО «Златмаш» (Златоуст), ПАО «Радиозавод» (Кыштым), АО «НИИ «Гермес» (Златоуст), АО «НПО «Электромашина» (Челябинск), АО «712-й Авиационный ремонтный завод» (Челябинск), АО «Катав-Ивановский приборостроительный завод», ФГУП «Приборостроительный завод» (Трехгорный), АО «Челябинский радиозавод «Полет», АО «НПО „Сплав“, производство № 3», АО «Сигнал» (Челябинск), ООО «ЧТЗ-Уралтрак» (Челябинск)².

Снижение объема выпуска государственного оборонного заказа в 2017 г. отмечено на следующих предприятиях: АО «Миасский машиностроительный завод», АО «Уралэлемент» (Верхний Уфалей), АО «Завод пластмасс», АО «СКБ „Турбина“» (Челябинск), АО «ГРЦ имени академика В. П. Макеева» (Миасс), «Усть-Катавский вагоностроительный завод» — филиал ФГУП «ГКНПЦ им. М. В. Хруничева»³. Необходимо отметить, что снижение объема выпуска оборонной продукции и продукции двойного назначения на данных предприятиях обусловлено отсутствием заказов со стороны Министерства обороны РФ и других заказчиков. Данный факт подтверждает одну из основных проблем, стоящих перед предприятиями комплекса, — дискретный характер выделения ГОЗ, нестабильность загрузки оборудования и финансовые потери при переналадке загруженных мощностей, снижение качества трудовых ресурсов.

¹ Ассоциация предприятий ОПК Челябинской области. — URL : <http://asopk.ru/association/chleny-assotciatcii/nauchno-proizvodstvennoe-obedine-nie-radiotekhnicheskiesistemy>.

² Отчет губернатора Челябинской области о результатах деятельности правительства Челябинской области в 2017 г. — URL : http://mineconom74.ru/sites/default/files/imceFiles/user-318/otchet_gcho_-_2017.pdf; Оперативная информация Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Челябинской области. — URL : <https://clck.ru/EMQ4A>.

³ Там же.

Масштаб финансовых операций и результатов деятельности дает представление о размерах имущественного комплекса предприятия, его деловой активности и эффективности его деятельности в целом. Однако стандартные количественные расчеты при составлении финансовой отчетности не всегда полно выражают информационную составляющую перспектив дальнейшего развития событий. Следовательно, немаловажное значение имеет поиск аналитических механизмов, позволяющих учесть факторы, не входящие в структуру финансовой отчетности. В частности, необходимо подвергать анализу:

- объемы НИОКР, проводимых на предприятии, их направленность и качество;
- участие предприятия в инвестиционных проектах и направленность этих проектов;
- количество технологий, используемых на предприятиях, с выделением группы «двойных» технологий, являющихся на сегодняшний день наиболее перспективной составляющей эффективности организации производственно-технологического процесса.

Необходимо отметить, что предприятия, выполняя НИОКР и участвуя в инвестиционных проектах, уже достаточно успешны во взаимодействии на рынке. В противном случае у них просто нет достаточных средств и возможностей для участие в подобных мероприятиях. Использование «двойных» технологий предполагает определенный уровень технологического развития и обеспечения производственных процессов, в том числе квалификацию кадров. Такие предприятия обладают более широким диапазоном диверсификации производственных процессов и гибкостью номенклатуры производства, чем те, которые технологически ограничены и не в состоянии в кратчайшие сроки «подстроиться» под требования заказа потребителей.

Основная цель, стоящая на сегодняшний день перед производителями уральского оборонно-промышленного комплекса, — наращивание производства высокотехнологичной продукции гражданского и двойного назначения, а также производства оборонной продукции с целью реализации масштабного перевооружения армии и флота¹. Выявляя перспективные возможности экономических систем производственных предприятий, мы можем осуществить планирование мероприятий по реализации этой цели.

Применительно к ОПК Урала это предполагает рассмотрение потенциальных возможностей полной реализации своих функций для достижения поставленных задач в рамках реального времени и на бли-

¹ Как проходит диверсификация ОПК в России / Информационный портал ТАСС. — URL : <https://tass.ru/ekonomika/4710238>.

жайшую перспективу. Рассматривая потенциал предприятия, необходимо подвергнуть анализу всю сложившуюся систему инвестиционных, производственно-технологических и организационно-экономических ресурсов и сопоставить с показателями эффективности управления в соответствии с особенностями производства ОПК: ресурсная взаимозаменяемость, взаимосвязь элементов производственной системы, технологическая гибкость и адаптивность к видам продукции, к изменяющимся экономическим и производственно-техническим условиям функционирования бизнеса. Изучение этих механизмов является инструментом управления эффективностью производства, способствует качественному рывку в модернизации, инвестиционной политике, выявлению адаптационных механизмов, что позволяет снизить затратоемкость производства и повысить возможности ОПК в удовлетворении потребностей общества и государства.

Таким образом, несмотря на сохраняющиеся проблемы, можно сделать вывод: уральская оборонная промышленность имеет достаточно привлекательный потенциал, перспективы ее развития направлены на решение одной из основных задач Правительства — оказание содействия в проведении диверсификации предприятий, в том числе ОПК Урала, в рамках перехода на выпуск гражданской продукции (не менее 50 % от общего объема производства) и создание условий для организации современных производств по выпуску конкурентоспособной, импортозамещающей продукции¹.

Библиографический список

1. *Архипова Н. П., Ястребов Е. В.* Как были открыты Уральские горы. — Свердловск : Сред.-Урал. кн. изд-во, 1990. — 221 с.
2. *Бочуров А. А., Курбанов А. Х.* Перспективы и проблемы развития отечественного оборонно-промышленного комплекса в современных условиях // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. — 2017. — № 3(33). — С. 5–9.
3. *Шубарина Л. В.* Оборонно-промышленный комплекс на Урале: исторический опыт регионального развития (1945–1965 гг.) // Вестник Военного университета. — 2010. — № 2(22). — С. 68–73.

¹ Как проходит диверсификация ОПК в России / Информационный портал ТАСС. — URL : <https://tass.ru/ekonomika/4710238>.

В. Ж. Дубровский

Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург,

А. А. Бурак

АО «Производственное объединение

„Уральский оптико-механический завод им. Э.С. Яламова“, г. Екатеринбург

Опыт АО «ПО „УОМЗ“» по опережающему развитию производства высокотехнологичной продукции гражданского назначения

Аннотация. В статье дана оценка текущей ситуации в ОПК. Накопленный оборонными предприятиями потенциал, как технологический, так и кадровый, может и должен использоваться для выпуска продукции не только военного, но и гражданского назначения. Перед предприятиями ОПК РФ поставлены долгосрочные задачи, связанные с диверсификацией производства, направленной на опережающее развитие выпуска высокотехнологичной продукции гражданского назначения. При этом очевидно, что успешная реализация поставленных целей невозможна без создания на предприятия ОПК системы новых управленческих компетенций, использования эффективных методов планирования и контроля, особого инструментария анализа и оценки результатов диверсификации производства.

Ключевые слова: ОПК; диверсификация; стратегия диверсификации производства; программно-целевое управление; проектный подход; синектика.

Оценка текущей ситуации в ОПК свидетельствует, что накопленный оборонными предприятиями потенциал, как технологический, так и кадровый, может и должен использоваться для выпуска продукции не только военного, но и гражданского назначения.

Перед предприятиями ОПК РФ поставлены долгосрочные задачи, связанные с диверсификацией производства, направленной на опережающее развитие производства высокотехнологичной продукции гражданского назначения. В своем послании Федеральному собранию от 2 декабря 2016 г. Президент РФ В.В. Путин сформулировал следующие ориентиры для достижения стратегических целей развития предприятий ОПК: доля гражданской продукции в структуре выручки должна составить не менее 17% к 2020 г., 30 % к 2025 г. и до 50 % к 2030 г.

Продемонстрированные мировой общественности результаты деятельности ОПК свидетельствуют о том, что научно-технический потенциал России находится на достаточно высоком уровне. И при этом характеризуется целым рядом передовых конкурентоспособных технологий, превышающих мировой уровень. В целом успешная реализация ГПВ-2020, выразившаяся в числе прочего в масштабном перевооружении предприятий ОПК, позволила существенно нарастить производственный потенциал, который сегодня, по существу, становится базой роста всего промышленного комплекса Российской Феде-

рации [2, с. 115]. В экспертной сессии координационного совета клуба Вольного экономического общества России В. В. Ивантер подтвердил «потрясающее развитие ОПК, как пример сектора, где есть и нужен определенный патернализм» [3, с. 326], на что в свою очередь Ю. В. Якунин озвучил предложение отказаться от размещения госзаказа на тех предприятиях, которые не отвечают современным требованиям [6, с. 375].

Вполне логичным выглядит решение высших государственных органов, ставящих задачу поэтапного перехода к использованию технологий двойного назначения для создания потенциала производства высокотехнологичной продукции гражданского назначения. Вместе с тем создание предпосылок для обеспечения устойчивого функционирования ОПК в условиях развития диверсифицированных конкурентоспособных, не субсидируемых военными заказами, гражданских производств сталкивается с необходимостью преодоления противоречий, обусловленных специфическими реалиями организации экономической и хозяйственной деятельности предприятий ОПК. Значительная часть противоречий должна быть разрешена с помощью государства, обеспечивающего институциональную трансформацию ОПК. Тем самым могут быть решены первоочередные задачи диверсификации производства в ОПК, в числе которых создание механизмов привлечения внебюджетных инвестиций в производство новой продукции гражданского назначения (ПГН), а также финансирования НИОКР и тех дополнительных затрат, которые определяют мобилизационную готовность предприятия ОПК, умножают их способность к завоеванию рыночного лидерства и преодолению спросовых ограничений.

Именно крупные предприятия в составе мультифункциональных корпоративных объединений способны выступить индустриальным базисом для достижения технологического прорыва и амбициозных целей (в том числе государственного значения), направленных на повышение операционной эффективности, развитие рынков знаний и технологий для решения задач глобального развития высокотехнологичных маргинальных рынков комплексных решений и мегапроектов [7, р. 65].

Ответственность за разработку и реализацию планов и программ диверсификации производства, обеспечивающих достижение целей, поставленных перед ОПК Правительством и Президентом РФ, лежит на предприятиях ОПК.

Государственная корпорация «Ростех» создана в 2007 г. на основании Федерального закона № 270-ФЗ от 23 ноября 2007 г. для содействия разработке, производству и экспорту высокотехнологичной промышленной продукции. Организационная структура корпорации

«Ростех» — это, по существу, мультифункциональное корпоративное объединение, потенциально способное выступить индустриальным базисом реализации мегапроектов. В настоящее время госкорпорация объединяет в своем составе 14 холдингов и несколько крупных компаний, среди которых АО «Объединенная двигателестроительная корпорация», концерн «Калашников» и ОПК «Оборонпром». В целом корпорация насчитывает в своем составе более 700 организаций.

В соответствии со стратегией развития ГК «Ростех» на период до 2025 г. уже к концу 2016 г. была реализована масштабная работа по декомпозиции целевых ориентиров на уровень конкретных производств и предприятий. Целевым критерием определен рост рынков с CAGR с темпом не менее 11 %, что означает 4-кратное увеличение вклада предприятий ОПК в рост ВВП РФ. Критерием операционной эффективности в соответствии с ТОП-100 мировых производителей определено значение рентабельности производства гражданской продукции по EBITDA на уровне выше 21 %.

Как известно, российские предприятия ОПК имеют недостаточный объем прибыли, в том числе в силу существующего правила «20+1» при выполнении Гособоронзаказа, согласно которому организация может заложить в смету 20% прибыли на работы, выполняемые собственными силами, и лишь 1% на поставки комплектующих и сторонние работы [5, с. 12]. Таким образом, при полном самообеспечении предприятия ОПК комплектующими его прибыльность составит 20 %, а при 90 %-й доле покупных компонентов (что нередко в ОПК) прибыль падает до 3 % [1, с. 4]

На протяжении 2017 г. осуществлялись мероприятия по подготовке предприятий ГК «Ростех» к предстоящей реорганизации производства и формированию такой бизнес-модели, которая отвечала бы поставленным целям и задачам. В частности, был проанализирован опыт мировых лидеров в производстве высокотехнологичных видов продукции, определены конкретные целевые сегменты и оценен потенциал занятия конкурентных рыночных долей по имеющимся у предприятий компетенциям на текущих рынках присутствия (преимущественно в сегменте B2G), определены новые рынки, отвечающие целевым критериям по динамике объемов выручки и роста доходности. А также определенным образом оговорены условия, при которых инновационная инфраструктура предприятий становится главным инструментом реализации планов НИОКР, диверсификации производств и трансфера технологий специального назначения в производство гражданской продукции. В дальнейшем, по результатам форсайта развития науки, техники и технологии на период до 2035 г., в котором приняли участие руководители и специалисты предприятий ГК «Рос-

тех», были разработаны дорожные карты освоения производства высокотехнологичной продукции гражданского назначения и развития конкретных продуктовых направлений. Каждая дорожная карта была представлена в комплексе взаимоувязанных программных документов: программах инновационного развития, инвестиционных программах, планах инновационной деятельности, а также в целевых программах развития производства высокотехнологичной продукции гражданского назначения.

АО «ПО „УОМЗ“», входящее в холдинг «Швабе» государственной корпорации «Ростех», относится к числу предприятий ОПК, наиболее успешно реализующих планы по достижению поставленных руководством страны целей. Только за два последних года предприятию удалось нарастить долю гражданской продукции до 26,5 %. Выручка от гражданской продукции АО «ПО „УОМЗ“» увеличилась в 2,5 раза к уровню 2010 г. и достигла в 2016 г. 1,5 млрд р. При этом выручка от медицинской техники увеличилась в 2,3 раза [4, с. 171]. Общая выручка от реализации в 2017 г. выросла на 12,1% и достигла 9,8 млрд р., при том что выручка от реализации продукции гражданского назначения за 2017 г. выросла в 1,8 раза. При среднегодовой численности сотрудников 2 640 чел. в АО «ПО „УОМЗ“» ведутся работы по 43 (гражданским) темам НИОКР. В результате только за 2017 г. предприятие приступило к освоению серийного производства и поставкам 22 изделий гражданского назначения. Это позволило значительно расширить внешнеэкономические связи, но вместе с тем потребовало проведения большой работы по международной сертификации новой продукции. Отмечено увеличение объемов работ по обслуживанию и сервису уже поставленной продукции. География поставок продукции АО «ПО „УОМЗ“» охватила 46 стран мира, а доля экспорта в объеме продаж составила 17 % по итогам 2017 г. Необходимым условием достижения вышеназванных результатов выступила, помимо прочего, модернизация производственно-технического комплекса, предусматривавшая сквозное внедрение передовых цифровых технологий от этапа разработки до сервисного сопровождения поставленной продукции.

Также следует отметить, что успешной реализации планов развития производства продукции гражданского назначения в значительной степени способствовали меры поддержки, оказанной предприятию со стороны федеральных и региональных органов власти. В течение последних нескольких лет АО «ПО „УОМЗ“» участвует в реализации комплексных проектов оснащения перинатальных центров в рамках

госпрограммы «Развитие здравоохранения», а также в выполнении энергосервисных контрактов в Нижнем Тагиле и Улан-Удэ.

Очевидно, что такие показатели могли быть достигнуты только при условии использования различных управленческих компетенций, методов планирования и контроля, особого инструментария анализа и оценки результатов реализованных решений, синтезированных в своеобразный комплекс методов планирования и управления.

С необходимостью именно такого комплекса методов столкнулись специалисты АО «ПО „УОМЗ“», когда возникла потребность в разработке стратегического плана диверсификации производства, отвечающего целям и задачам, обозначенным Президентом РФ и зафиксированным в стратегии ГК «Ростех». При этом уровень сложности возникших проблем стал очевиден после того, как была выполнена декомпозиция целевых ориентиров по опережающему развитию гражданских направлений. Было выделено два направления их решения. В рамках первого предусматривалась необходимость реализации целого комплекса мероприятий организационно-управленческого характера. В рамках второго — разработка проектов и программ, направленных на создание, освоение и вывод на рынок продукции, обладающей принципиально новыми потребительскими свойствами. В перечне этой продукции основное место занимают так называемые «умные продукты», способные реализовать поставленные задачи практически без участия человека (системы интеллектуального уличного освещения, роботизированные геодезические системы высокоточного позиционирования или автоматические наружные дефибрилляторы). Чтобы обеспечить согласованность действий всех подразделений, участвующих в решении задач диверсификации производства, были внесены существенные изменения в организационную структуру управления предприятия, позволившие выстроить системы проектного и программного управления, стратегического маркетинга, а также бюджетирования (как условия возможности осуществлять контроль и эффективное регулирование основных параметров производственно-хозяйственной деятельности специализированных структурных подразделений). Таким образом, сформировалась структура управления, осуществляющая целенаправленные управляющие воздействия на стыке программно-целевого, проектного подходов и стратегического управления.

В рамках системы программно-целевого управления обеспечивается согласование, координация планов развития производства ПГН, сбалансированное развитие конкретных бизнес-направлений, организуется контроль за соблюдением сроков и движением ресурсов, в том числе финансовых средств.

Проектное управление гибко и оперативно реализует инновационные проекты, при необходимости позволяет ускорить их разработку и доведение до организации серийного производства. Стабильно высокая результативность проектного управления достигается за счет использования преимуществ бюджетного финансирования.

Стратегическое управление развитием отдельных бизнес-направлений, даже в условиях бюджетных ограничений, позволило реализовать трансформацию бизнес-модели в направлении приближения производства к потребителю через организацию одновременно продуктового предложения и сервисного сопровождения. Как результат — специализированное производство гражданской продукции на предприятии становится необходимым этапом жизненного цикла крупного долгосрочного сервисного контракта (примеры: контракт жизненного цикла проекта освещения улиц Нижнего Тагила, проектов оснащения оборудованием перинатальных центров РФ и др.). Применение своеобразного синектического подхода обеспечило АО «ПО „УОМЗ“» достижение показателей, соответствующих текущим целевым ориентирам диверсификации производства, а также выступило организационно-управленческой основой реализации ключевых факторов роста выручки предприятия в 2017 г. и поставленных Президентом РФ целей по диверсификации предприятий ОПК.

В заключение следует отметить наличие важного сопутствующего эффекта. В дополнение к организационно-управленческому комплексу методов диверсификации производства, в АО «ПО „УОМЗ“» сложилась своеобразная модель организации продуктового предложения ПГН, позволяющая не только гибко реагировать на запросы рынка, но даже формировать новые рыночные потребности. В конечном счете применение данной модели как элемента стратегического управления диверсификацией производства формирует предпосылки стабильной текущей работы предприятия в целом.

Библиографический список

1. *Диверсификация* ОПК: как побеждать на гражданских рынках : доклад Экспертного совета председателя коллегии военно-промышленной комиссии РФ, подготовлен для V Международного форума технологического развития «Технопром» / С. Д. Розмирович, Е. В. Манченко, А. Г. Механик, А. В. Лисс. — Новосибирск, 2017. — 36 с.
2. *Дубровский В. Ж., Бурак А. А.* Методическое обеспечение разработки и реализации планов диверсификации предприятий ОПК // Устойчивое развитие промышленного предприятия в условиях неиндустриальной трансформации / под науч. ред. Я. П. Силина. — Екатеринбург : Изд-во Урал. гос. экон. ун-та, 2017. — С. 115–142.

3. *Ивантер В. В.* Вступительное слово 4-й экспертной сессии координационного совета клуба ВЭО России // Труды Вольного экономического общества России. — 2017. — Т. 204, № 2. — С. 323–326.

4. *Слудных А. В.* Инновационное развитие высокотехнологичного предприятия АО «ПО «УОМЗ» в условиях неоиндустриализации // Труды Вольного экономического общества России. — 2018. — Т. 209, № 1. — С. 163–182.

5. *Чемезов С. В., Волобуев Н. А., Контев Ю. Н., Каширин А. И.* Диверсификация, компетенции, проблемы и задачи. Новые возможности // Инновации. — 2017. — № 4(222). — С. 3–26.

6. *Якунин Ю. В.* «Цифра» в технологической компоненте новой экономической модели // Труды Вольного экономического общества России. — 2017. — Т. 207, № 7. — С. 368–384.

7. *Johnson G., Whittington R., Scholes K., Angwin D., Regner P.* Exploring strategy: text and cases. — 10th ed. — Pearson India Education Services Pvt. Ltd., 2016. — 808 p.

Ю. В. Куваева

Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург

Глобальные цепочки добавленной стоимости в контексте Индустрии 4.0: макрорегиональный аспект

Аннотация. Статья посвящена оценке уровня инвестиционных затрат на технологические инновации организаций по видам инновационной деятельности в Уральском федеральном округе. Рассмотрены нисходящие и восходящие связи внутри глобальных цепочек добавленной стоимости, констатировано, что в РФ в соотношении нисходящих и восходящих связей в таких цепочках происходит существенный перекос в сторону генерации внутренней добавленной стоимости. Отмечено, что практически по всем видам затрат на инновационную деятельность предприятий Уральского федерального округа в период с 2013 по 2017 г. наблюдается положительная динамика.

Ключевые слова: глобальные цепочки добавленной стоимости; «Индустрия 4.0»; новая индустриализация; нисходящие связи; восходящие связи; затраты на инновационную деятельность.

Сорок пять лет назад вышла в свет работа основоположника постиндустриального развития общества Д. Бэлла «Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования». В 1995 г. Ф. Уэбстер, систематизировавший наиболее известные к тому времени концепции постиндустриализма, опубликовал труд под названием «Теория информационного общества». В 2000 г. в России была переведена одна из часто цитируемых книг испанского социолога М. Кастельса «Информационное общество: экономика, общество и культура».

В каких именно формах постиндустриальная реальность найдет свое выражение в современном мире, в настоящий момент однозначно не ясно. Вместе с тем, как о почти свершившемся факте, о реальной

возможности формирования качественно нового социума благодаря тому, что постиндустриальная экономика в самое ближайшее время станет доминантой развития в передовых странах и придет на смену индустриальному этапу, экономисты заговорили чуть более 20 лет назад.

Наконец, в 2011 г. произошло знаковое для западной индустрии событие — Ганноверская ярмарка, которая положила начало новому этапу развития экономики — «новой индустриализации». Именно для этого мероприятия и было придумано название «Индустрия 4.0», которое сегодня используется для обозначения четвертой промышленной революции.

Напомним, что первая революция продолжалась достаточно долго, в течение почти ста лет, и ознаменовалась победой человеческого разума над энергией пара — была изобретена паровая машина. Вторая революция, продолжавшаяся с конца XIX до начала XX века, характеризуется электрификацией и созданием технологии массового производства. Импульсом третьей промышленной революции в начале 60-х годов прошлого века послужило развитие компьютеров и периферийных устройств. В начале 2000-х годов мир заговорил о четвертой промышленной революции, которая связана не только с «умными» и взаимосвязанными системами. Расшифровка генома, нанотехнологии, возобновляемые энергоресурсы и достижения в квантовой механике. Именно синтез этих технологий и их взаимодействие в физических, цифровых и биологических доменах составляют фундаментальное отличие четвертой промышленной революции от всех предыдущих [7, с. 20]. Многие исследователи рассматривают четвертую промышленную революцию именно в этом контексте, забывая, что первоначально термин «Индустрия 4.0» был придуман специально для описания процесса коренного преобразования глобальных цепочек создания стоимости [7, с. 19].

Как показывает исторический опыт, в глобальных цепочках добавленной стоимости (ГЦДС) находят свое место как развивающиеся, так и развитые экономики, при этом высокий уровень экономического развития определяется тем, насколько глубоко встроены страны в ГЦДС. Очевидно, что разная степень вовлеченности предоставляет разные возможности для получения наибольшей выгоды.

Сам термин «цепочка добавленной стоимости» был предложен М. Портером в монографии «Конкурентное преимущество» и определяет ГЦДС как «совокупность различных видов деятельности компании, направленных на разработку, производство, маркетинг, доставку и обслуживание своих продуктов» (цит. по: [1]). Глобальные цепочки состоят из нисходящих связей, описывающих процесс экспорта с при-

влечением зарубежных подрядчиков и посредников, и восходящих связей, характеризующих экспорт сырьевых товаров и услуг с высокой добавленной стоимостью, которые в дальнейшем импортируются обратно.

Российская экономика отличается общей высокой степенью участия в ЦЦДС, превосходящей среднемировой уровень. Однако качество этого участия, определяющее соответствующие выигрыши в доходах, оставляет желать лучшего [6]. Степень вовлеченности стран в ЦЦДС определяется на основании индекса участия экономик мира в цепочках добавленной стоимости, рассчитываемого как сумма двух показателей: участие в восходящих и нисходящих связях внутри глобальных цепочек.

Проведенные исследования показывают, что в РФ при расчете индекса участия в цепочках добавленной стоимости в течение всех последних лет с большим перевесом преобладают восходящие связи, или так называемая внутренняя добавленная стоимость [2; 3; 5; 6]. Доля нисходящих связей в РФ (внешняя добавленная стоимость) гораздо меньше стран ОЭСР и находится на стабильно низком уровне — порядка 10–15%. Это является свидетельством того, что другие страны используют российскую экспортную продукцию исключительно в качестве сырья, поставляя затем готовую продукцию.

В контексте Индустрии 4.0 особый интерес представляет Уральский федеральный округ как единый экономический регион, отраслями рыночной специализации которого исторически являются цветная и черная металлургия, машиностроение, горнодобывающая, лесная и деревообрабатывающая промышленность. Место Урала в экономическом пространстве XXI века следует искать в лоне очередного этапа разворачивающейся научно-технической революции [4, с. 16]. Встраивание российских компаний в звенья ЦЦДС на уровне нисходящих связей возможно исключительно благодаря более широкому их включению в наукоемкие производства, способные генерировать продукты, услуги и технологии с высокой добавленной стоимостью.

В беседе с ИК4-ТЕКНИКЕР профессор Э. Абеле, директор Института управления производством, технологий и станков в техническом университете Дармштадта (Германия), утверждает, что Индустрия 4.0 в рамках высокотехнологической стратегии Германии описывается через интероперабельность (совместимость), виртуализацию, децентрализацию и работу в режиме реального времени¹. Специалисты компании Deloitte указывают на такие структурные элементы, как горизон-

¹ *INDUSTRY 4.0: The Computerization of Manufacturing // ИК4-ТЕКНИКЕР.— 2016. — URL : <http://www.tekniker.es/en/industry-4-0-the-computerization-of-manufacturing>.*

тальные связи, вертикальные сети, «инжиниринг» на всех этапах ГЦДС и ускорение всех процессов в компании за счет использования технологий¹. Вместе с тем, независимо от того, какие составные части формируют совокупное понятие «Индустрия 4.0», очевидным является то обстоятельство, что в рамках новой индустриализации встраивание экономики в глобальные цепочки добавленной стоимости невозможно без применения технологических, операционных и прочих инноваций в производственном процессе.

В этой связи представляется важным анализ ситуации в Уральском федеральном округе, являющемся флагманом отечественной промышленности и одним из перспективных макрорегионов благодаря высокой концентрации интеллектуального потенциала, сосредоточению предприятий ОПК, обрабатывающей промышленности, способной производить различные виды товаров, продуктов и изделий с качественно новыми свойствами. Обратимся к статистике. В таблице приведены данные, наглядно отражающие динамику инвестиций в технологические инновации хозяйствующих субъектов Уральского федерального округа по видам инновационной деятельности.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что практически по всем видам затрат на инновационную деятельность (за исключением дизайна и маркетинговых исследований) в период с 2013 по 2017 г. наблюдается положительная динамика, по некоторым направлениям фиксируя среднее увеличение в 2–3 раза (приобретение новых технологий, права на патенты, лицензии на использование изобретений, промышленных образцов, полезных моделей). Вместе с тем не следует забывать, что для создания конкурентного преимущества отечественной экономики решающую роль играет ее внешняя открытость, готовность и способность к сотрудничеству с мировыми технологическими лидерами, формирующими ГЦДС. Неизбежная деградация стран, не сумевших своевременно встроиться в производственные цепочки, лишь вопрос времени. Современный мир распределенного производства, кластерных проектов и глобальных цепочек — это мир преимущественно малых организационных форм, горизонтальных коммуникаций, повышенной мобильности множества независимых партнеров, вступающих в сетевую кооперацию [6], и игнорировать данное обстоятельство по меньшей мере недальновидно.

¹ *Industry 4.0. Challenges and Solutions for the Digital Transformation and Use of Exponential Technologies* / Deloitte. — URL : <https://www2.deloitte.com/ch/en/pages/manufacturing/articles/manufacturing-study-industry4.html#>.

**Затраты на технологические инновации организаций по видам инновационной деятельности
в Уральском федеральном округе в 2013–2017 гг., тыс. р.**

Показатель	2013	2014	2015	2016	2017
Затраты на технологические (продуктовые, процессные) инновации	130 916 930,8	122 952 692,0	120 131 403,5	153 891 200,0	186 288 700,0
Исследование и разработка новых продуктов, услуг и методов их производства (передачи), новых производственных процессов	41 487 941,4	39 844 233,9	45 048 859,5	49 199 100,0	53 004 000,0
Дизайн (деятельность по изменению формы, внешнего вида или удобства использования продуктов или услуг)	4 628 962,7	6 206 580,1	1 775 441,2	3 336 100,0	3 669 400,0
Приобретение машин и оборудования, связанных с технологическими инновациями	69 370 205,6	66 151 509,7	61 842 455,6	87 379 200,0	110 561 100,0
Приобретение новых технологий	228 312,5	531 207,4	490 698,2	2 246 500,0	554 800,0
Из них права на патенты, лицензии на использование изобретений, промышленных образцов, полезных моделей	53 083,0	467 264,4	290 842,7	1 0876 00,0	168 600,0
Приобретение программных средств	1 411 130,2	1 144 623,9	1 550 583,0	1 624 300,0	1 619 500,0
Инжиниринг, включая подготовку технико-экономических обоснований, производственное проектирование, пробное производство и испытания, монтаж и пуско-наладочные работы, другие разработки (не связанные с научными исследованиями и разработками) новых продуктов, услуг и методов их производства (передачи), новых производственных процессов	6 490 939,6	5 424 852,9	2 092 205,8	2 978 400,0	8 574 700,0
Обучение и подготовка персонала, связанные с инновациями	760 095,2	178 608,1	104 485,5	201 600,0	794 500,0
Маркетинговые исследования	66 101,3	6 128,4	8 225,4	25 800,0	32 200,0
Прочие затраты на технологические инновации	6 473 242,3	3 464 947,6	7 218 449,3	6 900 100,0	7 478 400,0

Примечание. Составлено по: *Инвестиции* в нефинансовые активы / Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/enterprise/investment/nonfinancial.

Библиографический список

1. *Лубская Е. В.* Глобальные цепочки добавленной стоимости как новый элемент международной торговли // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. — 2017. — № 2(104). — С. 138–142.
2. *Мешкова Т. А., Моисеичев Е. Я.* Мировые тенденции развития глобальных цепочек создания добавленной стоимости и участие в них России // Вестник Финансового университета. — 2015. — № 1(85). — С. 83–92.
3. *Мешкова Т., Моисеичев Е.* Анализ глобальных цепочек создания стоимости: возможности Форсайт-исследований // Форсайт. — 2016. — Т. 10, № 1. — С. 69–82.
4. *Силин Я. П., Анимица Е. Г.* Эволюция геоэкономических моделей развития Уральского макрорегиона // Урал — XXI век: регион опережающего развития / под науч. ред. Я. П. Силина. — Екатеринбург : Изд-во Урал. гос. экон. ун-та, 2016. — С. 12–19.
5. *Смородинская Н. В.* Глобализированная экономика: от иерархий к сетевому укладу. — М. : Ин-т экономики, 2015. — 342 с.
6. *Смородинская Н. В., Катухов Д. Д.* Влияние глобальных стоимостных цепочек на национальные экономические системы и вызовы для российской экономической политики // Общественные науки и современность. — 2017. — № 5. — С. 27–33.
7. *Шваб К.* Четвертая промышленная революция. — М. : Эксмо, 2018. — 288 с.

СОДЕРЖАНИЕ

Приветственное слово участникам конференции..... 3

Урал — XXI век: пространство для неиндустриального и инновационного развития

Баразгова Е. С., Попова О. И. Подготовка профессионала в вузе как инновационный процесс.....	8
Дворядкина Е. Б., Кайбичева Е. И. Новые индустриальные города в процессах урбанизации Большого Урала	14
Довбий И. П. Финансовое обеспечение инвестиций в промышленность: наследие прошлого и неопределенность будущего Урала.....	21
Заборова Е. Н., Клейменов М. В., Тихомирова А. М. Исследование развития малого и среднего предпринимательства в Свердловской области.....	29
Карх Д. А., Морозова М. П. Пространство для развития логистических интегрированных распределительных центров сельскохозяйственной продукции в регионе.....	35
Пьянкова С. Г., Гришина В. В. Совершенствование методических подходов к формированию документов стратегического планирования региона.....	42
Рой О. М. Оптимизация межуровневого взаимодействия в условиях реализации пространственной политики России.....	47
Блусь П. И., Шестакова Н. О. Возможности самореализации молодежи в условиях развития проектной деятельности в России.....	53
Глумов А. А. Роль сетевых производственных структур в функционировании муниципалитетов (на примере ГО Верхняя Салда).....	60
Илюхин А. А., Илюхина С. В. Дорожно-транспортные проблемы социальной инфраструктуры крупного мегаполиса	67
Курушина Е. В. Формирование макрорегионов: принципы успешной экономической интеграции субъектов Российской Федерации	75
Мыслякова Ю. Г., Захарова В. В. Оценка инновационного кода Уральского региона.....	81
Латыпов Р. Т. Деятельность муниципального фонда поддержки предпринимательства по развитию малого и среднего бизнеса в регионе.....	86
Новикова Н. В. Структурные трансформации в экономическом пространстве Уральского макрорегиона.....	90

Охрименко Е. И., Чернов С. А. Методологические подходы к формированию и развитию инвестиционной политики региона на основе изучения его инвестиционного потенциала	99
Пестряков А. Н. Влияние органов власти на развитие рынка недвижимости Екатеринбурга	105
Сабитов Р. К. О региональных аспектах экономической и социально-демографической политики в Российской Федерации	110
Чупина Д. А. Влияние нетарифных барьеров на развитие экспорта Свердловской области.....	114
Белоусова Е. А. Связанность экономического пространства муниципальных районов Свердловской области в условиях формирования цифровой экономики.....	120
Ефимова Е. Г. Тенденции цифрового развития региональной системы профессионального образования.....	127
Назаров А. Д., Зырянова В. А. Модель оценки эффективности веб-сайтов вузов Уральского региона с помощью интернет-маркетинга	135
Павлов Ю. В. Производительность труда в обрабатывающей промышленности Екатеринбургской агломерации.....	141
Сбродова Н. В., Албычева М. Д. Проблемы развития машиностроения в Свердловской области	149

Промышленно-технологические ресурсы для инновационного прорыва в пространстве макрорегиона

Шайбакова Л. Ф., Куранова К. П. Развитие институциональной среды инновационной деятельности	156
Орехова С. В., Кислицын Е. В. Специфика инновационного развития промышленных рынков	163
Мордвинова А. Э. Китайская модель развития старопромышленных регионов.....	170
Мальцев А. А. Экспортные возможности среднего бизнеса уральской промышленности: рейтинговая оценка	176
Калабина Е. Г. Достижение аллокативной эффективности при оптимизационном планировании производственной программы промышленной компании (случай уральской промышленной компании)	183
Дубровский В. Ж., Миронов Д. С. Индустриальные парки Свердловской области: барьеры и вызовы инновационного развития.....	189
Ярошевич Н. Ю. Цифровизация промышленности в неоиндустриальном развитии региона	196
Курдюмов А. В. Комплексная цифровизация — резерв повышения эффективности АПК Урала	202

Сурнина Н. М., Дьячков А. Г., Шишкина Е. А. Особенности развития электроэнергетического комплекса Свердловской области в экономическом пространстве Российской Федерации.....	206
Мокроносов А. Г., Ярошевич Н. Ю. Приоритеты развития машиностроения Урала в рамках новой структурной экономики.....	212
Кирсанова М. А. Потенциал оборонно-промышленного комплекса Урала.....	218
Дубровский В. Ж., Бурак А. А. Опыт АО «ПО „УОМЗ“» по опережающему развитию производства высокотехнологичной продукции гражданского назначения.....	224
Куваева Ю. В. Глобальные цепочки добавленной стоимости в контексте Индустрии 4.0: макрорегиональный аспект	230

Научное издание

**Урал — XXI век:
МАКРОРЕГИОН НЕОИНДУСТРИАЛЬНОГО
И ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ**

Материалы
III Международной научно-практической конференции

(Екатеринбург, 15—16 октября 2018 г.)

Том 1

Корректоры:

М. Ю. Воронина, И. П. Зорина, Л. В. Матвеева

Компьютерная верстка

Н. И. Якимовой

Поз. 89. Подписано в печать 03.10.2018.

Формат 60 × 84 ¹/₁₆. Гарнитура Таймс. Бумага офсетная. Печать плоская.

Уч.-изд. л. 13,0. Усл. печ. л. 13,95. Печ. л. 15,0. Заказ 552. Тираж 110 экз.

Издательство Уральского государственного экономического университета
620144, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта/Народной Воли, 62/45

Отпечатано с готового оригинал-макета в подразделении оперативной полиграфии
Уральского государственного экономического университета